

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
факультет психологии

На правах рукописи

Алюшева Анна Расимовна

**КУЛЬТУРНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ СТРУКТУРЫ
АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ**

Специальность 19.00.01 –
Общая психология, психология личности, история психологии

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата психологических наук

Научный руководитель:
доктор психологических наук,
профессор Нуркова В.В.

Москва – 2015

СОДЕРЖАНИЕ

	Введение	4
Глава 1.	Теоретический анализ проблемы культурной детерминации автобиографической памяти	13
1.1.	Структура автобиографической памяти	13
1.2.	Функции автобиографической памяти	19
1.3.	Культурная детерминация развития автобиографической памяти	22
1.3.1.	Развитие автобиографической памяти в форме конкретного автобиографического воспоминания	25
1.3.2.	Проблема становления макроструктуры автобиографической памяти	30
1.4.	Вариативное овладение репертуаром культурных жизненных сценариев как источник формирования макроструктуры автобиографической памяти	37
1.4.1.	Предпосылки психологических исследований культурного жизненного сценария	37
1.4.2.	Понятие культурного жизненного сценария в исследованиях автобиографической памяти	40
1.4.3.	Репертуар культурных жизненных сценариев	51
1.4.3.1.	Типичный жизненный сценарий	51
1.4.3.2.	Художественный сценарий	56
1.4.3.3.	Медийные сценарии	60
1.4.3.4.	Семейный сценарий	61
1.5.	Выводы	66
Глава 2.	Эмпирическое исследование культурной детерминации структуры автобиографической памяти	69
2.1.	Постановка проблемы эмпирического исследования	69
2.2.	Метод	70
2.2.1.	Методический инструментарий эмпирического исследования	70
2.2.2.	Выборка и процедура эмпирического исследования	77
2.2.3.	Обоснование процедуры анализа данных	80
2.3.	Результаты исследования	82
2.3.1.	Параметры макроструктуры автобиографической памяти, присутствующие в культурном жизненном сценарии и транслируемые внутрисемейно	83
2.3.2.	Параметры макроструктуры автобиографической памяти, присутствующие в культурном жизненном	88

	сценарии и не испытывающие семейного влияния	
2.3.3.	Параметры макроструктуры автобиографической памяти с внутрисемейным источником формирования	89
2.3.4.	Индивидуальные особенности автобиографической памяти, не детерминированные культурными жизненными сценариями и семейной трансмиссией	95
2.4.	Параметры макроструктуры автобиографической памяти при создании «Линии жизни» своего родителя	98
2.5.	Обсуждение полученных результатов	113
2.6.	Выводы	117
	Заключение	118
	Список литературы	123
	Приложения	144

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность диссертационного исследования

Автобиографическая память (АП) является антропогенетически позднейшей высшей мнемической системой, оперирующей с личностно значимым автобиографическим материалом, которая обеспечивает работу диахронического аспекта самосознания субъекта посредством организации целостной истории прошлого.

Самостоятельным предметом психологических исследований АП становится в 1980-е гг. (термин «автобиографическая память» впервые предложен Дж. Робинсоном (Robinson, 1976)). В отечественной психологии отдельные аспекты функционирования данной личностно-мнемической системы рассматривались в научной школе Б.Г. Ананьева, который является автором понятия «субъективная картина жизненного пути», и продолжают изучаться в работах представителей психологии жизненного пути (Абульханова-Славская, 1991; Бочавер, 2012; Логинова, 2012; Толстых, 2012 и др.) и в исследованиях других отечественных психологов (Анцыферова, 2006; Василюк, 1984, 2009; Головаха, Кроник, 1984; Сапогова, 2005, 2011 и др.). На базе культурно-исторической методологии концепцию АП как высшей психической функции развивает В.В. Нуркова. Автор изучает АП как мнемическую систему, оперирующую с личностно отнесенным опытом и организованную по смысловому принципу. Особое внимание в данном подходе уделяется исследованию культурных средств организации автобиографического опыта (1999; 2000; 2009; 2012).

Анализ современного состояния проблематики АП показывает, что в последние десятилетия основательно исследованы ее частные закономерности, изучена феноменология отдельных автобиографических воспоминаний (АВ), выявлен их функциональный репертуар, предложены модели функционирования АП, в которых автобиографический материал анализируется на микро- и макроуровне организации этой личностно-

мнемической системы (Howe, Courage, 1997; Conway, Pleydell-Pearce, 2000; Conway, 2005; Rubin, 1997; Нуркова, 2000, 2009 и др.).

Однако, несмотря на то, что представление о системном уровне в характере АП является общепризнанным, основным объектом изучения до сих пор являются дискретные воспоминания, т.е. анализ проводится преимущественно на микроуровне. Так, в русле социокультурного подхода к развитию АП традиционно исследуется процесс становления единичного автобиографического воспоминания (Nelson, 1993; Fivush, Berlin, 2003; Kingo, Krojgaard, 2012 и др.), влияние стиля родительской коммуникации по поводу эпизода прошлого на характеристики отсроченных воспоминаний ребенка (Nelson, 2003; Fivush, 2003, 2007; Larkina, Bauer, 2010; Kulkofsky, 2011; Harris, Barnier, Sutton, 2013 и др.), изучаются кросс-культурные различия в особенностях воспоминаний детей и взрослых (Wang, Brockmeier, 2002; Kulkofsky, Wang, Hou, 2010 и др.).

Значительно меньше работ посвящено психологическому анализу развития макроуровня АП. Они представлены в нарративном и сценарном подходах. В рамках нарративного подхода изучается становление повествовательной формы целостной «жизненной истории», взаимозависимость личности и ее самоописания (McAdams, 1985; Habermas, Black, 2000; Pasupathi, Mansour, 2006; Сапогова, 2011 и др.). В сценарном подходе основное внимание направлено на процесс развития представлений субъекта о целостной истории своей жизни, опосредствованный овладением культурным образцом – культурным жизненным сценарием (КЖС) (Berntsen, Rubin, 2004). Под КЖС авторы понимают субъективные представления о номенклатуре, возрасте наступления и эмоциональной валентности типичных жизненных событий. В основном изучается вклад КЖС в содержание фиксируемых в АП индивидуальных воспоминаний (Berntsen, Rubin, 2004; Bohn, 2010; Ottsen, Berntsen, 2013 и др.). Отметим, что КЖС рассматривается представителями данного подхода как сумма дискретных событий, не обладающая специфическими системными свойствами.

Несмотря на то, что сценарный подход является развивающимся и перспективным направлением изучения АП (Berntsen, Rubin, 2004, 2012; Bohn, 2010, 2013; Thomsen, Pillemer, Ivcevic, 2011; Wang, Ross, 2005 и др.), по нашему мнению, методологические ограничения данного подхода не позволяют полно изучить системные параметры КЖС, источники освоения КЖС, конкретные механизмы влияния КЖС на организацию макроструктуры АП как психологической системы.

Таким образом, **актуальность** диссертационного исследования обусловлена необходимостью разработки проблемы соотношения процессов социализации и индивидуализации в условиях детерминации макроструктуры АП специфическим культурным средством организации индивидуального автобиографического опыта – КЖС в единстве его содержательных, эмоциональных и темпоральных аспектов.

Целью исследования является изучение вклада содержательных и системных характеристик культурного жизненного сценария в строение макроструктуры индивидуальной автобиографической памяти.

Объектом исследования выступает автобиографическая память.

Предметом исследования являются механизмы опосредствования макроструктуры автобиографической памяти как системно-организованного представления человека об истории своей жизни освоением культурного жизненного сценария.

Общая гипотеза исследования

Содержательные и системообразующие параметры индивидуальной макроструктуры автобиографической памяти определяются интериоризацией различных аспектов культурного жизненного сценария как мнемического средства организации индивидуального автобиографического опыта в целостную историю личного прошлого.

Частные гипотезы исследования

1. Сложившаяся у субъекта макроструктура автобиографической памяти является результатом процесса социализации за счет овладения интегрированной системой содержательных, эмоционально-смысловых и темпоральных параметров нормативных событий жизни, представленных в культурном жизненном сценарии.
2. Межпоколенно устойчивые параметры макроструктуры автобиографической памяти отражают интериоризированную идеальную форму общекультурного жизненного сценария.
3. Высокая согласованность показателей общекультурного жизненного сценария внутри семейной диады указывает на вклад внутрисемейного взаимодействия в их формирование.
4. Индивидуальная макроструктура автобиографической памяти включает в себя параметры, не представленные в общекультурном жизненном сценарии, но высоко согласованные внутри семейной диады, что выявляет характеристики локальных семейных жизненных сценариев.

Достижение поставленной цели и проверка гипотез осуществлялись в процессе решения следующих **задач**:

1. Провести аналитический обзор современной литературы по проблеме структурно-функциональной организации и механизмов развития автобиографической памяти.
2. На основе выполненного обзора провести теоретический анализ проблемы детерминации макроструктуры автобиографической памяти как высшей личностно-мнемической психологической системы интериоризацией репертуара культурных жизненных сценариев.
3. Обосновать адекватность применения методики «Линия жизни» для решения задачи экспликации макроструктуры автобиографической памяти в единстве формальных и содержательных параметров ее исследования.

4. Выявить систему параметров макроструктуры автобиографической памяти, определяемых системным строением общекультурного жизненного сценария и семейного жизненного сценария, и дополнительную систему индивидуализированных параметров.

Теоретико-методологические основания исследования

Диссертационное исследование основывается на методологии культурно-исторического подхода Л.С. Выготского (в варианте разработки концепции В.В. Нурковой АП как высшей психической функции), с позиций которого интегрируются идеи когнитивной психологии (теория уровневой организации АП, М. Conway), социокультурного подхода (влияние социального взаимодействия на становление АП – К. Nelson, R. Fivush, Q. Wang и др., роль КЖС – D. Rubin, D. Berntsen, A. Bohn, D. Thomsen) и нарративной психологии (D. McAdams, T. Habermas, S. Bluck, M. Pasupathi, Е.Е. Сапогова).

Методы исследования

Методический инструментарий исследования представлен графической методикой «Линия жизни» (ЛЖ), направленной на выявление структурно-содержательных характеристик АП в форме целостной истории жизни (Нуркова, 2000, 2009), и методикой, направленной на выявление представлений о КЖС (Berntsen, Rubin, 2004). При обработке результатов проводился статистический анализ данных.

Эмпирическая база работы

В основной серии исследования приняли участие 204 человека: 102 студента ВУЗов и 102 родителя этих студентов. В предварительной серии, где выявлялись представления о КЖС и высокочастотные АВ, участвовали 292 человека. Всего проанализировано более 550 вариантов выполнения методики ЛЖ.

Научная новизна исследования

В диссертационном исследовании впервые:

1. Предложено понимание культурного жизненного сценария как системного социокультурного средства построения макроструктуры автобиографической памяти, определяющего организацию автобиографического материала в памяти и способ осознания субъектом истории своего прошлого.
2. Эмпирически показано, что макроструктура автобиографической памяти определяется различными механизмами интериоризации системы параметров культурного жизненного сценария: ряд параметров формируется в рамках семейного взаимодействия (общее количество воспоминаний, процент позитивных и негативных воспоминаний, эмоциональный профиль автобиографической памяти), в то время как другие осваиваются без семейной корректировки (оценки периодов «детской амнезии» и «оперативного автобиографического прошлого»).
3. Выявлены параметры макроструктуры автобиографической памяти, являющиеся объектом преимущественно внутрисемейной трансмиссии: количество сценарных автобиографических воспоминаний, процент уникальных автобиографических воспоминаний; процент «фотографических» автобиографических воспоминаний; процент воспоминаний о событиях жизни других людей, включенных в автобиографическую память; датировка возраста первого автобиографического воспоминания, наличие события «Мое рождение» на «Линии жизни».
4. В системе межпоколенно устойчивых параметров макроструктуры автобиографической памяти обнаружены генерализованные, то есть независимые от объекта атрибуции параметры, которые идентичны для описания истории своей жизни и жизни другого человека.
5. Получен эффект преобразования «истории жизни» родителя, который заключается в том, что при экспликации прошлого своего родителя юноши и девушки создают описание с формальной стороны подобное

представлению о своем личном прошлом, а с содержательной – подобное культурному жизненному сценарию взрослого человека.

Теоретическая значимость исследования заключается в воплощении принципов культурно-исторического подхода при исследовании автобиографической памяти как высшей психической функции, опосредствованной культурным жизненным сценарием. Показана эвристичность методологии Л.С. Выготского для изучения строения автобиографической памяти на макроуровне в контексте проблемы социализации-индивидуализации. Выявлены конкретные формы детерминации макроструктуры автобиографической памяти специальными социокультурными средствами: общекультурным жизненным сценарием и семейным жизненным сценарием. Обосновано положение о вариативном овладении субъектом репертуаром культурных жизненных сценариев как системой средств мнемической организации индивидуального автобиографического опыта для создания истории своего прошлого.

Практическая значимость исследования

Результаты, полученные в диссертационном исследовании, могут быть использованы в психодиагностических и тренинговых целях, а также в семейном и индивидуальном психологическом консультировании, где целостная история жизни выступает объектом коррекционных воздействий.

Результаты проведенного исследования включены в содержание курса «Общая психология», спецкурса «Автобиографическая память» и спецпрактикума «Автобиографический метод в консультировании», преподаваемых на факультете психологии МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва), а также в его филиалах (Севастополь, Баку, Ташкент).

ПОЛОЖЕНИЯ, выносимые на защиту:

1. Автобиографическая память представляет собой психологическую систему, элементами которой являются дискретные воспоминания, системная организация которых на макроуровне обеспечивается

интериоризацией содержательных, эмоциональных и темпоральных характеристик общекультурного и семейного жизненных сценариев.

2. Системными параметрами макроструктуры автобиографической памяти, в единстве образующими целостную историю личного прошлого являются: событийная насыщенность личного прошлого, его эмоциональный профиль, субъективная временная протяженность различных этапов прошлого, процент автобиографических воспоминаний различных типов.
3. В культурный жизненный сценарий входят параметры с фиксированными нормативными значениями, индивидуальная вариативность которых связана а) с семейной ситуацией развития (общее количество воспоминаний, процент позитивных и негативных воспоминаний, эмоциональный профиль автобиографической памяти); б) с внесемейными источниками (оценка протяженности периода «детской амнезии», оценка протяженности периода «оперативного автобиографического прошлого»).
4. В макроструктуре автобиографической памяти представлены параметры, не входящие в культурный жизненный сценарий, но являющиеся объектом межпоколенной внутрисемейной трансмиссии, что выявляет характеристики локальных семейных жизненных сценариев (количество сценарных автобиографических воспоминаний, процент «фотографических» и уникальных автобиографических воспоминаний, процент воспоминаний о событиях жизни других людей, возраст датировки самого раннего воспоминания, наличие события «Мое рождение» на «Линии жизни»).

Достоверность результатов исследования обеспечивается теоретической и методологической обоснованностью работы, построенной на принципах культурно-исторического подхода; применением методов, адекватных предмету и задачам исследования;

достаточным объемом полученных эмпирических данных, надежно обработанных статистическими методами, адекватными гипотезам исследования.

Апробация результатов исследования

Основные положения и результаты диссертационного исследования обсуждались на 16 научных конференциях, в числе которых: международные конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов – 2012, 2013» (Москва, МГУ); V международная конференция по когнитивной науке (Калининград, 2012); конференция, посвященная 125-летию и 130-летию МПО (Москва, 2010, 2015); II всероссийская научная конференция «Психология сознания: современное состояние и перспективы» (Самара, 2011); XII, XIII и XIV Международные чтения памяти Л.С. Выготского (Москва, 2011, 2012, 2013); V Съезд РПО (Москва, 2012); IV и VII всероссийская конференция «Психология индивидуальности (Москва, 2012, 2015); международная конференция по прикладной психологии и поведенческим наукам (ICAPBS, Франция, 2012); конференция Международного общества изучения поведенческого развития (ISSBD, Канада, 2012); международная конференция общества прикладных исследований памяти и познания (SARMAC, Нидерланды, 2013); международная конференция, посвященная социальным перспективам исследования АП (Social Perspectives on Autobiographical Memory, Дания, 2013); 13-й Европейский Психологический Конгресс (Швеция, 2013).

По материалам диссертации опубликовано 18 печатных работ.

Структура и содержание диссертации

Работа состоит из введения, 2 глав, заключения, списка литературы и приложений. Основной текст диссертации изложен на 143 страницах, текст иллюстрирован 24 рисунками, 2 схемами и 9 таблицами. Список литературы содержит 203 наименований, из них 116 – на английском языке.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

1.1. Структура автобиографической памяти

В настоящее время в мировой психологической науке растет интерес к изучению сложного, присущего только человеку вида памяти - АП. Разработаны теоретические модели функционирования АП и эмпирически исследованы процессы кодирования, хранения и извлечения материала, относящегося к личностно значимому жизненному опыту (Neisser, Winograd, 1988; Stein, Ornstein, Tversky, Brainerd, 1997; Conway, Pleydell-Pearce, 2000; Nelson, Fivush, 2004; Bluck, Alea, 2009; Berntsen, Bohn, 2010; Rubin, 2011; Нуркова, 1999; 2009; 2011).

В.В. Нуркова, рассматривая АП с методологических позиций культурно-деятельностного подхода, определяет ее как высшую мнемическую систему, организованную по смысловому принципу, оперирующую с личностно отнесенным опытом, которая обеспечивает формирование субъективной истории жизни и переживание себя как уникального протяженного во времени субъекта жизненного пути (Нуркова, 1999 - 2014). Показано, что АП имеет специфические особенности организации, отличающие ее от других видов памяти. Так, если семантическая память строится по схеме «Мир и я» (от воспоминаний требуется точность, непротиворечивость, объективность), то содержания АП структурируются по альтернативной схеме «Я и мир», где важнее становится не истинность, а личностная ценность, субъективная значимость материала (Нуркова, 2005). Помимо выявленной многими авторами специфики кодирования, хранения и извлечения автобиографического материала в качестве основных критериев, позволяющих выделить АП как самостоятельную мнемическую систему, необходимо учитывать феноменологическое и функциональное своеобразие, а также особый путь ее

онтогенетического развития (Conway, Singer, Tagini, 2004; Fivush, 2011; Нуркова, 2008; 2009; Василевская, 2008; Василевская, Кабардов, Нуркова, 2011).

АП имеет многоуровневую структуру, в которой дискретные воспоминания о конкретных эпизодах прошлого в процессе развития данной мнемической функции организуются в целостные жизненные этапы, в результате чего создается личная история человека. Представление о системной (уровневой) организации АП не вызывает сомнений в научном сообществе исследователей АП и отражено в моделях АП, разрабатываемых как в когнитивной психологии, так и в рамках культурно-деятельностного подхода (Howe, Courage, 1997; Conway, Pleydell-Pearce, 2000; Нуркова, 2009).

Согласно модели АП как самореференционной системы памяти (Self-Memory System), разработанной Мартином Конвеем с коллегами, в актуалгенезе автобиографических воспоминаний принимают участие несколько психологических структур, объединенных в целостную систему (Conway, Pleydell-Pearce, 2000; Conway, 2003; Conway, Singer, Tagini, 2004; Conway, 2005). С одной стороны, это мнемические структуры – семантическая и эпизодическая память, с другой – такие структуры личности, как «Долговременное Я» (Long-term Self) и «Рабочее Я» (Working Self). Семантическая память является хранилищем личностно нейтральных знаний об окружающем мире. Содержанием эпизодической памяти является информация о событиях в полимодальной форме, которая используется семантической и автобиографической системами декларативной памяти.

«Долговременное Я» включает в себя две подструктуры: «Базу автобиографических знаний», где хранится материал, интерпретированный как относящийся к личности, и «Я-концепцию», т.е. представление о собственных личностных качествах, которое основывается на содержании базы автобиографических знаний, и в то же время способно их модифицировать в зависимости от релевантного на данный момент образа себя.

«Рабочее Я» отражает совокупность актуальных мотивов и целей (отметим, что данная структура является семантически близкой понятию «Рабочая память» (Baddeley, 1992)). Согласно рассматриваемой модели, при актуализации автобиографического воспоминания «Рабочее Я» обращается к «Долговременному Я» и эпизодической памяти одновременно, таким образом, что материал, хранящихся в «Долговременном Я», становится доступен в полимодальной форме за счет эпизодической памяти.

По концепции Мартина Конвея, АП необходима для выполнения следующих базовых функций:

- 1) «адаптивное соответствие» (adaptive correspondence), т.е. приспособление к условиям актуальной задачи и гибкое целеполагание в соответствии с требованиями текущей ситуации;
- 2) «Я-согласованность» (self-coherence), что может быть понято как сохранение субъективного чувства целостности своей личности в диахроническом аспекте.

В соответствии с обозначенными выше функциями М. Конвей выделяет следующие уровни феноменологии АП: 1) образно насыщенные эпизоды; 2) обобщенные события; 3) жизненные этапы и 4) целостное представление об истории своей жизни.

В зависимости от конкретной задачи АП актуализирует личностно отнесенный материал разного уровня: стратегия «адаптивного соответствия» выполняется в основном за счет воспроизведения дискретных и образно насыщенных эпизодов, стратегия «Я-согласованности» осуществляется посредством привлечения высших уровней работы АП.

В.В. Нурковой предложена модель АП как высшей психической функции второго порядка, в которой представлена уровневая организация данной психологической системы. Согласно этой модели, АП подчиняется закону развития высших психических функций, предложенному Л.С. Выготским: «Высшие психические функции <...> представляют собой новые психологические системы, включающие в себя сложное сплетение

элементарных функций, которые, будучи включенными, в новую систему, сами начинают действовать по новым законам» (Выготский, 1984, с.58).

Однако при исследовании АП выявлены существенные отличия данной мнемической системы от других высших психических функций. Так, элементарный уровень АП представлен уже сформировавшимися ранее высшими психическими функциями – вербально опосредствованной эпизодической памятью, понятийной семантической памятью, актуальной «Я-концепцией», речью. Соответственно, АП как психологическая система включает в себя совокупность высших психических функций, в связи с чем В.В. Нурковой предлагается рассматривать АП как высшую психическую функцию второго порядка (Нуркова, 2009).

Анализируемая модель также предполагает, что АП функционирует как единая личностно-когнитивная психологическая система, где разворачиваются микроуровневые и макроуровневые взаимодействия. На микроуровне АП представлена дискретными воспоминаниями о единичных эпизодах прошлого, которые могут быть выражены в виде «фотографических», «важных», «переломных» и «самоопределяющих» воспоминаний. На макроуровне возникают несводимые к нижележащему уровню качественно своеобразные формы - жизненные темы, жизненные этапы («главы жизни», по Д. Томсен (Thomsen, Pillemer, Ivcevic, 2011)), а также история жизни в форме целостного представления о прошлом.

В исследованиях, выполненных под научным руководством В.В. Нурковой, эмпирически подтверждено предположение о том, что автобиографический материал по мере адресации к высокому уровню организации АП представляет более ядерные личностные структуры и меньше отражает ситуативную мотивацию субъекта (Нуркова, Бодунов, 2014).

Так, Е.А. Бодуновым получен эффект устойчивости показателей целостной субъективной картины истории собственной жизни при изменении мотивационного контекста ее экспликации. Испытуемые, пациенты с

диагностированной алкогольной зависимостью, актуализировали историю своего прошлого дважды: сначала по просьбе лечащего врача, а далее, спустя определенный промежуток времени, их просили воспроизвести такую историю о своем прошлом, которую они хотели бы рассказать своим детям. Количественный анализ не выявил значимых различий в показателях эксплицированной истории прошлого в условиях разного мотивационного контекста. Вместе с тем, качественный анализ протоколов с историями «для врача» и «для ребенка» обнаружил ряд закономерных трансформаций. При создании пациентами истории прошлого, которую хотелось бы рассказать своим детям, снижается пропорция негативных воспоминаний, акцентируется тема семейных отношений, повышается детализация воспоминаний, чаще выражена «нравоучительная» функция истории жизни (Бодунов, 2013).

Актуализируясь на разных уровнях деятельности субъекта: операциональном, целевом и даже мотивационном (выстраивание автобиографии может стать самостоятельным процессом, что отличает АП от всех остальных видов памяти, которые обслуживают задачи других психических функций), автобиографический материал обладает чрезвычайно изменчивой феноменологией (Nourkova, Bernstein, Loftus, 2004; Нуркова, 2009).

На операциональном уровне осуществляется непроизвольное воспроизведение мнемического материала, осознание которого происходит, как правило, в случае каких-либо «сбоев», затруднений реализации текущей цели. Примером также может служить процесс поддержания определенного психического состояния, эмоциональная регуляция, создание того или иного настроения спонтанными воспоминаниями о жизненных событиях (Масе, 2004).

Д. Бернтсен по результатам проведенной ей серии дневниковых исследований пришла к заключению, что спонтанные автобиографические воспоминания осознаются в среднем в 3 раза чаще, чем намеренные

(Berntsen, Staugaard, Sorensen, 2013). В отличие от произвольных воспоминаний, поиск которых осуществляется по специальному запросу и регулируемой схеме, механизмами актуализации непроизвольных воспоминаний являются различные типы ассоциаций. По данным автора, непроизвольные воспоминания включают в себя специфические, уникальные ситуации прошлого, а также вызывают более интенсивное эмоциональное переживание при воспроизведении. Бернтсен утверждает, что непроизвольные автобиографические воспоминания являются онтогенетически ранними, не требуют контроля и, соответственно, менее зависимы от развития фронтальных лобных мозговых структур (Berntsen, Rubin in: *Understanding Autobiographical memory...*, 2012, p.348).

На целевом уровне осуществляется произвольное воспроизведение прошлого в зависимости от характера выполняемых субъектом действий. Так, например, автобиографический эпизод может быть рассказан как с целью поддержания беседы, так и в прагматическом контексте (как средство решения жизненной задачи) или для самопрезентации. И, наконец, актуализация в памяти значимых воспоминаний личного прошлого может стать автономной полимотивированной деятельностью (к примеру, в процессе написания мемуаров).

Несмотря на то, что представление об уровневом характере функционирования АП является признанным, основным объектом изучения до сих пор является феноменология дискретных воспоминаний на микроуровне, и значительно меньше работ посвящено психологическому анализу макроуровня АП (McAdams, 1985; Habermas, Bluck, 2000; Pasupathi, Weeks, 2010; Нуркова, 2010; Алюшева, 2012).

В нашей диссертационной работе исследуется произвольный уровень функционирования АП, когда автобиографический материал включается человеком в формирование целостной истории своего прошлого. Учитывая имеющиеся в литературе надежные данные о динамичности структуры и пластичности содержаний АП (Loftus, Pickrell, 1995; Nourkova, Bernstein,

Loftus, 2004; Janssen, Rubin, Jacques, 2011), мы полагаем, что корректно говорить об относительной устойчивости высшей формы организации автобиографического опыта, понимаемого и переживаемого субъектом как «целостная картина своего прошлого». Эта психологическая реальность, как одна из образующих самосознания, доступна для «переформатирования» в процессе резких личностных изменений, смены социальных ролей, кризисов идентичности, однако, являясь субстратом переживания самотождественности личности во времени, с необходимостью должна сохранять определенный уровень стабильности (O'Connor, 2010; Gotlib, Jonides, Joormann, 2011; Berntsen, Rubin, Siegler, 2011).

1.2. Функции автобиографической памяти

В области современных психологических исследований памяти возрастает количество работ, посвященных изучению функционального репертуара АП, сосуществуют различные точки зрения на разнообразие задач, выполняемых данной личностно-мнемической системой (Baddeley, 1987; Bluck, Alea, 2011; Pillemer, 1992, 2003; Василевская, 2008; Нуркова, Алюшева, 2010).

Функции АП можно разделить на 4 группы:

1. ориентированные на межличностное либо межгрупповое взаимодействие (достижение социальной солидарности или отторжения; передача жизненного опыта; установление и повышение качества межличностных контактов; самопрезентация; предсказание поведения других людей по аналогии с событиями своей жизни);
2. ориентированные на саморегуляцию (обращение к прошлому с целью изменения настроения, мотивации, контроля эмоций);
3. ориентированные на извлечение жизненных уроков и планирование будущих действий - прагматические функции (отбор успешных и отказ от неэффективных жизненных стратегий и тактик; принятие решений с опорой на автобиографический опыт);

4. экзистенциальные, направленные на осознанное построение своей личности (формирование идентичности; установление интервалов самоидентичности (отрезок жизненного пути, границы которого рассматриваются человеком как точки качественных изменений своей личности); самопознание; самоопределение в исторических и культурных координатах; осознание уникальности своей жизни).

Функциональный репертуар АП обладает иерархической организацией, возникающей в процессе онтогенетического развития. Первичными, базовыми являются коммуникативные функции, формирующиеся посредством речевого взаимодействия ребенка и взрослого. Причем способы реагирования родителей на воспоминания, которыми с ними делятся дети, влияют на развитие АП последних (данный тезис раскрывается в пункте **1.3.1.**). Следующими за коммуникативными функциями АП обособляются саморегуляционные и прагматические функции памяти о своем прошлом. Наиболее поздними являются экзистенциальные функции, требующие достаточного уровня зрелости личности и высокого уровня организации АП.

В результате у субъекта формируется систематизированная история собственной жизни, субъективная картина личного прошлого начинает представляться как целостный конструкт. Экзистенциальные функции принимают участие в становлении диахронического аспекта самосознания, формировании идентичности и осознании собственной индивидуальности и неповторимости своей жизненной истории. Таким образом, в процессе онтогенеза складывается иерархия функционального репертуара АП (Схема 1).

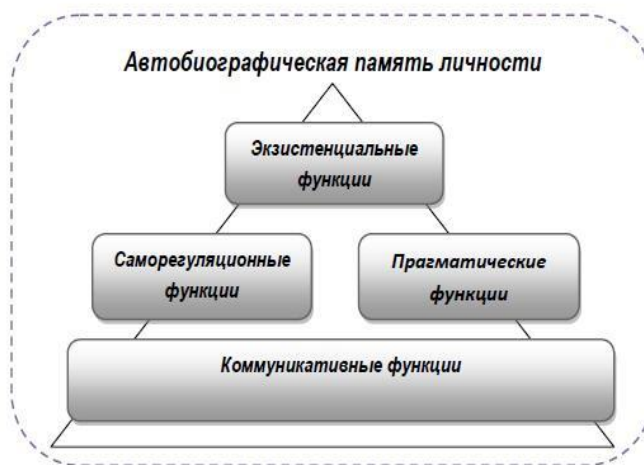

Схема 1. Онтогенетическое развитие функций АП (по Василевская, 2008).

Результаты эмпирического исследования позволили выделить 4 функционально-структурных типа организации автобиографической памяти: коммуникативный, саморегуляционный, прагматический и экзистенциальный (Василевская, Нуркова, Кабардов, 2011). «Коммуникативный тип» АП предполагает преимущественное использование воспоминаний в качестве предмета коммуникации. При «Саморегуляционном типе» обращение к прошлому чаще всего происходит с целью управления своим актуальным психическим состоянием. «Прагматический тип» предполагает актуализацию воспоминаний ради извлечения жизненных уроков из прошлого и построения стратегий решения будущих задач. Для «Экзистенциального типа» АП характерно развитие всех предыдущих функций, а также максимальное количество воспоминаний, относящихся к многообразию жизненных тем (там же). Важно отметить, что системообразующим основанием рассматриваемой типологии являются ведущие функции АП.

Таким образом, функциональная нагрузка сохранения и актуализации автобиографического материала чрезвычайно велика. Исследователями традиционно отмечается принципиальное значение АП для формирования самосознания в его динамическом аспекте, в процессе личностного развития автобиографический материал становится регулируемым средством

осознанного построения «Я-концепции» (Singer, Bluck, 2001; Reese, 2002; Conway, 2005; Thomsen, 2009; Bluck, Alea, 2009; Нуркова, 2011). Также гибкое использование репертуара функций АП (коммуникативных, саморегуляционных, прагматических, экзистенциальных) позволяет своевременно актуализировать различные пласты личного опыта, увеличивая возможности субъекта более эффективно справляться с жизненными задачами. Данная проблематика становится предметом современных исследований принятия решений (в первую очередь, жизненно важных, «судьбоносных» решений) с опорой на автобиографические воспоминания (Bluck, Glueck, 2004; Pasupathi, Mansour, 2006; Webster, 2003).

1.3. Культурная детерминация развития автобиографической памяти

Социокультурный и культурно-исторический подходы к исследованию процессов становления АП предлагают рассматривать данную мнемическую систему как онтогенетическое новообразование, возникающее в условиях социального взаимодействия и формирующееся под влиянием культурно специфических детерминант. Многочисленные исследования автобиографических нарративов показывают, что субъект вспоминает личное прошлое конвенционально, согласно установленным в данной культуре правилам организации автобиографии (McAdams, 2001; Berntsen, Rubin, 2004; Nelson, Fivush, 2004; Habermas, 2007; Wang, Brockmeier, 2002). Влияние социальной ситуации развития также является традиционной и широко разрабатываемой тематикой психологических исследований АП (Nelson, 2003; Fivush, 2003, 2007; Harris, Barnier, Sutton, 2013). Однако открытым остается вопрос об источниках тех «идеальных форм» (по Л.С. Выготскому), по образцу которых выстраивается индивидуальная история жизни и которые выступают культурными орудиями организации автобиографического опыта в генетически позднейшей структуре человеческой памяти.

Согласно современным теориям развития памяти, АП возникает симультанно с формированием представлений о себе («когнитивное Я»), посредством которых двухгодовалый ребенок начинает отличать воспоминания об эпизодах своей жизни от событий, непосредственно с ним не связанных (Howe, Courage, 1997; Nelson, Fivush, 2004). Далее по мере социализации происходит становление избирательности АП. То, как, когда и что человек вспоминает, почему он что-то помнит, а что-то ускользает из его памяти, связано, по данным представителей социокультурного подхода, с усвоением доступных примеров построений автобиографических воспоминаний, варьирующих в разных культурах¹ (Wang, Conway, 2004; Wang, Ross, 2005; Kulkofsky, Wang, Conway, Hou, Aydin, Mueller-Johnson, Williams, 2011; Marian, Kaushanskaya, 2004).

Важно отметить, что исследователи АП единогласно утверждают, что взаимоотношения между становлением автобиографии и развитием личности демонстрируют реципрокный характер: человек решает задачу самоопределения, обращаясь к своим автобиографическим воспоминаниям, и, в то же время, интерпретирует личное прошлое в соответствии со своей актуальной самоидентичностью (McAdams, 1985; Wang, Brockmeier, 2002; Conway, 2005; Pasupathi, Weeks, 2010; Нуркова, 2009; Сапогова, 2011).

¹ В связи с тем, что предметом нашего диссертационного исследования не являются кросс-культурные различия в характеристиках АП, мы позволили себе вынести за рамки основного обсуждения особенности автобиографических воспоминаний представителей разных культур. Тем не менее, отметим, что К. Ванг и другими исследователями, разрабатывающими данную проблематику, эмпирически показано, что существуют как содержательная, так и функциональная специфика АП при кросс-культурных сравнениях. Например, европейцы и американцы в среднем относят свое первое воспоминание к 3,5 годам, что на 6 месяцев раньше, чем у корейцев и китайцев (Kulkofsky, Wang, Hou, 2010; Wang, 2006). По таким показателям, как уникальность и личностная значимость воспоминания, его эмоциональная насыщенность, частота обращения к данному эпизоду китайская выборка в среднем набирает значительно меньшее количество баллов. Более того, у них значимо чаще в качестве автобиографического материала выступают воспоминания о других людях («помню о себе, вспоминая о других») (Kulkofsky, Wang, Conway, Hou, Aydin, Mueller-Johnson, Williams, 2011). В экспериментальных исследованиях с варьированием условий актуализации воспроизведения: свободное припоминание либо воспоминание в ответ на стимульное слово, европейская выборка вспоминает больше в первом случае, в то время как китайская - во втором (Kulkofsky, Wang, Hou, 2010). Интересно отметить, что культурные различия в АП выявлены независимо от прайминга индивидуалистической или коллективистической установки (Wang, 2006).

Согласно нашей теоретической позиции, АП как высшая психическая функция подчиняется специфическим законам развития. Возникая изначально как интерпсихическая форма (в виде разделенной с взрослым деятельности актуализации событий прошлого), она в дальнейшем интериоризируется во внутреннюю, интрапсихическую форму целостной истории личного прошлого и приобретает статус психологического орудия саморегуляции.

Как мы указали выше, основным направлением исследований является анализ АП на микроуровне, т.е. изучение характеристик отдельных воспоминаний и их взаимосвязи с конкретными личностными особенностями. Изучение АП на макроуровне, т.е. исследование целостного представления о своей жизненной истории, эксплицированной в форме устойчивой конфигурации личностно значимых воспоминаний, является новой и эвристичной научной теоретико-эмпирической задачей.

Подчеркнем, что конкретное воспоминание, являющееся единицей анализа АП на микроуровне, также представляет собой потенциальное содержание анализа макроуровня, т.е. целостной истории жизни субъекта. Соответственно, выделение микро- и макроуровней работы АП носит функционально-динамический характер. Представление о собственном прошлом существует для субъекта в обобщенном виде и выполняет функцию поддержания стабильной идентичности, самоидентичности личности в диахроническом аспекте. При этом субъект свободен в выборе содержания конкретных воспоминаний, которыми он может наполнить общую схему автобиографии в зависимости от актуальной личностной задачи. Совокупность единичных эпизодов прошлого, будучи включенными в целостную историю жизни, приобретает новое качество: обобщенности и поэтапной представленности в самосознании. Другими словами, целостная «субъективная картина жизненного пути» не может быть осознана одномоментно, однако феноменологически ощущается не фрагментарно, а как непрерывное личное прошлое.

Далее обратимся к анализу проблемы становления микро- и макроуровней структуры АП и описанию ее работы.

1.3.1. Развитие автобиографической памяти в форме конкретного автобиографического воспоминания

Системообразующим принципом организации АП, согласно концепции культурно-исторического подхода, являются усваиваемые из культуры идеальные формы, детерминирующие развитие данной мнемической функции. Н.Н. Вересов, раскрывая экспериментально-генетический метод исследования психических процессов, подчеркивает, что развитие высших систем психики обеспечивается взаимодействием наличной, уже сложившейся формы (реальной) и развитой формы, которая предоставляется ребенку взрослым (идеальной): «социальная среда является источником культурного развития, но само развитие возможно только в процессе реального взаимодействия этих форм» (Вересов, 2011, с.32).

На начальных этапах формирования АП не вызывает трудностей проследить, как обеспечивается взаимодействие между реальной и идеальной формой. Исследовано, как первые автобиографические эпизоды конструируются ребенком в условиях совместного воспроизведения (collaborative recall) с родителем. Соответственно, стиль родительской коммуникации и характерная для родителя тактика обращения к прошлому являются для ребенка образцом построения собственного воспоминания.

Показано, что поддержка родителя: как вербальная (помощь в поиске слов для воспроизведения воспоминания), так и эмоциональная (выражение интереса, эмпатии, принятия рассказа ребенка), вносит значимый вклад в процесс развития детской АП. Условия совместного конструирования автобиографического эпизода включают ребенка в ситуацию выбора релевантной информации прошлого, ее представления в той форме, которая будет понята взрослым, а также интерпретации и выражения личного

отношения к произошедшим событиям (Larkina, Bauer, 2010; Kulkofsky, 2011).

Эмпирические работы, осуществляемые в данном направлении (Fivush, Berlin, 2003; Fivush, 2007; Kulkofsky, 2011 и др.), позволяют сделать вывод о том, что существуют следующие стили детско-родительской коммуникации о прошлом: «разрабатывающий» и «прагматический». Первый включает в себя разнообразные открытые вопросы (wh-questions) о событии, поощрение активности ребенка в построении детализированного воспоминания, тогда как второй предполагает обращение к конкретному эпизоду прошлого с определенной целью, контроль и корректирование рассказа ребенка, если он, по мнению родителя, вспоминает неважную или неверную информацию.

В лонгитюдных исследованиях, выполненных под руководством Робин Файвиш, выявлены значимые взаимосвязи между стилем построения совместного воспоминания в детстве и характеристиками АП в более взрослом возрасте. Так, подростки, родители которых использовали «разрабатывающий» стиль, вспоминают больше эпизодов периода детства, датируют первое воспоминание более ранним возрастом и детальнее помнят прошлое, чем их ровесники, родители которых предпочитали «прагматический» стиль обращения к АП (Reese, Haden, Fivush, 1993; Nelson, 1993; Nelson, Fivush, 2004; Fivush, Bauer, 2010). Также «разрабатывающий» стиль, по данным авторов, участвует в развитии словарного запаса, грамматики и лингвистической компетенции ребенка в целом, а также способствует установлению более доверительных отношений с родителями (Wareham, Salmon, 2006).

Интересно отметить, что выявлены гендерные отличия в способах реагирования родителей на воспоминания, которыми с ними делятся дети. В исследовании, выполненном под руководством Р. Файвиш, анализировались совместные воспоминания четырехлетних детей и одного из родителей о событиях как положительной, так и отрицательной валентности. Согласно полученным результатам, матери значимо чаще используют

«разрабатывающий» стиль и оказывают больше поддержки ребенку в процессе выстраивания рассказа об автобиографическом эпизоде (особенно негативном) (Zaman, Fivush, 2013). Авторы делают вывод о том, что подобная материнская стратегия развития АП ребенка может также фасилитировать построение навыков эмоциональной регуляции.

Таким образом, модель обращения к АП, репрезентируемая родителем, является первой «антиципирующей схемой» ребенка для создания своей автобиографии. Другими словами, то, как в семье принято вспоминать о произошедших жизненных событиях, становится примером для организации собственных воспоминаний.

В данном контексте возникает вопрос о возможных источниках индивидуализации автобиографических нарративов. Зарубежные исследователи (Reese, Haden, Fivush, 1993; Wang, 2006; Fivush, 2007) подчеркивают оппозиционность «разрабатывающего» и «прагматического» стилей в отношении влияния на характеристики детской АП. Однако нам важно отметить, что данные способы детско-родительского взаимодействия имеют общий базис – модель обращения к прошлому предлагается ребенку в готовом виде. В связи с этим в русле «разрабатывающего» эвристично выделить «провокационный» стиль взаимодействия (Nourkova, 2011), для которого характерно гибкое воспроизведение автобиографического эпизода, включение родителем в рассказ как релевантной, так и дополнительной незначимой информации, что требует от ребенка активной роли в диалоге с родителем, не повторение, а конструирование самостоятельного воспоминания.

«Провокационный разрабатывающий» стиль взаимодействия в диаде родитель – ребенок представляется нам более богатым ресурсом для развития АП: родитель предоставляет ребенку возможность самому корректировать и направлять процесс построения автобиографического воспоминания. Данная гипотеза проверялась в эмпирическом исследовании, анализировались совместные со взрослым и самостоятельные рассказы детей об одном и том

же автобиографическом эпизоде (там же). Было показано, что чем больше родители дают направляющих подсказок в процессе воспроизведения детьми обсуждаемого воспоминания, тем меньше новой информации включается последними в самостоятельный рассказ об этом эпизоде. В то же время, чем больше родительских поддержек при совместном воспроизведении, тем больше простых повторений содержания нарративов при самостоятельном рассказе. Соответственно, чем больше родители подсказывают и сами развивают историю, тем менее оригинален автобиографический рассказ ребенка при его самостоятельном воспроизведении. Следует предположить, что «провокационный» стиль, т.е. расхождение родительского рассказа об эпизоде прошлого с собственным автобиографическим опытом ребенка создает условия для выхода за пределы простого заимствования нарратива и запускает процесс индивидуализации АП.

Завершая краткий обзор психологических работ, посвященных проблематике раннего формирования АП, важно обсудить вопрос о том, как происходит становление данной мнемической системы в условиях отсутствия адекватных и достаточных средств ее организации, а также в специальной социальной ситуации развития.

В диссертационном исследовании А.Ш. Шахмановой проводилась комплексная диагностика развития детей-дошкольников, воспитывающихся в детских домах. Полученные результаты свидетельствуют о том, что у воспитанников детских домов доступность автобиографических воспоминаний ниже, чем у их ровесников, живущих в семьях. Они владеют скудными знаниями о себе в прошлом, и в целом их «представления о прошлом отрывочны и запутаны» (Шахманова, 2012, с.71, с.125).

Можно утверждать, что семейные нарративы, конструируемые сначала в условиях совместного воспроизведения, а далее - самостоятельно, служат фундаментом для построения личной автобиографии.

Исследователи АП детей раннего возраста отмечают, что в процессе совместного воспроизведения эпизода прошлого структуры первых детских

нарративов задаются взрослым, и в транслируемую структуру ребенок вписывает доступную ему мнемическую продукцию (тематику и детали автобиографического воспоминания). «Таким образом, ребенок понимает, какие элементы рассказа ожидаются взрослым, как следует интерпретировать воспоминание и помещать его в более широкий социальный, пространственный и временной контекст» (Understanding Autobiographical memory..., 2012, p.348), т.е. какие требования предъявляются к воспоминанию, эксплицированному в повествовательной форме.

Безусловно, структура единичных нарративов имеет множество дополнительных источников формирования: от фольклора, сказок, мифов и книг до современных средств массовой информации, что на данный момент остается наименее разработанным направлением исследований АП.

Также важно отметить, что воспроизведение конкретного воспоминания неразрывно связано с развитием способности ребенка отбирать из непрерывного потока прошлого опыта отдельные значимые эпизоды (Zacks, Swallow, 2007, с.83). Добавим, что данная селективность также позволяет интерпретировать и выбирать дискретные эпизоды в зависимости от актуальной задачи и собирать их в целостные конфигурации.

Итак, развитие АП начинается с отдельного коммуникативно-мотивированного эпизода, составляющего микроструктуру данной мнемической системы. Исследуя специфику детских воспоминаний, Э. Саламан отмечает их разрозненность и обособленность: «Каждое раннее воспоминание было островом, который ничто не окружало; объекты, содержащиеся в таком воспоминании, казались не только необходимыми, но неподвижными и неизменно дорогими. Меня поразило, что воспоминание было подобно сцене в пьесе, и эту сцену можно перемещать целиком, из одного театра в другой, из одного периода – в другой...» (Саламан, 2005, с.68).

В эмпирическом исследовании Е.Е. Сапоговой также отмечается феноменологическая устойчивость ранних воспоминаний детства: «Как

единственная короткая киноплёнка, раннее детское воспоминание всякий раз «прокручивается» одинаково» (Сапогова, 2005, с.206). Заметим, что анализ ранних детских воспоминаний как предмет психологических исследований предложил А. Адлер, который рассматривал их как материал для формирования индивидуальной жизненной стратегии и личностных установок (Адлер, 1997).

Дальнейший путь формирования АП связан с возникновением таких качественных новообразований, как конфигурирование отдельных воспоминаний в целостные конструкты прошлого.

1.3.2. Проблема становления макроструктуры автобиографической памяти

В процессе онтогенетического развития АП, множество изолированных эпизодов прошлого интегрируются, образуя вышележащий уровень данной мнемической системы – ее макроструктуру, высшей формой выражения которой является презентированная в самосознании индивидуальная история прошедшей части жизни субъекта.

Таким образом, на макроуровне работа АП осуществляется в форме концептуализации истории личного прошлого, в которой можно выделить общую структуру (т.е. формальные принципы организации схемы конфигурации воспоминаний в целостный конструкт) и конкретные содержательные характеристики.

Целостная история прошлого может быть эксплицирована в повествовательной форме автобиографического нарратива (подробный анализ нарративных моделей описания жизненного пути см. Нуркова, 2009, с.151-168; Сапогова, 2011; McAdams, 2001), однако нарративная схема не является единственной из существующих культурных форм конструирования макроструктуры АП. Наше исследование основано на изучении макроструктуры АП посредством анализа графической формы экспликации истории прошлого (пункт 2.2.1.). Пространственные модели организации

представлений об историческом времени не только присутствуют в различных культурах, но и являются более базовыми, чем вербальные, следовательно, и они должны служить идеальными формами моделирования времени и событийной насыщенности жизненного пути личности, т.е. периода индивидуального бытия.

Возможные формы макроструктуры АП объединяет то, что в них предполагается хронологический характер организации истории прошлого. Согласно эмпирическим данным Р. Файвиш, до конца дошкольного возраста у ребенка нет ощущения непрерывности прошлого, оно представлено отдельными эпизодами (Fivush, 2010).

Исследование Фридмана (Friedman, 2005) формирования схем временной организации прошлого у детей от 4 до 13 лет показало, что способность правильно оценивать временные характеристики произошедшего события появляется к 6 годам. По данным автора, школьники лучше справляются с датировкой событий прошлого, т.к. имеют устойчивое расписание занятий в течение учебного года, на которое могут ориентироваться. Они также соотносят информацию из эпизодической памяти с семантическими знаниями о временной организации жизни: днях недели, месяцах, сезонах года (Friedman, Lyon, 2005, с.1212-1213).

Также эмпирические исследования показывают, что способность субъекта создавать целостные нарративы проявляется к 8 годам, стремительно развивается и достигает высокого уровня к позднему подростковому возрасту (Habermas, Bluck, 2000; Habermas, Paha, 2001; Habermas, 2007; Habermas, de Silveira, 2008; Bohn, Berntsen, 2008). Д. МакАдамс утверждает, что дети постепенно овладевают «общепринятой грамматикой историй», в связи с чем «в младшем школьном возрасте дети начинают рассказывать свои личные воспоминания таким образом, чтобы это соответствовало их имплицитному пониманию того, как должны быть структурированы хорошие истории, и что они должны включать» (МакАдамс, 2008, с.142).

Автобиографический рассказ кристаллизуется в целостную историю, которая организована по определенным правилам (Habermas, 2010), в ней содержатся как идея самопонимания, объяснения себя, так и идея прогнозирования и антиципации будущих событий. Можно предположить, что на данном этапе развития АП меняется источник мотивации обращения субъекта к прошлому опыту.

От внешнего, выражаемого другим, как правило, близким взрослым, побуждения вспоминать произошедшие жизненные события подросток переходит к внутренним детерминантам воспроизведения автобиографического материала. Другими словами, в подростковом возрасте мотивация обращения к АП исходит уже не извне (от семьи и значимых других), а от самого подростка: усиливается рефлексия своих поступков, интерес к себе как к становящейся, динамично изменяющейся личности. Таким образом, при работе с АП происходит сдвиг мотива на цель, и в позднем подростковом возрасте самоопределение и осознание своей мотивационной сферы выходят на доминирующие позиции. Подросток начинает связывать события своего прошлого с текущей жизненной ситуацией и актуальным образом себя, формируется механизм автобиографической аргументации (*autobiographical reasoning*), понимаемый исследователями АП как ответ на вопрос: «Почему я стал таким, каким являюсь сейчас?», который подкрепляется воспоминаниями (Pasupathi, Mansour, 2006). В подростковом возрасте автобиографическая аргументация становится целевым средством исследования прошлого, все функции АП (коммуникативные, саморегуляционные, прагматические, экзистенциальные) задействованы в данном процессе.

Таким образом, возникновение мотива самопознания обозначает новый этап в развитии АП, при котором субъектом активно ищется материал из прошлого опыта для построения Я-концепции (осуществляется аргументация, *autobiographical reasoning*). Однако, несмотря на то, что нам доступны огромные массивы воспоминаний, лишь немногие из них

включаются в личную историю и, соответственно, в процесс активного формирования идентичности. В связи с этим важно отметить еще одно качественное новообразование подросткового возраста - становление избирательной организации АП по смысловому принципу.

Согласно концепции Т. Хабермаса, признаками целостности нарратива являются его согласованность, наличие начала и конца, фабулы (Habermas, Ehlert-Lerche, Silveira, 2009). В данном контексте возникает вопрос, может ли оценка того, насколько искусно человек вербально представляет свою историю жизни в ответ на запрос другого, быть индикатором эффективности ее функциональности для него лично? Как было отмечено выше, мы предполагаем, что нарративная форма истории прошлого – это лишь одна из форм организации автобиографического опыта, которую субъект репрезентирует, решая определенную задачу обращения к АП. Помимо развернутого нарратива существуют более предикативные варианты функциональной организации автобиографического опыта.

Так, макроструктура развитой АП отражает целостную картину личного прошлого субъекта, а микроструктура состоит из 4-х специфических единиц, одной из которых являются характерные, «самоопределяющие» воспоминания, которые «голографически презентуют суть личности» (Нуркова, 2000). Эти воспоминания о сущностных событиях, как правило, сопровождаются ощущением конгруэнтности конкретного жизненного эпизода и всей личности, а также специфической эмоцией, отражающей переживание идентичности («В этом воспоминании – весь Я»). Они также выполняют функцию, выражаясь метафорическим языком, внутреннего голоса в диалогах самосознания. А. Маслоу считал одной из важнейших характеристик самоактуализирующихся личностей способность «слышать голоса импульса», «поскольку большинство людей обычно прислушиваются не к себе, а к голосу матери, отца, голосу государства, вышестоящих лиц, власти, традиции и т.д.» (Маслоу, 1982, с.112). Другими словами, характерные, «самоопределяющие» воспоминания содержат в себе

автобиографический материал, поддерживающий Я-концепцию и ценностно-смысловое единство личности.

П. Благов с коллегами выделяет четыре параметра оценки «самоопределяющих» воспоминаний: специфичность, смысл, содержательность, эмоциональность (Blagov, Singer, 2004; Lardi, D'Argembeau, Chanal, Ghisletta, Van der Linden, 2010). Мы предполагаем эвристичным выделять еще один аспект характерных воспоминаний – социальный, исходя из эмпирических данных о том, что в процессе онтогенетического культурно-детерминированного развития АП в истории личного прошлого возрастает пропорция воспоминаний о событиях жизни других людей либо о межличностных отношениях с другими людьми (Rubin, Schulking, 1997; Bohn, 2010; Нуркова, 2009).

Таким образом, целостная история своего прошлого в свернутой форме может быть выражена в «самоопределяющих» воспоминаниях и нести ту же функциональную нагрузку, что и история прошлого, выраженная в повествовательной форме множеством биографических и автобиографических фактов.

Многочисленные исследования функционального потенциала нарративов показывают наличие сильной взаимосвязи между уровнем цельности истории прошлого и позитивными личностными новообразованиями, в частности, устойчивой идентичностью (Janssen, Rubin, Jacques, 2010; Pasupathi, Weeks, 2010; Haslam, Jetten, Haslam, Pugliese, Tonks, 2011). В контексте исследований нарративов многими авторами отмечается значимая положительная связь между степенью выраженности способности к автобиографической аргументации (т.е. обращению к прошлому с целью обоснования определенных особенностей своей личности или характера) и уровнем субъективного благополучия (Zaman, Fivush, 2009; McLean, Mansfi, 2010; Lilgendahl, McAdams, 2011).

Изучая роль АП в регуляции эмоциональных состояний субъекта, исследователи обращаются не только к автобиографическим воспоминаниям

с положительной валентностью. Личностно значимые воспоминания о негативных событиях прошлого также входят в проблематику исследований связи АП и жизнестойкости (O'Connor, 2010; Thomsen, Schnieber, Olesen, 2011). Выделяются позитивные функции воспоминаний с отрицательной валентностью (к примеру, извлечение жизненных уроков на будущее, доказательство себе и/или другим силы собственного характера, выражение потребности в сочувствии и т.д.) (Wenzel, Pinna, Rubin, 2004).

С состоянием удовлетворенности жизнью взаимосвязан специфический параметр обобщенности – конкретности образа негативного события в макроструктуре АП. Так, на микроуровне АП может содержать много конкретных негативных воспоминаний, но на макроуровне целостная история жизни остается для субъекта позитивной. И наоборот, одна травмирующая ситуация может перечеркнуть все предыдущие представления о счастливом прошлом (к примеру, при синдроме ПТСР). Другими словами, масштабность восприятия личной истории, ее обобщенность и осмысленность играют критическую роль в переживании человеком субъективного благополучия. Целостная организация автобиографического опыта выполняет функцию диахронического измерения личности (переживания «Я» как «Я во времени»). Соответственно, следствием оформленной и доступной субъекту истории прошлого является повышение независимости поведения от ситуативных факторов, усиление жизнестойкости, стрессоустойчивости. Ведь в конечном итоге в соперничестве «маленькой» текущей ситуации и «большой» истории жизни побеждает последняя.

Отметим, что пациенты с диагностированной депрессией имеют склонность воспроизводить в личной истории прошлого больше отклонений от ожидаемого жизненного сценария, чем респонденты группы нормы. Таким образом, степень эксплицированности культурных жизненных сценариев в личную историю прошлого можно интерпретировать и как косвенный показатель субъективной удовлетворенности жизнью (Rubin,

Berntsen, 2003). Более того, в исследовании Т. Хабермаса получены данные, согласно которым характерным отличием историй прошлого пациентов с клинической депрессией является отсутствие вектора развития, который придает ощущение «направленности жизни» (Habermas, Ott, Schubert, Schneider, Pate, 2008).

Кратко процесс становления макроструктуры АП можно выразить следующим образом: сначала ребенок рассказывает отдельные эпизоды прошлого в ответ на вопросы взрослого, далее иллюстративные, дискретные воспоминания начинают оцениваться подростком по степени значимости, формируя новый тип – важные и «самоопределяющие» воспоминания, которые со временем собираются в бытийные темы. Показано, что временная макроструктура нарратива, которая впервые появляется в позднем подростковом возрасте, помогает интегрировать разрозненные автобиографические воспоминания в целостную историю прошлого (Habermas, 2010).

Важно отметить, что усложнение функционирования АП, в процессе которого прослеживается, как выкристаллизовывается целостная автобиографическая история – результат не столько возрастного развития психической функции, сколько культурного развития за счет овладения внешними идеальными формами².

Среда содержит идеальные формы – образцы развития, т.е. то, к чему стремится процесс формирования психической функции ребенка. Каковы специфические для макроструктуры АП средства ее развития, находящиеся в культуре? В качестве таких средств мы предлагаем исследовать репертуар культурных жизненных сценариев – социальных образцов организации автобиографии.

² В данном контексте овладение идеальной формой понимается нами как способность субъекта к ее осознанной репрезентации, возможность раскрыть ее содержание, «распредметить».

1.4. Вариативное овладение репертуаром культурных жизненных сценариев как источник формирования макроструктуры автобиографической памяти

Согласно культурно-историческому представлению о развитии АП, различные аутоэмоциональные практики (например, дневники, мемуары, ритуалы, фотографии и сувениры), сложившиеся в культуре, включают в себе потенциал формирования данной мнемической системы. Особенно важным культурным средством организации макроструктуры АП является культурный жизненный сценарий, который представляет собой культурную модель последовательности наиболее значимых для жизни человека событий (Berntsen, Rubin, 2004; Thomsen, Pillemer, Ivcevic, 2011; Bohn, Berntsen, 2012; Нуркова, 2009). В эмпирических исследованиях показана формирующая роль культурного жизненного сценария в создании целостной истории прошлого. В данном контексте, выражаясь словами А.М. Пятигорского, «пустые рамки – это то, что мы вешаем на стены своей памяти» (Пятигорский, 1996, с.455), где «рамки» представляют собой обобщенные и типизированные схемы («главы жизни»), которые субъект заполняет своим индивидуальным автобиографическим содержанием.

1.4.1. Предпосылки психологических исследований культурного жизненного сценария

Предпосылки исследований культурных жизненных сценариев можно проследить в работах представителей французской социологической школы, действующей на рубеже XIX—XX вв. Так, Э. Дюркгеймом было введено понятие коллективного представления или социального факта, отражающее образец действия, норму поведения, которая способна оказывать влияние на субъекта. Социальные факты сохраняются в культуре в готовом для усвоения виде (традиции и обычаи, религиозные верования и обряды, язык, и даже денежная система), объективно существуют и независимы от субъекта. Тем не менее, считалось, что они оказывают регулирующее воздействие на его

поведение, обладают принудительностью: в своей индивидуальной жизни человек парциально воплощает то, что предписано в социуме (принцип «делай, как положено») (Ждан, 2003).

Таким образом, в данной традиции исследования социологическая причина полностью исчерпывает психологическое содержание представлений субъекта (социологический позитивизм). Отметим, что в русле этой методологии и в настоящее время осуществляются попытки интерпретировать влияние культурного сценария на воспроизведение историй личного прошлого. Так, в работе израильских исследователей (Koren, Eisikovits, 2011) объясняется роль социальных фактов в формировании убеждений респондентов относительно того, что следует говорить о своем прошлом, а о чем лучше умолчать. К примеру, для 20 респондентов – пожилых людей, жителей Израиля, которые составили выборку данного исследования, второй брак является несценарным, наполненным многочисленными негативными коннотациями событием жизни («в обществе так не принято»), в результате чего, по мнению авторов, 19 из них предпочли не упоминать о нем в своей автобиографии.

Соответственно, культурный жизненный сценарий понимается как социальный факт, который руководит ожиданиями субъекта, нередко создавая конфликтные отношения с его личностно пережитым опытом. Это идеализированный вариант организации жизни, ее событийной последовательности: предпочтительно, чтобы события происходили в определенном, установленном традициями, порядке (например, «заключение брака предшествует рождению детей»).

В современной социологии биография рассматривается в качестве конструкта, событийное наполнение которого индивидуализировано и в большей степени корректируется социальными институтами, нежели традициями (Рождественская, 2012; 2013).

Изучаемое нами понятие в варианте «жизненный сценарий» возникло в рамках конкретного психотерапевтического направления - транзактного

анализа, и в последнее время широко используется для обозначения существующих в различных культурах образцов проживания жизни.

Эрик Берн, основатель транзактного анализа, под жизненными сценариями понимал определенные модели, согласно которым человек организует ход своей жизни. Будучи психоаналитиком, Э. Берн искал истоки формирования сценария в раннем детстве и подчеркивал, что сценарии детерминируют жизнь человека, оставаясь по преимуществу неосознаваемыми (Берн, 2006).

Согласно представлениям Э. Берна, человек всегда имеет какой-либо сценарий разной степени абстрактности, определяющий возможные способы его действий. Другими словами, несценарного, спонтанного поведения нет.

Автор выделил два уровня жизненного сценария: культурный и индивидуальный. Первый представляет собой сюжет, определяющийся окружающим культурным пространством. В культуре существуют эталонные сюжеты, т.е. независимые от конкретных жизненных ситуаций. На втором уровне, в индивидуальном сценарии деятельности сюжет приобретает черты, присущие конкретной личности и во многом детерминирован объективными условиями ситуации. Он содержит в себе вариативные сценарные «реплики» и ходы, в которых отражаются личностные и ситуативные моменты. Таким образом, культурные жизненные сценарии — это своего рода «фундамент», на котором выстраиваются индивидуальные сценарии. Любой культурный сценарий обеспечивает соответствие действий человека нормам социальной жизни, вследствие чего поведение людей становится понятным и предсказуемым для других людей.

С. Томкинс также предложил теорию сценариев (1979), в которой рассматривал интернализированные схемы и сценарии как ключевые факторы развития личности.

Автор теории «временной перспективы» и мотивационной индукции Ж. Нюттен рассматривает нормативный жизненный сценарий как

«объективную систему отсчета», которая влияет на реализацию определенных мотивационно-ценностных установок (2004).

Важно отметить, что в транзактном анализе Э. Берна и в теориях С. Томкинса и Ж. Нюттона сценарий понимается как план организации жизни, а не просто обобщенные представления о типичных событиях. Сценарии, таким образом, как и стереотипы (Hilton, von Hippel, 1996), выполняют функцию упорядочивания и значительного упрощения понимания субъектами системы социальных взаимодействий.

1.4.2. Понятие культурного жизненного сценария в исследованиях автобиографической памяти

Если в концепциях Э. Берна, С. Томкинса и Ж. Нюттена жизненный сценарий рассматривается проспективно, т.е. как план, в соответствии с которым разворачивается деятельность человека по построению своей жизни, то в контексте исследований АП внимание уделяется специфике организации воспоминаний с ориентацией на культурные предписания (сценарий в ретроспективе).

Понятие культурного жизненного сценария было введено в проблематику изучения АП Д. Рубиным и Д. Бернтсен (Rubin, Berntsen, 2003)³ и отражает разделяемые большинством членов культурной общности представления о типичном содержании и «расписании» жизненных событий, а так же приписываемой им значимости и валентности (Berntsen, Rubin, 2004).

Предпосылки исследования представлений о типичном распорядке жизни встречались и в более ранних работах (обзор: Ottsen, Berntsen, 2013). Так, высказывалось предположение о наличии культурно санкционированных возрастных границ наиболее важных событий жизни

³ Сходный по семантике термин «культурный концепт биографии» был предложен С. Блак и Т. Хабермасом (Bluck, Habermas, 2000).

(transitional events), посредством которых проходит взросление и личностное развитие человека (Neugarten, Moore, Lowe, 1965). Традиционным предметом изучения стали социальные ожидания и возрастные границы освоения основного репертуара социальных ролей (Settersten, Hagestad, 1996a, 1996b; Kohli, 2007). Эмпирически показано, что существуют достаточно согласованные среди членов общества (как женщин, так и мужчин) представления о том, какие события произойдут и в каком возрасте (например, переезд от родителей и начало самостоятельной жизни в американской культуре ожидается от молодого человека в возрастном периоде с 18 до 25 лет) (там же).

В исследовании, проведенном Д. Бернтсен и Д. Рубиным на датской выборке, испытуемых просили указать семь наиболее вероятных событий жизни человека⁴, датировать их и оценить (по 7-балльной шкале) по критериям вероятности их присутствия в жизни самого испытуемого, субъективной позитивности и важности этих событий (Berntsen, Rubin, 2004). По результатам исследования были сделаны следующие выводы:

1) культурные жизненные сценарии достаточно четко сформулированы и разделяются большинством членов сообщества (наиболее часто указываемые события составляли 90% от всего корпуса событий);

2) культурные сценарии жизни содержат преимущественно социально желательные, позитивные события;

3) даты событий, вошедших в культурные жизненные сценарии, образуют эффект «пика» воспоминаний - шесть из семи наиболее часто упоминаемых событий относятся к возрасту 16-30 лет.

Универсальный эффект «пика» воспоминаний (reminiscence bump effect) заключается в том, что люди вспоминают непропорционально высокое количество жизненных событий, относящихся к возрастному периоду

⁴ В традиционной инструкции методики, направленной на выявление культурного жизненного сценария, участника исследования просят перечислить только 7 типичных событий жизни. Без лимитирующей инструкции получены эмпирические данные, не отличающиеся от данных, полученных посредством традиционной версии методики (Bohn, 2013).

позднего подростничества и ранней зрелости, вне зависимости от методологических приемов, используемых для экспликации воспоминаний (Rubin, Wetzler, Nebes, 1986; Rubin, Schulking, 1997; Demiray, Gulgoz, Bluck, 2009). В настоящее время существует несколько вариантов объяснения данного феномена. «Пик» воспоминаний рассматривается исследователями АП как результат присвоения культурных жизненных сценариев (Berntsen, Rubin, 2004), как следствие формирования персональной идентичности (Conway, 2005), как маркер наличия на жизненном пути так называемых «переломных» событий (Нуркова, Митина, Янченко, 2005; Нуркова, 2011). Кратко поясним последнюю точку зрения: эмпирически показано, что для «переломных» воспоминаний характерно сгущение вокруг них других воспоминаний о событиях, происходивших до (предвестники) и после (эффект шлейфа). Следовательно, «пик» воспоминаний может возникнуть вокруг любого «переломного» воспоминания, не обязательно датированного возрастом 16 - 30 лет, однако именно в данном возрастном периоде концентрируются «судьбоносные» события субъекта.

Универсальный эффект «пики» воспоминаний является крайне устойчивой закономерностью временной организации АП и выявляется при применении широкого спектра методик: от ассоциативных тестов ключевых слов до анализа целостных текстов автобиографических нарративов.

Таким образом, считается, что наличие универсального «пики» воспоминаний может служить своеобразным индикатором уровня социализированности человека, степени усвоения им социальных норм проживания и интерпретации своей жизни. Как отмечено выше, данный эффект традиционно связывают с тем, что схема событийной организации жизни (культурный жизненный сценарий) интериоризируется в подростковом возрасте и в дальнейшем определяет не только содержательные (какие события следует включать в свою автобиографию), но и формальные (в какие возраста происходят события, достойные включения в индивидуальную историю прошлого) свойства АП.

Согласно данным кросс-культурных исследований, в структуре типичного сценария нет отличий: присутствует универсальный «пик» и доминируют положительные события. Однако выявлены незначительные вариации в содержании типичного сценария (Приложения 1 и 2 включают данные о российском жизненном сценарии, а также сводную таблицу, в которой представлены события типичного сценария четырех стран: Дании, США, Катар, Турции). Как отмечают исследователи (Ottsen, Berntsen, 2013), события типичного жизненного сценария могут различаться не столько в культурах (т.к., как правило, представления о сценарных событиях собраны на выборках достаточно адаптированных и успешных членов общества), а в субкультурах (например, в девиантных группах). На данный момент нет исследований, которые могли бы предоставить эмпирическое подтверждение данной гипотезы.

В большинстве исследований культурных жизненных сценариев не выявлено значимых гендерных различий в содержании событий, которые представляются наиболее типичными и ожидаемыми. Исключением являются данные, собранные в государстве Катар, где существует жесткое разделение социальной жизни мужчин и женщин в обществе (Ottsen, Berntsen, 2013). Обучение в университетах Катара организовано отдельно для мужчин и женщин, общественные места (библиотеки, парки) имеют специальные дни работы для женщин и детей, когда посещение для мужчин закрыто (там же, с.3). Гендерные различия в представлениях о культурном жизненном сценарии объясняются авторами как следствие фиксированного разделения социальной жизни мужчин и женщин в обществе.

Таким образом, эмпирически показано, что при незначительных вариациях (больше событий детства в российском сценарии, на 5 лет позднее событийный «пик» в японском сценарии, больше событий религиозного характера в сценарии Катара и т.п.) культурные жизненные сценарии обладают высокой универсальностью и включают в себя преимущественно

социально желательные события (Rubin, Berntsen, Hutson, 2009; Bohn, 2010; Thomsena, Pillemerb, Ivcevic, 2011; Berntsen, Siegler, 2011; Ottsen, Berntsen, 2013).

Резюмируя представленные выше исследования, подчеркнем разделяемый большинством исследователей АП тезис, согласно которому обобщенное знание о том, как люди проживают жизнь и как следует структурировать личный биографический материал, заложено в культурных жизненных сценариях, которые предписывают, что субъекту следует помнить и рассказывать другим о своей жизни, т.е. определяют критерии отбора автобиографических фактов. Другими словами, избирательность АП достигается посредством усвоения внешних образцов событийной организации жизни по мере социализации.

Отметим, что культурный жизненный сценарий является семантическим знанием, которое, по мнению некоторых исследователей (Rubin in: *Understanding Autobiographical memory...*, 2012, p.19), передается от поколения к поколению. Содержание сценария практически не меняется у представителей различных поколений (соответственно, сценарий не зависит от индивидуального жизненного опыта) (Bohn, 2010; Janssen, Rubin, 2011). Однако, представления взрослых людей о культурном жизненном сценарии более реалистичны по сравнению с идеализированным сценарием подростков (Habermas, 2007; Bohn, 2010). В русле культурно-исторического подхода полученные зарубежными коллегами данные можно интерпретировать следующим образом: идеальное усвоение – только промежуточный этап в развитии представлений о типичном сценарии, более зрелая форма – добавление индивидуальных вариаций, не противоречащих культурно заданным нормам, в общую схему сценария.

Вопрос об источниках формирования культурного жизненного сценария, по нашему мнению, заслуживает особого внимания, т.к. является наименее разработанной областью в исследованиях АП в рамках социокультурного подхода.

Согласно данным эмпирических исследований, дети начинают эксплицировать представления о культурном жизненном сценарии к 8 годам (Fivush in: Understanding autobiographical memory..., 2012, p.238), что обусловлено развивающейся к данному возрасту способностью долгосрочного планирования и формирующемуся представлению о жизненной перспективе (Atance, Meltzoff, 2005). Среди возможных факторов, влияющих на становление представлений о сценарии отмечают также формирование схем повторяющихся событий (Schank, Abelson, 1977; Read, 1987) и стереотипов (Hilton, von Hippel, 1996).

Е. П. Белинская и О. А. Тихомандрицкая рассматривают два основных подхода к исследованию культуры как детерминанты развития личности: 1) культурологический подход, который берет начало в культурантропологии (Р. Бенедикт, М. Мид, А. Кардинер) и по аналогии с чертами личности выявляет определенные доминанты в каждой культуре (подробный анализ данного направления см. Стефаненко, 1999); 2) личность как результат влияния конкретных культурно-исторических условий, в которых происходит процесс социализации (Белинская, Тихомандрицкая, 2001).

Авторы справедливо отмечают, что в рамках одной культуры существует множество разнонаправленных субкультурных влияний, и в качестве подтверждения данного тезиса приводят в пример идею А. Раппопорта о сосуществовании двух моделей мира в общественном сознании: «идеально-культурной» и «здравосмысловой». «Первая включает в себя доминирующую и социально-желательную в данный исторический момент модель личности, формирование которой становится задачей ряда социальных институтов (например, системы образования). Вторая, значительно менее структурированная и не всегда до конца осознаваемая, содержит модель личности, которая большинством будет оценена как «нормальная», наиболее социально-адаптированная. Ее формирование подвержено гораздо более многочисленному ряду факторов, нередко случайных» (там же, с.63). Таким образом, эвристично исследовать не только

культурную вариативность процессов социализации, но и многофакторную модель субкультурных вкладов в данный процесс.

Можно предположить, что типичный жизненный сценарий является результатом инкультурации (термин предложен американским культурантропологом М. Херсковицем), т.е. межпоколенной трансмиссии культурно заданных моделей жизни и различных аспектов социального взаимодействия, и их интернализации, т.е. субъективной модификации и усвоения. Процесс инкультурации совершается в течение всей жизни субъекта и «по большей части не в специализированных институтах социализации, а под руководством старших на собственном опыте, т.е. происходит научение без специального обучения» (там же, с.35). В современной антропологии и этнопсихологии выделяется три вида культурной трансмиссии: 1) вертикальная – от старшего поколения к младшему; 2) горизонтальная – в общении со сверстниками; 3) «непрямая» (*oblique*) трансмиссия, посредством институтов социализации и окружающих взрослых, помимо родителей (Стефаненко, 1999).

Э. Шпрангер, обсуждая проблему социализации, характеризовал этот процесс как вращение в культуру: «...при вхождении в культуру ребенок не только берет нечто от культуры, усваивает нечто, прививает себе что-то извне, но и сама культура глубоко перерабатывает природный состав поведения ребенка и перекраивает совершенно по-новому весь ход его развития» (цит. по Выготский, 2006, с.511). Применительно к развитию АП данное высказывание, по нашему мнению, точно отражает процесс интериоризации репертуара культурных сценариев жизни, который является средством организации автобиографии, критерием того, что и в какой последовательности человек включает в свою личную историю прошлого.

При сравнении событий культурного жизненного сценария и индивидуальной истории прошлого получено их значительное совпадение: в среднем 60% воспоминаний оказываются сценарными (Berntsen, Rubin, 2008; Bohn, Berntsen, 2011; Ottsen, Berntsen, 2013; Нуркова, 2009; Алюшева, 2012).

Более того, эмпирически установлено линейное возрастание сценарности индивидуального прошлого с возрастом. Если сценарность детских воспоминаний минимальна, то уже 15-летние подростки при выполнении инструкции написать эссе о своей жизни включают в него до 50% сценарных событий от общего числа воспоминаний, а взрослый человек, вспоминая события своего прошлого, упоминает в среднем 60% сценарных эпизодов.

Логичными, на наш взгляд, являются данные, согласно которым дети и подростки еще более полагаются на культурный жизненный сценарий, когда представляют свое будущее. На рисунке 1 представлено процентное соотношение сценарных событий среди всех событий истории прошлого и будущего учащихся 3, 5, 6 и 8 классов (Bohn, Berntsen, 2012).

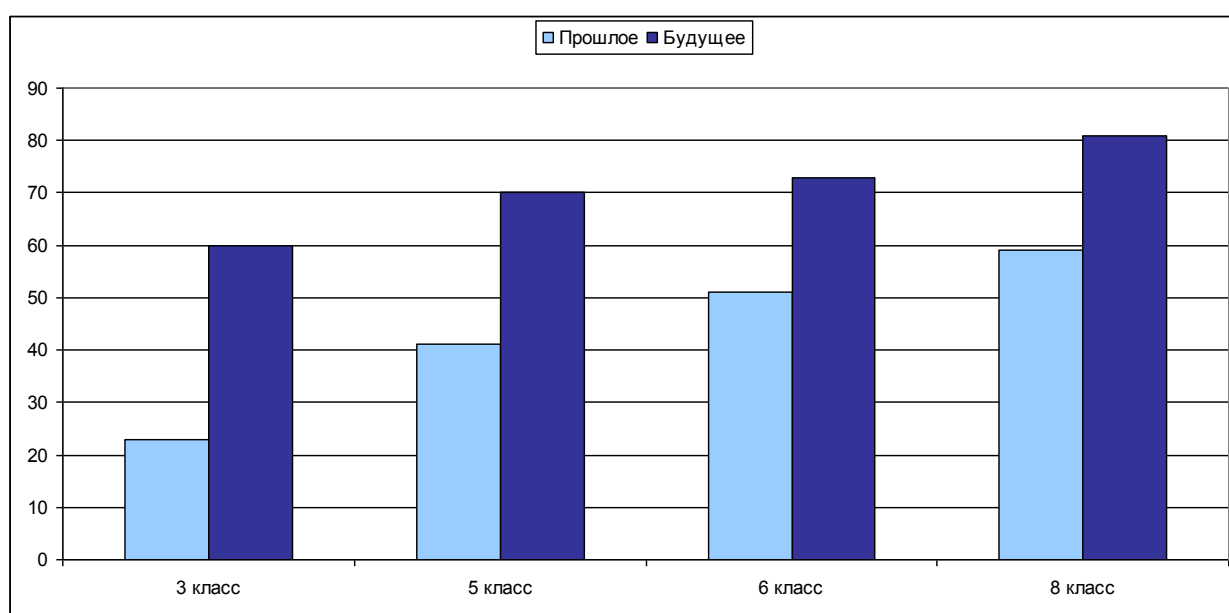

Рис. 1. Процент сценарных событий (среди всех событий) в историях о своем прошлом и историях о своем будущем учеников 3, 5, 6 и 8 классов (по Bohn, Berntsen, 2012).

Итак, в подавляющем большинстве современных исследований культурные жизненные сценарии рассматриваются как достаточно устойчивые и универсальные средства темпорально-содержательной организации автобиографического материала в памяти. В связи с этим

возникает вопрос о вариативности сценария: могут ли они меняться со временем, например, при значимых изменениях в жизни человека?

Гипотеза о динамичности культурного жизненного сценария в условиях изменения социального контекста проверялась в исследованиях В.В. Нурковой, М. Днестровской и К. Михайловой (Нуркова, Днестровская, 2011; Михайлова, 2012; Нуркова, Днестровская, Михайлова, 2012). Выборку составили пожилые люди, проживающие в городе и в деревне. Была выявлена культурно специфичная структура содержательной насыщенности воспоминаний о различных периодах прошлого у представителей городской и деревенской субкультур. Так, в нарративе респондентов, родившихся и проживших всю жизнь в деревне, при общем высоком уровне коллективизма наблюдался высокий уровень выраженности индивидуализма в воспоминаниях о детстве. И, наоборот, в нарративе респондентов, родившихся и проживших всю жизнь в городе, на фоне высокого индивидуализма наблюдался высокий индекс показателей коллективизма в воспоминаниях о детстве.

Преобладающая ориентация на индивидуализм или коллективизм - один из наиболее значимых параметров типологии культур. Индивидуализм предполагает ориентацию на индивидуальные цели и интересы, и, соответственно, приоритет личности над группой. Коллективизм, наоборот, поощряет групповые цели и интересы, а также включенность личности в систему социальных связей и отношений. Ряд исследований специфики содержания и структуры АП в культурах с разной выраженностью параметров коллективизма и индивидуализма (традиционно с этой целью сравниваются «западные» и «восточные» культуры) показал, что автобиографический нарратив в значительной степени регулируется ценностной направленностью культуры. Так, например, в АП тайцев преобладают социально ориентированные воспоминания, рассказывая о которых субъекты значимо чаще употребляют местоимение «мы», в то время как в АП американцев доминируют воспоминания о себе, при репрезентации

которых, естественно, чаще употребляется местоимение «я» (Wang, 2006). Так же и у представителей городской и деревенской культур выявлена поляризация в ценностной насыщенности автобиографического нарратива. В первом случае индивидуализм в воспоминаниях превалирует над коллективизмом.

Недавние исследования изменения ценностей у детей и взрослых в современной России (1992 – 2009) показали, что в обществе предсказуемым образом изменились приоритеты: вместо ценности «Принадлежность» (коллективизм) во главу угла встала ценность «Автономия» (индивидуализм) (Панкратова, 2011)⁵. Данный ценностный сдвиг отмечается и в содержаниях жизненного сценария. В проведенном под руководством Н.В. Гришиной исследовании С.Ю. Лавренчук изучались сценарии жизни женщин трех поколений, состоящих в прямом родстве: женщины старшего поколения («бабушки») – 1920–1945 годов рождения (средний возраст – 74 года); женщины среднего поколения («матери») – 1948–1964 годов рождения (средний возраст – 46 лет); женщины младшего поколения («дочери») – 1975–1988 годов рождения (средний возраст – 22 года). Таким образом, выборку составили 90 респондентов в возрасте от 17 до 86 лет, жительницы Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Была выявлена тенденция снижения значимости социальных ценностей и, в то же время, увеличения значимости личных ценностей, что также отражалось в линейном увеличении возникающих у среднего и тем более у младшего поколения отклонений от нормативного сценария. Авторы исследования делают вывод о том, что «по мере продолжающегося ускорения темпов изменений социокультурного контекста будет усиливаться тенденция к дестандартизации жизненных сценариев и жизненных моделей» (Гришина, 2011).

⁵ Отметим, что данная тенденция характерна для городской выборки, и не столь очевидна для жителей деревень.

Таким образом, сценарий как культурное средство организации нарратива развивается в течение жизни и имеет тенденцию переформатироваться в ситуации изменения социального контекста. Сделанное на основании полученных эмпирических данных заключение о динамической природе сценария и возможности изменений его содержаний является принципиально новым и значимым для исследований культурной детерминации АП.

Интеграция отдельных воспоминаний о жизненных событиях в целостную историю о своем прошлом – развивающийся процесс, механизмом которого является сложное встречное движение двух тенденций – социализации и индивидуализации. С одной стороны, макроструктура АП опосредствована культурными жизненными сценариями, выполняющими функции идеальных форм, внешних образцов, входящих в АП в интериоризованном виде. С другой стороны, человек не просто пассивно овладевает многообразием культурных средств, но активно преобразует их и в итоге создает свои собственные, несводимые к сумме тех, которых он использовал (принцип системности). АП рассматривается нами как функциональный орган для решения актуальных задач поддержания диахронических аспектов самосознания. Когда начинается процесс концептуализации дискретных воспоминаний о событиях жизни и формирование целостных конструкторов, по-разному называемых исследователями: «личная история», «автобиографический нарратив», «субъективная картина жизненного пути» и т.д., процессы социализации и индивидуализации сходятся.

Зарубежные исследователи изучают влияние единственного сценария на АП – типичной для конкретной общности абстрактной схемы жизненной событийности. Мы предполагаем наличие определенной вариативности сценариев даже в рамках одной культуры. С нашей точки зрения, субъект овладевает не одним сценарием, а широким репертуаром различных

жизненных сценариев, специфика каждого сценария из совокупности ему доступных вносит свой вклад в индивидуализацию АП.

1.4.3. Репертуар культурных жизненных сценариев

Многообразие конкретных культурных жизненных сценариев, понимаемых нами как источники развития макроструктуры АП, можно разделить на две общие категории: 1) общекультурный сценарий, включающий в себя *типичный сценарий* (представления об обычном жизненном укладе в данной стране), а также множество *художественных и медийных сценариев* (представления о нормативных жизненных моделях, полученные из внешних источников, таких как литература, кинематограф, СМИ); 2) семейный сценарий (представления о жизни родителей, ближайших родственников, предков). Рассмотрим подробнее каждую категорию в следующих подпараграфах.

1.4.3.1. Типичный жизненный сценарий

Становление историй прошлого происходит не только в социальной, а, шире, в культурной ситуации развития. Типичный сценарий жизни предоставляет субъекту средства организации своего автобиографического опыта «по рубрикам»: «детский сад», «обучение в школе», «поступление в ВУЗ», «создание семьи», «работа» и т.д. Это предельно общая схема событийной последовательности жизни, которую человек интериоризирует в процессе социализации. Как было указано выше, становление представлений о типичном сценарии происходит до позднего подростничества, с возрастом линейно возрастает типичность сценариев, встречается все меньше вариаций в их репрезентациях. Получены эмпирические данные об отсутствии гендерных и возрастных различий в представлениях о типичном сценарии.

Также обнаружена значимая положительная корреляция между типичностью сценария и связностью истории своего прошлого, продуцируемой детьми (Bohn, Berntsen, 2012). Подчеркнем, что способность

создавать связную историю прошлого развивается к подростковому возрасту (Habermas, Bluck, 2000), синхронно с процессами наращивания представлений о сценарии типичной жизни.

Поскольку типичный сценарий жизни - это культурно обусловленное семантическое знание, оно разделяется даже теми представителями социальной группы, которые никогда не переживали событий, включаемых в сценарий (Janssen, Rubin, 2010). Помимо свойственной типичному сценарию абстрактности следует указать на социальную желательность входящих в него событий, что представляется вполне логичным: люди предпочитают прогнозировать наступление положительных событий и игнорировать оценку вероятности отрицательных («думать о хорошем и не думать о плохом»). Следовательно, типичные сценарии парадоксальным образом не представляют обычную жизнь, а презентируют жизнь при идеальном стечении обстоятельств в конкретной культуре.

В данном контексте возникает вопрос, совпадают ли наиболее часто включаемые в личную историю прошлого события (и в этом смысле типичные) с представлениями людей о типичном сценарии? Так, например, событие «развод» характеризуется высокой частотностью в современных реалиях (согласно данным Федеральной Службы Государственной Статистики за 2011 год, больше половины зарегистрированных браков распадается). Однако представители российской выборки не включают «развод» в типичный жизненный сценарий, в отличие от датчан (Приложения 1 и 2). С другой стороны, эмпирически показано, что автобиографическая информация, соответствующая содержанию культурного жизненного сценария, при фиксации и извлечении обладает преимуществом по сравнению с несценарной информацией (до 60% эксплицируемых воспоминаний являются сценарными). Получается, то, что люди чаще вспоминают, соответствует тому, что они включают в сценарий. Распространяется ли этот принцип на типичные, но не сценарные события, такие как развод, смена работы, болезнь и т.п.? Поиск ответа на этот вопрос

стал предметом нашего специального эмпирического исследования, проведенного в рамках магистерской диссертации (Алюшева, 2012), где было установлено, что список высокочастотных воспоминаний состоит в основном из сценарных событий.

Показано, что на частотность воспроизведения автобиографического материала влияют следующие факторы:

- 1) однородность воспоминания в цепи индивидуальных жизненных событий (насколько оно схоже с остальными, к примеру, относится к той же жизненной теме);
- 2) типичность события для данной социальной общности;
- 3) сценарность, т.е. соответствие разделяемым большинством членов общества представлениям о типичной жизни (там же).

В начале XX века представителями школы гештальтпсихологии было показано влияние общей структуры воспринимаемого материала на эффективность запоминания его элементов. Известный эффект фон Ресторффа заключается в том, что независимо от характера материала, если в ряду разнородные элементы перемежаются с большим количеством однородных, то эти разнородные элементы обладают преимуществом при воспроизведении. Отметим, что фон Ресторффа понимала параметр разнородности ситуативно. В дальнейшем была продемонстрирована высокая устойчивость данного эффекта, а понятие разнородности, дистинктивности (*distinctiveness*) расширено за счет включения фактора частотности семантической категории, а также предложено несколько моделей для его объяснения (обзор: Schmidt, 1991).

Характерно, что в исследованиях АП получен ряд данных, ставящих под сомнение универсальность эффекта дистинктивности. В частности, это обсуждаемый нами выше феномен сценарности - изучение роли типичного сценария в АП показало, что содержание автобиографических историй весьма однородно. Согласно полученным данным, сценарность как фактор развития АП нарушает универсальность эффекта дистинктивности: в

историях прошлого отмечается больше сценарных и типичных событий (например, «свадьба»), меньшей частотностью обладают несценарные, но типичные события (например, «развод»), и наиболее редко воспроизводятся несценарные, нетипичные события (например, «полет на дельтаплане»).

Итак, представления о том, когда и какие события произойдут, по большей части совпадают с реальными воспоминаниями о значимых эпизодах собственной жизни. В связи с выдвигаемым нами положением о том, что сценарий является социокультурным средством форматирования индивидуальной макроструктуры АП, феномен гомогенности ретроспективного и перспективного типичных сценариев может быть интерпретирован следующим образом: субъект заранее ожидает наступление того или иного события, что повышает вероятность фиксации, сохранения и воспроизведения данного автобиографического материала. Следовательно, посредством усвоения типичного жизненного сценария происходит развитие АП, выражающееся в социальной схематизации личностно значимых воспоминаний.

Как было отмечено выше, в настоящее время отмечается тенденция к дестандартизации жизненного сценария, усилению его индивидуализации, снижению роли нормативных компонентов в структуре сценария в процессе возрастного развития (Гришина, 2011). Казалось бы, эти выводы противоречат многочисленным эмпирическим результатам изучения сценарности АП. Однако, по нашему мнению, причиной противоречия является разное определение основных понятий исследования, а не диаметрально противоположные по смыслу эмпирически выявленные закономерности.

Так, Н.В. Гришина различает:

- 1) нормативный жизненный сценарий «как совокупность неких обязательных событий, отвечающих представлениям своего времени»;

- 2) индивидуальный жизненный сценарий, «содержащий как нормативные компоненты, так и индивидуальные жизненные события, составляющие биографию конкретного человека»;
- 3) личную историю «как самоописание» (там же).

Поясняя суть нормативного жизненного сценария, автор приводит высказывание К. Клакхона: «Любая отдельная культура формирует нечто вроде плана всей жизнедеятельности человека» (Клакхон, 1998, с. 39). Таким образом, нормативный жизненный сценарий в терминологии Н.В. Гришиной и типичный жизненный сценарий (как его впервые определили Д. Бернтсен и Д. Рубин) – синонимичные понятия.

Индивидуальный сценарий в концепции Н.В. Гришиной понимается как личностно отнесенная последовательность событий в жизни конкретного субъекта (а не типичного представителя данной культуры). Так, результаты исследования Д.М. Абдульмановой и Н.В. Гришиной (Абдульманова, 2010) показали, что индивидуализация жизненного сценария проявляется в вариативности ряда его характеристик:

- количества событий, выделяемых человеком в качестве значимых в своей жизненной истории;
- содержанием этих событий (их типом);
- восприятием собственной жизни как дискретного набора событий или единого событийного ряда, обладающего внутренней взаимосвязанностью.

Полученные свидетельства индивидуализации сценария, по существу относятся не к представлениям о жизненном сценарии данной общности (которые, как было показано выше, с возрастом становятся все типичнее), а к личному сценарию жизни и автобиографическому опыту как воплощенному в реальной истории субъекта плану событий. Соответственно, Н.В. Гришиной с коллегами эмпирически продемонстрирован закономерный процесс развития АП личности, проявляющийся в наращивании уникальности воспоминаний наряду со сценарными эпизодами прошлого, а

также повышении рефлексивности субъекта по отношению к личной истории жизни.

1.4.3.2. Художественный сценарий

Художественный сценарий рассматривается нами как разновидность внешнего культурного сценария, который являет собой совокупность представлений субъекта о возможной событийности жизни, моделях и идеалах поведения, почерпнутых из собственно культурных (в узком смысле данного понятия) источников, таких как кинематограф, театр, литература и другие виды искусства. Как утверждает Е.Е. Сапогова, «имеющийся в распоряжении каждого взрослеющего субъекта набор текстов, созданных культурой, является неисчерпаемым семиотическим ресурсом для самоосмысления и самопрезентации в дискурсах» (Сапогова, 2005, с.201).

М.А. Степанова считает обоснованным исследование художественных текстов как источников «специфического, психологического по своему содержанию, влияния на читателя, что дает основания считать литературу формой психотехнического воздействия» (Степанова, 2006, с.121).

Г. М. Андреева отмечает, что «литература по существу проделала социально-психологическую работу, являя собой, пример того типа исследований, которые именуются монографическими. Тот факт, что продукт такого исследования существует не в форме научной теории, не в системе научных понятий, а в художественных образах, не делает это исследование менее ценным» (Андреева, 1996, с.162).

Обсуждая роль чтения в развитии личностных новообразований, традиционно выделяют информационную, развлекательную, эстетическую, лингвистическую (повышение языковой компетентности), коммуникативную (тексты как предмет для общения), престижную (чтение определенных текстов требуется для фиксации принадлежности к референтной социальной группе) и ряд других функций.

На наш взгляд, не менее важным мотивом, побуждающим человека обратиться к художественным текстам, является мотив самопознания. Однако не каждый текст способен актуализировать экзистенциальные функции чтения. «Только пережитые в статусе личностно значимых событий коллизии судеб литературных персонажей (пусть вымышленных) приобретают свойство онтологичности и могут служить образцом, в отношении к которому молодой человек выстраивает проект своего будущего» (Нуркова, Алюшева, 2012, с.61). Другими словами, выявление и принятие субъектом художественного сценария как культурного средства организации памяти о событиях собственной жизни происходит при условии, что опыт чтения становится автобиографическим фактом.

Е.Е. Сапогова рассматривает художественные тексты в качестве «семиотического ресурса для самоинтерпретации и самопостроения» и предлагает следующую классификацию:

- 1) «классические» тексты, максимально распространенные в этнокультуре, представляющие «сквозные сюжеты» и подлежащие обязательной трансляции (например, на уроках литературы) в течение длительного времени;
- 2) тексты, популярные на определенном этапе культурно-исторического развития социума – «продукт вторичной социализации»;
- 3) тексты, не являющиеся распространенными в обществе, но личностно значимые для субъекта – «продукт персонального культурного социогенеза» (Сапогова, 2005).

Р. Мар, Дж. Пескин, К. Фонг в работе, посвященной проблеме становления механизма автобиографической аргументации, высказывают теоретические предположения о роли чтения в развитии связной личной истории прошлого. По мнению авторов, читая художественный текст, подросток воссоздает связи между сюжетом книги и событиями своего прошлого, что является фасилитатором создания и творческого оформления личной истории жизни (Mar, Peskin, Fong, 2010). Исследователи отмечают,

что особый интерес представляет выявление особенностей АП у субъектов, в литературных предпочтениях которых значительную часть занимает поэзия, т.к. поэтический текст задает возможности перехода на более высокий уровень переживания и осмысления событий (Чуча, 2008; Миронова, 2012).

Художественные сценарии представляют собой варианты проживания жизни, осмысленные уникальной личностной позицией и мастерством писателя. Соответственно, в данном виде культурного жизненного сценария типичное в жизни передается автором как индивидуальное (как правило, подчеркивается уникальность судьбы литературного героя).

Можно предположить, что наиболее богатым материалом для экспликации художественных сценариев являются произведения классической романной формы и мемуаристика. Жанр романа и мемуарной прозы предполагает повествование о продолжительных жизненных периодах, нередко читатель получает возможность проследить судьбы героев от рождения до смерти, а иногда в книге представлены жизни нескольких поколений. В данном контексте роман является наиболее сценарным литературным жанром, важным в контексте анализа культурной детерминации АП.

Таким образом, художественные тексты могут играть критическую роль в становлении самосознания личности, т.к. дают возможность найти ответ на вопрос «делать жизнь с кого». Пережитые в статусе личностно значимых событий жизненные перипетии литературных персонажей (пусть и вымышленные автором) приобретают свойство онтологичности и могут служить образцом, по отношению к которому выстраивается собственная жизненная история. Иными словами, опыт чтения становится автобиографическим фактом индивидуальной памяти и средством ее развития.

Е.Е. Соколовой обосновывается положение, согласно которому индивидуально-неповторимая деятельность человека (реальная форма поведения) всегда имеет свои «надындивидуальные образцы» (идеальные

формы) и человек совершает свой уникальный поступок всегда «в лоне предшествующих образцов» (по М.К. Мамардашвили). К подобным образцам автор относит: «реальные деяния лиц, которые запечатлены в разных исторических источниках, поступки литературных героев, а также поступки современников, свидетелями которых может быть ребенок, еще не совершивший в своей жизни ни одного «лично сконструированного» действия» (Соколова, 2006, с.20). Важно отметить, что наличие образцов поступков в культуре – необходимое, но не достаточное условие для усвоения этих идеальных форм. Важно, чтобы эти образцы приобрели автобиографический смысл и зафиксировались в АП (ведь субъект может просто не обратить на них внимание).

Открытым остается вопрос, как происходит «вращивание» идеальной формы в реальную. В качестве одного из механизмов такого превращения Е.Е. Соколова называет «эстетизацию» совершенного поступка в произведениях литературы и искусства, посредством чего усваиваются стоящие за поступком ценностно-нравственные нормы. Как же субъект приобретает те или иные «вершинные» смысловые установки? Прочитируем точку зрения автора, с которой мы также выражаем согласие: «Часто говорят о том, что большую роль в этом процессе играет Его Величество Случай (случайно попала книга в руки, стал неожиданным свидетелем подвига другого и пр.). Однако в психологии давно известно, что «внешние причины действуют через внутренние условия» (С.Л. Рубинштейн). Одна и та же случайность может оказать совершенно разное влияние на человека в зависимости, например, от сформированной у него ранее в предыдущей деятельности готовности воспринять имеющуюся в книге информацию и т.п.» (там же, с. 21).

1.4.3.3. Медийные сценарии

Как заметил Д. МакАдамс, «некоторые люди конструируют свои жизненные истории на базе классических трагедий, а некоторые используют в качестве основы телевизионные шоу» (МакАдамс, 2008, с.152).

В настоящее время средства массовой информации (СМИ): телевидение, печатные издания, радио, Интернет являются значимым фактором влияния на социализацию личности. Как отмечают исследователи, СМИ предоставляют человеку готовые модели восприятия и интерпретации окружающей действительности, «образы, в большинстве своем визуальные, буквально «впечатываются» в его сознание, формируя определенные идеальные модели социальной самокатегоризации» (Белинская, Тихомандрицкая, 2001, с.94; Андреева, 2000). В связи с этим возрастает важность исследования медийных сценариев как источников социальной идентификации и самоопределения субъекта, и, соответственно, конструирования его автобиографии.

Примером возможности конструирования виртуальной идентичности является международный онлайн проект «Вторая жизнь» (<http://secondlife.com>). На данном сайте можно создать собственный виртуальный образ («аватар»), выбрать страну проживания, профессию, образ жизни, взаимодействовать с другими участниками. На сегодняшний день в проекте зарегистрировано более 36 миллионов пользователей, которые вложили более 3,2 миллиардов долларов в создание своей второй виртуальной жизни (большинство опций проекта являются платными). Проводятся антропологические исследования «жителей» (residents) мира «Вторая жизнь» (Boellstorff, 2008).

Согласно эмпирическим данным исследования "Дети России Онлайн", более 30% подростков хоть раз представлялись в процессе общения в Интернете другим человеком. Как отмечает Г.В. Солдатова, «подростку проще выразить свою индивидуальность в Интернете, чем в жизни»

(Солдатова, Гостимская, Кропалева, 2010, с.40). Однако в связи с этим возрастает риск «застревания» на стадии «диффузной» идентичности (Эриксон, 1996), т.к. "демонстрируя разные фасады своего "Я", подросток не столько определяется с идентичностью, сколько инсценирует ее, занимаясь бесконечными самопрезентациями (Солдатова, 2012, с.66, Войскунский, Евдокименко, Федунина, 2013).

В 2011 году в Канаде прошла конференция, посвященная репрезентации мнемических процессов в литературе и кинематографе (“Memory, Mediation, Remediation: An International Conference on Memory in Literature and Film”) и воздействию, которое оказывается искусством на память. Данная конференция показала значимость проблематики влияния медийных сценариев на то, как поколения помнят исторические события мирового масштаба, ведь не вызывает сомнений тот факт, что знание о военных периодах, геноциде, стихийных бедствиях и т.д. форматируются информацией, предоставленной зрителям в кинематографе и читателям в литературе (Memory studies, 2012, с.497-499).

Соответственно, логично утверждать, что в информационную эпоху процесс интериоризации субъектом различных форм медийно транслируемых жизненных сценариев также выступает в качестве значимого средства фиксации и актуализации автобиографических событий в памяти субъекта.

1.4.3.4. Семейный сценарий

Семейный сценарий понимается нами как представленность в памяти субъекта значимых событий жизни своих родителей, близких родственников (а в пределе - это информированность о том, как жили предки, знание семейных архивов). Н. Браун и К. Своб используют семантически схожее понятие альтербиографической памяти, содержаниями которой являются воспоминания о жизни своих родителей (Svob, Brown, 2011).

Как было показано выше, большинство исследований развития АП в семейном контексте сфокусированы на изучении процесса совместного припоминания в диаде родитель-ребенок. Мы считаем, что не менее важно обратиться к альтербиографической памяти субъектов, т.е. к тому, как события жизни родителя вспоминают и интерпретируют их дети во взрослом возрасте.

«Воспоминания» о событиях жизни родителя включают в себя как совместно прожитые эпизоды, так и лишь знаемую информацию (например, о детстве родителя), полученную из различных источников. В связи с этим содержанием данных представлений является как автобиографический, так и биографический материал. Отсюда можно выдвинуть гипотезу о том, что характерные для субъекта особенности АП наблюдаются также в его воспоминаниях о событиях жизни родителей.

Рассказ родителя ребенку о своей жизни выполняет несколько функций: это одновременно и трансляция собственного автобиографического опыта, и предъявление модели того, как следует строить жизненный путь, передача своих ожиданий.

Как отмечают Е. П. Белинская и О. А. Тихомандрицкая, «семья, выполняя свою социализирующую функцию по отношению к личности, является, во-первых, проводником макросоциальных влияний, в частности влияний культуры, а во-вторых — средой микросоциального взаимодействия, характеризующейся своими особенностями» » (Белинская, Тихомандрицкая, 2001, с. 79). Интересна точка зрения авторов на увеличение семейного вклада в процесс социализации в ситуации высокого уровня неопределенности в жизни общества и радикальных социальных перемен, когда «семья закономерно начинает играть роль некоторого «буфера», «оплота стабильности»» (там же, с.90), ограничивающего влияние макросоциальных факторов на личностное развитие ребенка. Получены эмпирические данные, свидетельствующие о том, что основным источником формирования Я-концепции российского подростка является взаимодействие с родителями,

через призму семейных представлений осуществляется осмысление и оценка социальных изменений, а роль сверстников в процессах личностного становления подростка снижается. Авторы подчеркивают, что подобная тенденция далеко не всегда является результатом осознанного выбора подростка, а часто является следствием «делегирующего» стиля детско-родительских отношений, когда родители не имеют определенного и позитивного жизненного плана и возлагают ответственность за свое будущее на своего ребенка. «Такие подростки имеют четкие представления о будущем и, соответственно, большую уверенность в себе, однако их идентификационные структуры содержат все черты «предрешенной» идентичности, провоцируя на объектное отношение к самому себе и, следовательно, блокируя способность быть субъектом своей жизни» (там же, с.285).

В исследовании П.Б. Селюгиной (2012) показано, что особенностью российской семьи является не только высокая значимость детско-родительских отношений на протяжении всей жизни субъекта, но и влияние семьи прародителей (бабушек и дедушек) на формирование личностной идентичности.

Мы также полагаем, что усвоение семейного сценария тесно связано с имплицитными теориями семьи (Минеева, 2011; Варга, 2000), т.е. теми нерелефлексированными представлениями о системном семейном функционировании, которые сложились у человека. Например, фактор значимости родительской модели жизни для субъекта имеет критическое значение при оценке актуальности и полезности знания родительского жизненного пути и, соответственно, доступности воспоминаний о событиях жизни родителей.

В докладе на конференции, посвященной проблематике АП, SARMAС IX, Н. Браун и К. Своб (Svob, Brown, 2011) представили результаты исследования феномена межпоколенной трансмиссии автобиографических воспоминаний (intergenerational transmission of autobiographical events), суть

которого заключается в том, что воспоминания о каких-либо событиях жизни одного поколения встречаются в АП представителей другого поколения. Исследовалась межпоколенная трансмиссия воспоминаний двух групп респондентов: «конфликтной» и контрольной. Родители респондентов «конфликтной» группы переживали в своей жизни серьезные политические потрясения (война, репрессии, революции). Было выявлено, что 25% воспоминаний о жизни родителей респондентов данной группы также связаны с военной тематикой. Авторы интерпретируют этот факт как пример передачи воспоминаний о «конфликтном», травмирующем опыте от одного поколения другому, в результате чего поколение детей помнит события, произошедшие с родителями так, как они выражены в автобиографических воспоминаниях последних.

В этом контексте закономерными представляются эмпирически выявленные значимые взаимосвязи между уровнем сформированности семейного нарратива и различными показателями субъективного благополучия личности (McKeough, Malcolm, 2010). В одном из исследований нарративы изучались в условиях повседневного семейного общения («разговоры за обеденным столом»). Выборку составили 37 полных семей (количество детей в семье варьировало от 1 до 6, среднее 2,7). Процедура исследования заключалась в том, что спонтанно возникающие в процессе обеденного общения диалоги о прошлом записывались на диктофон и впоследствии расшифровывались и анализировались исследователями. Было показано, что за время 20-30 минутного обеда семейные воспоминания о прошлом рассказывались в среднем каждые 5 минут, а всего было выделено 235 нарративов, из них 12% являлись рассказами родителей о своей жизни. Было также выявлено, что матери вносят больший вклад в создание нарративов, чем отцы (данный вклад измерялся механически посредством подсчета количества слов в протоколе текста воспоминания: в среднем 161,21 слов матерей и 89,54 слов отцов).

На следующем этапе исследования у детей измерялся уровень субъективного благополучия (использовался опросник Child Behavior Checklist, CBCL, Achenbach, 1991). Было показано, что в семьях, где доминирующим рассказчиком личных воспоминаний были матери, для детей характерны более низкие показатели по шкалам тревожности и депрессии (по мнению авторов, это интрасубъектные показатели субъективного благополучия). А в семьях, где доминировали отцовские воспоминания, у детей отмечались высокие показатели эмоциональной регуляции поведения, в частности ниже агрессивность (интерсубъектное благополучие). Нам представляется интересным результатом найденные авторами различия в роли матерей и отцов в трансляции схем семейного нарратива, а также выявленные связи доминирующих рассказчиков нарративов с субъективным благополучием детей, т.е. установленная роль вклада каждого из родителей в становление АП ребенка. Интересно отметить, что в другом исследовании семейных нарративов (Zaman, Fivush, 2009) также получена значимая положительная связь их представленности в семейном общении с субъективным благополучием детей. Более того, не выявлено гендерных различий в качественных и количественных критериях оценки воспоминаний о родителях.

В наших эмпирических исследованиях усвоение семейного сценария оценивается по степени согласованности воспоминаний детей о жизни своих родителей и собственно воспоминаний родителей о своей жизни (межпоколенная согласованность АП). Было показано, что уровень согласованности семейных воспоминаний значимо положительно связан с функциональным потенциалом АП респондентов ($r=0,514$, $p<0,05$) и выраженностью у них такого личностного качества как жизнестойкость ($r=0,604$, $p<0,01$) (Алюшева, 2011).

Как писал Д.Б. Эльконин, идеальная форма - это не просто какая-то сторона взрослой жизни, «образец – это не образ другого, а образ себя через другого. Это то, каким я хочу, стремлюсь быть. Образец – это не что-то

внешнее, это форма его (ребенка) сознания другого в себе» (Эльконин Д.Б. Научные дневники // Архив Д.Б. Эльконина, цит. по Венгер, Слободчиков, Эльконин, 1988). В результате проведенного теоретического анализа мы приходим к выводу, что представление о прошлом родителя выступает как важный источник становления организации собственной автобиографии, т.е. макроструктуры АП.

1.5. Выводы

В нашем диссертационном исследовании АП понимается как система долговременной декларативной памяти, которая формируется как высшая психическая функция на основе эпизодической и семантической мнемических систем за счет интериоризации разнообразных аутоэмоциональных практик в ходе социокультурного развития ребенка. Специфической особенностью АП является отсутствие ее натуральной, врожденной формы.

АП обладает системной многоуровневой организацией. Микроструктура АП представлена отдельными воспоминаниями, которые представляют собой специфичные единицы ее анализа. Макроструктура образована конфигурациями автобиографических воспоминаний, которые собираются в жизненные темы, этапы, периоды и, в итоге, в целостную историю прошлого.

С наступлением подросткового возраста субъект ставит перед собой задачи самопознания, формируется качественное новообразование АП - механизм автобиографической аргументации и, соответственно, новые единицы АП: характерные, «самоопределяющие» воспоминания, которые вносят значимый вклад в процесс становления идентичности.

В культуре существует множество доступных для присвоения в качестве образца сценариев, которые можно объединить в следующие

категории: общекультурные (типичные, художественные и медийные) и семейные сценарии.

Структурная и содержательная гомогенность проспективных культурных жизненных сценариев (представлений субъектов о «расписании» событий жизни) и ретроспективной картины прошлого (их воспоминаний о событиях своей жизни), по данным литературных источников, отражает форматирующую роль сценариев в развитии макроструктуры АП. Подчеркнем, что субъект не просто присваивает готовые «форматы» автобиографии, существующие в культуре образцы приемлемых, поощряемых построений историй прошлого, но личностно прорабатывает, дополняет их.

На основании проведенного нами теоретического анализа можно сделать вывод о том, что макроструктура развитой АП представляет собой конфигурацию воспоминаний разной степени однородности. Вспоминая свою жизнь, субъекты со сформированной макроструктурой АП обращаются преимущественно к сценарным воспоминаниям, включают в репрезентацию прошлого типичные события, а также уникальные эпизоды. В свою очередь, преобладание какого-либо одного из типов воспоминаний является маркером более низкого уровня развития АП (т.е. сценарное и несценарное в автобиографической продукции – не оппозиция). Очевидно, что личное прошлое, представленное в самосознании человека лишь посредством типичных, ничем не выделяющих его как уникального субъекта эпизодов повседневной жизни так же неадаптивно, функционально бесполезно, как и прошлое, состоящее исключительно из воспоминаний о неординарных ситуациях, вырывающихся за рамки рутины. В первом случае личность оказывается лишенной возможности подтвердить свою индивидуальность и неповторимость прошлого (не разворачивается процесс индивидуализации АП), во втором – не происходит самоопределения в исторических, культурных, а также социальных координатах (не происходит социализации АП).

Таким образом, предположение о линейном нарастании сценарных и несценарных воспоминаний в макроструктуре АП снимает оппозицию культурное - индивидуальное и поддерживает положение о «индивидуализации через интеориоризацию» как механизме развития автобиографического самосознания, базирующегося на функционировании АП.

Итак, представленный выше теоретический анализ приводит к выводу о том, что усвоение культурных жизненных сценариев в реальных социальных практиках становится системообразующим фактором для развития макроструктуры индивидуальной АП. Исследованию общепсихологических механизмов культурной детерминации процесса становления макроструктуры АП в аспекте анализа освоения транслируемых в социуме жизненных сценариев посвящена эмпирическая часть нашего диссертационного исследования, представленная в **Главе 2**.

ГЛАВА 2. ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ СТРУКТУРЫ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

2.1. Постановка проблемы эмпирического исследования

Целью эмпирического исследования является изучение детерминации макроструктуры АП личности культурными жизненными сценариями.

Для достижения поставленной цели были определены следующие эмпирические **задачи**:

1. Выявить параметры макроструктуры АП, определяемые системным строением общекультурного и семейного жизненных сценариев.
2. Выявить систему параметров макроструктуры АП, не представленных в общекультурном жизненном сценарии, однако демонстрирующих внутрисемейную согласованность и высокую степень совпадения.
3. Описать дополнительную систему характеристик макроструктуры АП, которые не корректируются при описании прошлого другого человека.

Гипотезы эмпирического исследования:

1. Ряд параметров культурного жизненного сценария, представленных в макроструктуре АП, имеет общекультурный источник, что проявляется в их межпоколенной устойчивости.
2. Ряд параметров культурного жизненного сценария, представленных в макроструктуре АП, интериоризуется преимущественно в процессе внутрисемейного взаимодействия, что закономерно приводит к высокой согласованности показателей по данным параметрам внутри семейной диады.
3. Индивидуальная структура АП включает в себя не отраженные в культурном жизненном сценарии параметры, источниками формирования которых может быть конкретная семейная ситуация развития.
4. Характеристики индивидуальной АП не исчерпываются указанными

выше параметрами, в них также присутствуют вариативные показатели, связанные с возрастом, личностными особенностями, жизненным опытом субъектов и другими факторами.

2.2. Метод

2.2.1. Методический инструментарий эмпирического исследования

Методический инструментарий эмпирического исследования составили:

1. Методика «Линия жизни» (ЛЖ) (Нуркова, 2000). Методика направлена на экспликацию целостной субъективной истории прошлого в графической форме. Участнику исследования предлагается лист бумаги А4, разделенный по центру стрелкой, которая обозначает линию времени, с инструкцией: «Представьте, что это – Ваша жизнь, от начала до сегодняшнего дня. Пожалуйста, обозначьте самые значимые, наиболее запомнившиеся события. Чем более приятное, радостное, позитивное событие, тем выше отмечайте его от центральной оси времени (поставьте точку и подпишите). И чем оно негативнее, печальнее, неприятнее, – тем ниже. На самой оси укажите, сколько Вам было лет, когда это событие произошло». В качестве иллюстрации приведем несколько примеров протоколов методики ЛЖ, выполненных участниками исследования:

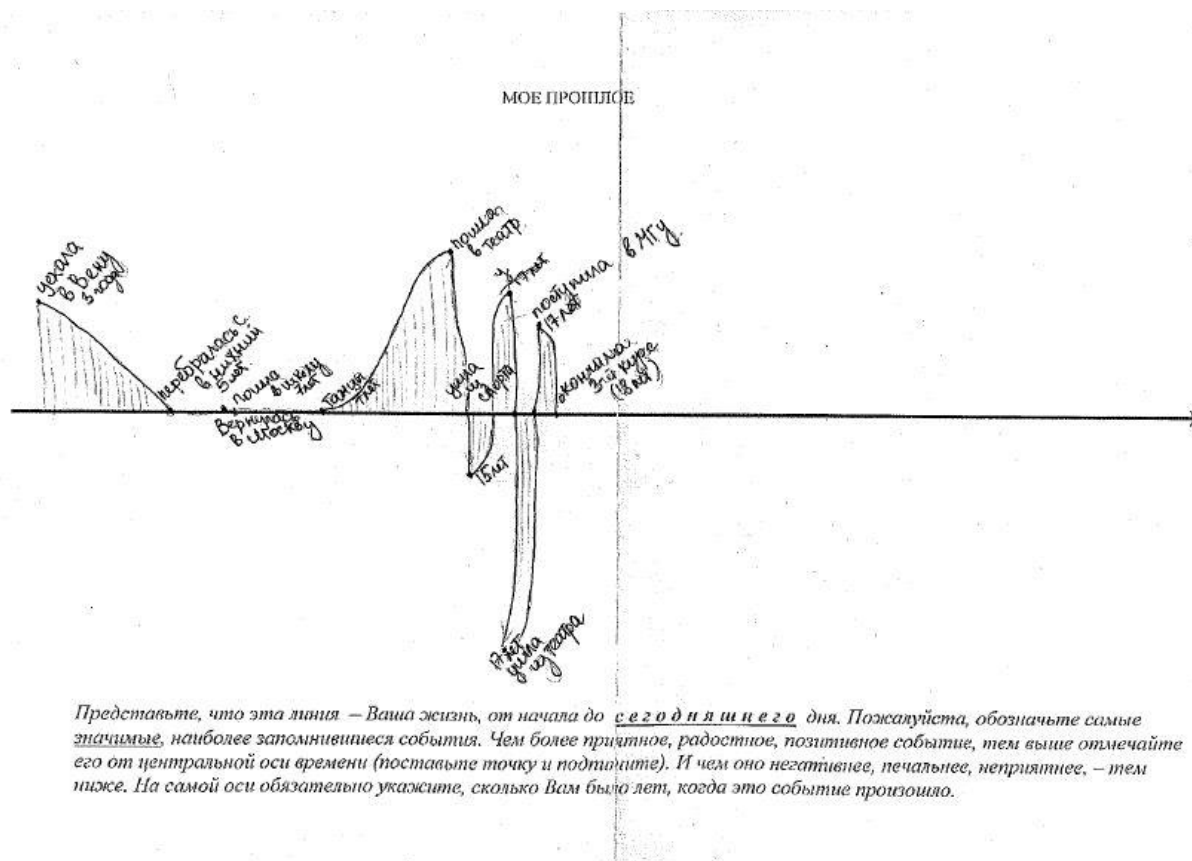

Рис. 2. Протокол методики «Линия жизни».

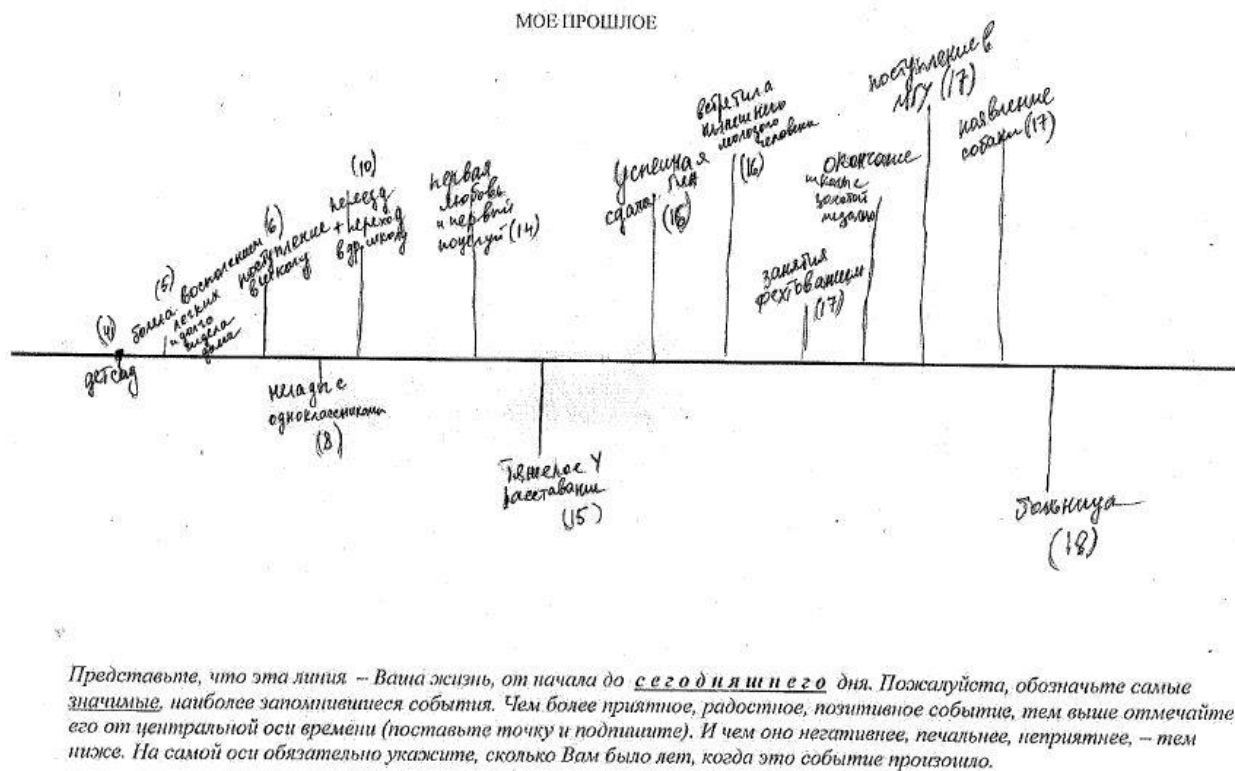

Рис. 3. Протокол методики «Линия жизни».

Данный графический метод, по нашему мнению, имеет высокий эвристический потенциал для изучения макроструктуры АП. В отличие от традиционного для исследований жизненных историй метода автобиографического интервью методика ЛЖ позволяет эксплицировать не только содержательные, но и существенные структурные параметры АП. Так, пространственные показатели методики ЛЖ отражают субъективную временную метрику прошлого и его эмоциональную насыщенность.

Инструкция методики ЛЖ не ограничивает субъекта в выборе оптимальной для него организации воспоминаний в пространстве. Нередко на линии можно наблюдать «сгущения» событий, отнесенных к определенным годам жизни, и «пустоты» длиной в десятилетия. В зависимости от смысловой насыщенности событий некоторые жизненные периоды могут быть представлены в памяти подробнее других. Анализируя пространственные показатели методики ЛЖ, можно проследить, как представлено время в автобиографической истории, сколько пространства листа отводится под те или иные этапы прошлого и настоящего (а иногда и будущего, когда субъекты, вопреки инструкции, не рассматривают конец оси времени как момент настоящего, и представляют линию как пространство всей своей жизни).

Согласно инструкции данной методики, участник исследования отмечает позитивные воспоминания выше оси времени, а негативные – ниже. Демонстрируемая им эмоциональная амплитуда позитивности и негативности конкретного эпизода прошлого является пространственным показателем методики, отражающим субъективную метрику эмоциональной насыщенности личной истории прошлого.

Более того, методика ЛЖ снимает ряд ограничений метода автобиографического интервью, посредством которого участники исследования в устной либо письменной форме вспоминают прошлое в форме целостного текста. Во-первых, значительно снижается пропорция «случайного», незначимого материала, который вспоминается по ассоциации

с другими, более важными событиями прошлого (в то время как представляя свою жизненную историю устно или письменно в текстовой форме автор рассказа может легко «уйти в сторону» и даже забыть, о чем он вспоминал ранее). Во-вторых, участник исследования выбирает наиболее органичную для него стратегию временной организации воспоминаний: может сначала задать жизненные этапы, а далее наполнять их событиями; вернуться к любому интервалу и дополнить его и т.д. Как известно, одним из артефактов метода автобиографического интервью является неравномерная содержательная наполненность текстов о разных этапах жизни. Например, в рассказе могут быть подробно представлены детство и юность и практически не представлены более поздние периоды жизни, в связи с тем, что человек исчерпал свои временные и энергетические ресурсы на создание истории о первой половине жизни. В-третьих, графическое изображение субъективной картины прошлого позволяет активно структурировать содержания своей АП, что приводит к обнаружению характерных особенностей работы данной мнемической системы на макроуровне (подробнее о методике ЛЖ как формирующем средстве исследования АП и реализации стратегии экспериментально-генетического метода культурно-исторической психологии см. Нуркова, 2009).

В данном диссертационном исследовании нами выделен ряд значимых для анализа параметров выполнения методики ЛЖ. К формальным (конфигуративным), т.е. отражающим субъективный стиль организации дискретных воспоминаний в целостную картину прошлого, параметрам методики можно отнести следующие показатели:

1. Общее количество воспоминаний, представленных на ЛЖ;
2. Количество позитивных воспоминаний;
3. Количество негативных воспоминаний;
4. Процент позитивных воспоминаний среди общего количества воспоминаний;
5. Процент негативных воспоминаний среди общего количества

воспоминаний;

6. Присутствие на ЛЖ события «Мое рождение»; ⁶
7. Количество воспоминаний о детстве (до 12 лет); ⁷
8. Процент воспоминаний о детстве (до 12 лет) среди общего количества воспоминаний.

К **формальным** показателям также относится субъективная временная и эмоциональная метрика прошлого, которая анализировалась посредством пространственных показателей методики ЛЖ: ⁸

1. Расстояние от начала линии до первого воспоминания (протяженность периода «детской амнезии»);
2. Расстояние от первого воспоминания до последнего воспоминания периода детства (до 12 лет);
3. Расстояние от последнего воспоминания периода детства (до 12 лет) до последнего воспоминания актуального возраста;
4. Среднее значение эмоциональной амплитуды позитивных воспоминаний;
5. Среднее значение эмоциональной амплитуды негативных воспоминаний;
6. Среднее значение эмоциональной амплитуды общего количества воспоминаний.

Среди **содержательных** параметров методики ЛЖ для анализа были выделены:

1. Возраст первого воспоминания, представленного на ЛЖ; ⁹

⁶ Эмпирически показано, что около 30% участников исследования включают событие «Мое рождение» в конфигурацию наиболее значимых для них воспоминаний несмотря на то, что оно, безусловно, носит статус не воспоминания, а автобиографического знания (Нуркова, 2009).

⁷ Для определения возрастной границы детства использовались возрастные периодизации А.Н. Леонтьева, Л.И. Божович и Д.Б. Эльконина, согласно которым до 12 лет различные этапы детства сменяют друг друга (например, младенчество (до 1 года), раннее детство (1-3 года), дошкольное детство (3-7 лет), младший школьный возраст (7-12 лет), периодизация Л.И. Божович). С 12 лет начинается следующий этап - подростковый возраст (Карабанова, 2005, с. 148-154).

⁸ Пространственные параметры методики ЛЖ вычислялись в мм.

2. Количество сценарных воспоминаний, т.е. воспоминаний о событиях, совпадающих с содержанием культурного жизненного сценария данной общности (Приложение 1);
3. Процент сценарных воспоминаний среди общего количества воспоминаний;
4. Количество типичных воспоминаний, т.е. высокочастотных воспоминаний участников исследования конкретной возрастной группы (Приложение 3);
5. Процент типичных воспоминаний среди общего количества воспоминаний;
6. Количество уникальных воспоминаний;
7. Процент уникальных воспоминаний среди общего количества воспоминаний;
8. Количество «фотографических» воспоминаний;¹⁰
9. Процент «фотографических» воспоминаний среди общего количества воспоминаний;
10. Количество обобщенных воспоминаний, т.е. феноменологически менее ярких, но семантически более значимых воспоминаний;
11. Процент обобщенных воспоминаний среди общего количества воспоминаний;
12. Количество воспоминаний о событиях жизни других людей;
13. Процент воспоминаний о событиях жизни других людей среди общего количества воспоминаний;
14. Количество исторических воспоминаний, т.е. воспоминаний о событиях в жизни общества, страны и мира в целом;

⁹ Возраст первого воспоминания рассматривается нами как содержательный параметр АП, т.к. в данном случае субъект осознанно датирует воспоминание, «приписывает» ему возраст, в то время как пространственная ориентация первого воспоминания и интервал от начала линии до первого воспоминания рассматривается нами в качестве отражения, как правило, имплицитной субъективной оценки конкретного временного интервала.

¹⁰ «Фотографические» воспоминания (flashbulb memories) - воспоминания – фотографические снимки, в которых информация об эпизоде прошлого хранится в полимодальной форме; термин принадлежит Р. Брауну, Дж. Кулику (Brown, Kulik, 1977).

15. Процент исторических воспоминаний среди общего количества воспоминаний.

Таким образом, применение графической методики ЛЖ обусловлено задачей эмпирического исследования эксплицировать и проанализировать формальные и содержательные характеристики макроструктуры АП.

В процессе проведения исследования нас также интересовал вопрос, какие воспоминания являются наиболее высокочастотными (и в этом смысле типичными для большинства участников исследования определенного возраста). Для реализации данной исследовательской задачи было проанализировано 258 протоколов методики ЛЖ, собранных за 2008-2011 гг. Выявлен рейтинг частотности жизненных событий, включаемых в воспоминания участников исследования (Приложение 3).

2. Методика, направленная на выявление типичного сценария данной общности (в нашем исследовании это жители Москвы, имеющие и получающие высшее образование) (Berntsen, Rubin, 2004). Участники исследования выполняли следующую инструкцию: «Представьте, что в тот же день, что и Вы, на свет появился младенец, того же пола, что и Вы. Ему предстоит прожить обычную жизнь в Вашей стране. Какие семь наиболее значимых событий, по вашему мнению, произойдут в его жизни? Оцените в процентах вероятность наступления каждого из названных событий в его жизни (от 1 до 100%). Оцените по 7-балльной шкале важность каждого события (1 – совсем не важно, 7 – исключительно важно) и его эмоциональную нагруженность (1- крайне неприятное, 7 – счастливое)».

Нами было проведено дополнительное исследование, в котором методика Д. Бернтсен и Д. Рубина использовалась для экспликации современного российского жизненного сценария у представителей юношеского и зрелого возраста (Приложение 1), с которыми впоследствии сравнивались индивидуальные представления участников исследования о типичном сценарии жизни (полученные также по данным методики Д. Бернтсен и Д. Рубина). Подсчитывалось количество совпадений событий в

типичном сценарии жизни с точки зрения участника исследования с обобщенным типичным сценарием, полученным на выборке соответствующего пола и возраста (от 7 до 0 совпадений).

Бланки методик находятся в Приложении 4.

2.2.2. Выборка и процедура эмпирического исследования

В основной серии эмпирического исследования приняли участие 204 человека: 102 участника исследования младшей возрастной группы в возрасте от 17 до 21 года (ср.знач. = 18,85 лет, ст.откл. = 1,111; нормальное распределение), 13% юношей и 87% девушек, и 102 родителя наших участников в возрасте от 37 до 64 лет (ср.знач. = 46,39 лет, ст.откл. = 5,432; асимметрия и эксцесс не превышают $|1|$), 9% мужчин и 91% женщин. Все участники исследования младшей возрастной группы имеют неполное высшее образование, а их родители – высшее образование. Неравномерность выборки по гендерному составу, по нашему мнению, не отразилась на результатах исследования, т.к. гендерные аспекты АП не являлись предметом анализа, и культурный жизненный сценарий в своем обобщенном варианте не демонстрирует значимых различий среди выборок мужчин и женщин (Ottsen, Berntsen, 2014).

Участникам исследования младшей возрастной группы предлагалось выполнить следующие методики: ЛЖ, заполненная событиями своего прошлого и ЛЖ, заполненная событиями прошлого своего родителя, использовалась методика ЛЖ с измененной инструкцией: «Представьте, что эта линия – жизнь Вашего родителя, матери либо отца, от начала до сегодняшнего дня. Пожалуйста, обозначьте самые значимые, наиболее запомнившиеся события, произошедшие с ним. Чем более приятное, радостное, позитивное событие, тем выше отмечайте его от центральной оси времени (поставьте точку и подпишите). Чем оно негативнее, печальнее, неприятнее, – тем ниже. На самой оси обязательно укажите, сколько Вашему близкому человеку было лет, когда это событие произошло». Другими

словами, участнику исследования младшей возрастной группы предлагалось вспомнить события прошлого своего родителя и выбрать из них те значимые события, которые, по их мнению, сам родитель отметил бы на ЛЖ, т.е. включил в свою личную историю прошлого. Также они заполняли методику экспликации типичного сценария Д. Бернтсен, Д. Рубина.

Участники исследования старшей возрастной группы заполняли только методику ЛЖ значимыми для них воспоминаниями своего прошлого. В качестве иллюстрации приведем примеры протоколов методики ЛЖ, заполненных участницей исследования событиями жизни матери и самой матерью значимыми событиями своей жизни (Рис. 5 и 6):

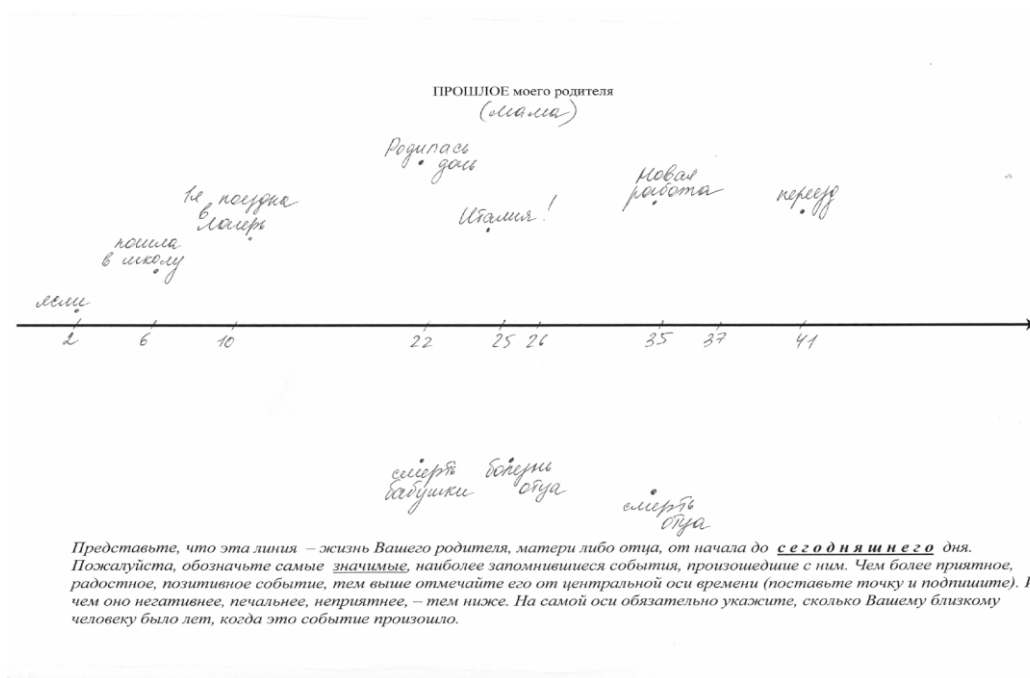

Рис. 5. Протокол методики «Линия жизни», заполненный участницей исследования событиями жизни родителя (матери).

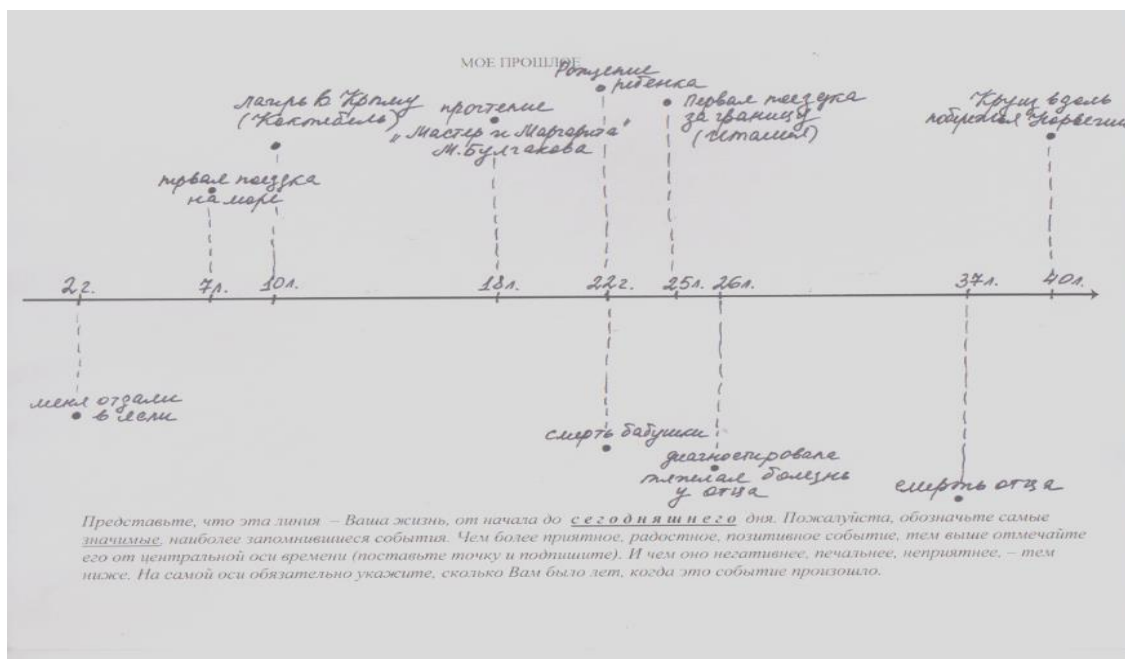

Рис. 6. Протокол методики «Линия жизни», заполненный родителем (матерью) участницы исследования значимыми событиями своей жизни.

Далее проводились следующие сравнения данных:

- методик ЛЖ, выполненных участниками исследования юношеской группы и старшей возрастной группы,
- методик ЛЖ лиц юношеской группы и ЛЖ, заполненных ими событиями жизни их родителей,
- методик ЛЖ, заполненных самими родителями и ЛЖ, заполненных юношами/девушками событиями жизни их родителей.

Анализировались совпадения и расхождения в выделенных ранее параметрах анализа макроструктуры АП, по каждому из которых был посчитан коэффициент сходства. Чем ближе коэффициент к 1, тем более похожи показатели участников исследования по конкретному параметру (Приложение 7).

2.2.3. Обоснование процедуры анализа данных

Для выявления параметров структуры АП, детерминированных культурными жизненными сценариями, данные анализировались по межгрупповому плану как независимые выборки. По нашему мнению, данный анализ позволяет нам выявить, каким характеристикам АП свойственна межпоколенная вариативность, и каким – отсутствие различий среди представителей двух поколений. Мы предположили, что межпоколенно гомогенные параметры макроструктуры АП отражают универсальную организацию воспоминаний в целостной личной истории прошлого. Другими словами, существует конкретная культурно детерминированная структура экспликации автобиографии, общая для представителей младшего и старшего поколения.

При нормальном распределении показателя параметр рассматривался как присутствующий в культурном жизненном сценарии с конкретным количественным выражением. При распределении, отличном от нормального, параметр рассматривался как культурно заданный с определенным интервалом для количественного значения.

Для выявления параметров структуры АП, детерминированных семейной ситуацией развития, данные анализировались по внутригрупповому плану как зависимые выборки. Проводился корреляционный анализ параметров АП в семейных диадах «Юноша (Девушка) – Родитель», юношей/девушек и их представлений об истории прошлого своего родителя, а также данных представлений и историй прошлого, эксплицированных самими родителями.

С целью определения конкретных параметров макроструктуры АП, которые гомогенны у юношей/девушек и их родителей, посчитаны коэффициенты диадного сходства (Таблица 1). Были получены следующие коэффициенты (К):

К1 – коэффициент сходства показателей макроструктуры АП юноши/девушки и родителя;

К2 – коэффициент сходства показателей АП юноши/девушки и его представлений о прошлом родителя;

К3 – коэффициент сходства показателей АП родителя и представлений юноши/девушки о прошлом родителя.

Параметр	Общее количество воспоминаний на ЛЖ		
	Участник исследования 1	Участник исследования 2	Участник исследования 3
ЛЖ юноши/девушки	14	14	21
ЛЖ родителя	14	20	15
Коэффициент сходства (К1)	1	0,7	1,4
ЛЖ юноши/девушки	14	14	21
ЛЖ родителя, выполненная юношей/девушкой	14	19	12
Коэффициент сходства (К2)	1	0,7	1,75
ЛЖ родителя	14	20	15
ЛЖ родителя, выполненная юношей/девушкой	14	19	12
Коэффициент сходства (К3)	1	1,05	1,25

Таблица 1. Пример расчета коэффициентов сходства макроструктуры АП по параметру «Общее количество воспоминаний».

Коэффициент, равный 1, свидетельствует об абсолютном совпадении показателей по определенному параметру АП. Нами была определена градация коэффициентов, отражающих 3 степени диадного совпадения показателей:

- 1) (0,8 - 1,2) – высокий уровень сходства показателей,
- 2) (0,4 - 0,8] и [1,2 - 1,6) – средний уровень сходства,

3) $> 0,4$ и $< 1,6$ – слабый уровень сходства показателей АП внутри пары.

Также с помощью коэффициента вариации сравнивалась однородность признака (совокупность считалась однородной при коэффициенте вариации менее 33%, Приложение 7).

Посредством сравнения средних показателей коэффициентов сходства и коэффициентов их вариации можно выделить наиболее устойчивые параметры макроструктуры АП.

2.3. Результаты исследования

По итогам межпоколенного сравнения показателей параметров АП, корреляционного анализа показателей параметров АП в семейных диадах и подсчета коэффициентов диадного сходства получены 4 группы результатов, которые представлены в Таблице 2.

		Межпоколенные различия показателей параметров АП	
Внутрисемейная корреляционная связь параметров АП		Нет	Есть
	Есть	Параметры АП, источником которых является общекультурный жизненный сценарий, испытывающие влияние семейного взаимодействия: • общее количество воспоминаний в целостной истории прошлого; • процент позитивных автобиографических воспоминаний; • процент негативных автобиографических воспоминаний; • амплитуда эмоциональных оценок позитивных воспоминаний; • амплитуда эмоциональных оценок негативных воспоминаний; • величина общей эмоциональной оценки автобиографических воспоминаний; • количество обобщенных автобиографических воспоминаний.	Семья – основной источник формирования следующих параметров АП: • количество сценарных автобиографических воспоминаний в целостной истории прошлого; • процент уникальных автобиографических воспоминаний; • процент «фотографических» автобиографических воспоминаний; • процент воспоминаний о событиях жизни других людей, включенных в автобиографию; • возраст, которым датируется первое автобиографическое воспоминание; • наличие события «Мое рождение» на ЛЖ.

	Нет	Параметры макроструктуры АП, присутствующие в культурном жизненном сценарии и не испытывающие семейного влияния: • субъективная протяженность периода «детской амнезии»; • субъективная протяженность оперативного автобиографического прошлого.	Индивидуальные особенности АП, не детерминированные культурным жизненным сценарием и семейной трансмиссией.
--	-----	---	---

Таблица 2. Результаты сравнения распределений и корреляционного анализа показателей параметров структуры АП.

Рассмотрим подробнее каждую группу результатов в следующих пунктах.

2.3.1. Параметры макроструктуры автобиографической памяти, присутствующие в культурном жизненном сценарии и транслируемые внутрисемейно

Параметры макроструктуры АП, которые относятся к данной группе, продемонстрировали отсутствие межпоколенных различий при наличии позитивной корреляции внутри семейной диады. Можно предположить, что данные параметры макроструктуры АП, имеют внешний культурный образец формирования, который преломляется и корректируется в семейном взаимодействии. В случаях, когда помимо корреляционной связи коэффициент диадного сходства (абсолютное значение) близок к 1 и коэффициент его вариации менее 33%, можно заключить, что данный параметр макроструктуры АП является устойчивым объектом внутрисемейной трансмиссии (Таблица 3).

		Межпоколенные различия показателей параметров АП
Внутрисемейная корреляционная связь параметров АП		Нет
	Есть	Общекультурный сценарий, специфицирующийся в конкретной семье - основной источник формирования следующих параметров АП: • общее количество автобиографических воспоминаний на ЛЖ; • процент позитивных и негативных автобиографических воспоминаний; • средняя амплитуда эмоциональной оценки позитивных автобиографических воспоминаний; • средняя амплитуда эмоциональной оценки негативных автобиографических воспоминаний; • субъективная эмоциональная оценка автобиографических воспоминаний; • количество обобщенных автобиографических воспоминаний.

Таблица 3. Параметры макроструктуры АП, формирующиеся под влиянием общекультурного сценария и специфического семейного сценария экспликации автобиографии.

Итак, для следующего ряда параметров АП было обнаружено отсутствие межпоколенных различий при наличии корреляций внутри семейной диады (на уровне значимости $p < 0,05$)¹¹:

1. Общее количество воспоминаний ($U=5020$, $p=0.665$; $r_s=0.321$, $p=0.00$).

На выборке родителей распределение показателя «Общее количество воспоминаний» оказалось значимо отличающимся от нормального (Приложение 5). Принимая во внимание специфику материала исследования (автобиографические воспоминания), мы считаем возможным указать интервал значений данного показателя: родители отмечают на своей ЛЖ от 12 до 17 воспоминаний.

Таким образом, представители младшего и старшего поколений из всего массива автобиографического опыта отбирают равное количество событий, которые, по их мнению, презентуют целостную картину их пройденного жизненного пути. Отметим, что в исследовании встречались и более

¹¹ В скобках отмечены средние значения показателей и коэффициент корреляции в семейной диаде.

событийно насыщенные протоколы методики ЛЖ (максимальное количество воспоминаний равно 54). В связи с этим особый интерес представляет выявленная корреляционная связь общего количества воспоминаний в семейных диадах: высокая событийность историй прошлого родителей связана с высокой событийностью историй прошлого их взрослых детей.

2. Процент позитивных ($U=4679$, $p=0.26$; $r_s=0.321$, $p=0.00$) **и негативных воспоминаний** ($U=4662.5$, $p=0.24$; $r_s=0.336$, $p=0.00$), а также **субъективная эмоциональная оценка позитивных воспоминаний**, выраженная графически, ($t=1.438$, $p=0.153$; $r=0.583$, $p=0.00$) и **негативных воспоминаний** ($t=1.22$, $p=0.225$; $r=0.411$, $p=0.00$), а также **субъективная эмоциональная оценка общего количества воспоминаний**, выраженная графически, ($t=1.317$, $p=0.19$; $r=0.626$, $p=0.00$). Соотношение воспоминаний разной валентности и интенсивность субъективной эмоциональной оценки позитивных воспоминаний – межпоколенно устойчивые показатели, коррелирующие у юношей/девушек и родителей. Юноши/девушки несколько идеализируют прошлое родителей, что может быть следствием избегания родителями рассказов о негативных эпизодах своего прошлого и/или вкладом общей позитивной установки представителей молодого поколения в представление о том, «как устроена взрослая жизнь» («юношеский оптимизм» (Bohn, Berntsen, 2012; Pasupathi, Mansour, 2006)), что является существенным фактором для принятия решения о заимствовании данной модели.

Можно утверждать, что пропорция позитивных и негативных воспоминаний и то, насколько события прошлого переживаются как счастливые с позиции сегодняшнего дня, детерминировано КЖС, транслируемым через семейное взаимодействие. Более того, в целом интенсивность общей эмоциональной оценки воспоминаний не демонстрирует межпоколенных различий и согласована внутрисемейно.

Помимо корреляционной связи коэффициент диадного сходства по параметру «Пропорция позитивных воспоминаний» среди общего количества воспоминаний близок к 1 и коэффициент его вариации менее 33% (Приложение 7), в связи с чем данный параметр макроструктуры АП можно рассматривать как устойчивый объект внутрисемейной трансмиссии: передается не только общая направленность выраженности показателя, но и его значение.

Та же закономерность проявляется в отношении параметров «Среднее значение эмоциональной амплитуды позитивных воспоминаний». Коэффициент внутрисемейного сходства по параметру «Среднее значение эмоциональной амплитуды позитивных воспоминаний» близок к 1 и коэффициент его вариации менее 33% (Приложение 7), в связи с чем можно утверждать о внутрисемейной трансляции как направленности изменений, так и среднего значения данного параметра макроструктуры АП.

Может возникнуть вопрос, не являются ли результаты о сходстве в пространственном расположении воспоминаний артефактом графической методики (например, длиной линии, размером листа). Мы предполагаем, что высокая вариативность стандартного отклонения по данным параметрам выражает индивидуальную специфику заполнения методики (Приложение 7). Другими словами, независимое выполнение методики ЛЖ каждым участником исследования показало, что стиль заполнения пространства листа варьирует в широком пределе, однако в среднем статистически не различается при межпоколенном сравнении.

3. Количество обобщенных воспоминаний¹² ($t=1.349$, $p=0.18$; $r=0.327$, $p=0.02$). Обобщенные воспоминания представляет собой воспоминания о значимых событиях жизни, которые феноменологически являются менее

¹² Отметим, что в процентном соотношении обобщенных воспоминаний среди всех воспоминаний, составляющих историю прошлого, обнаружены межпоколенные различия. Данный результат, по нашему мнению, объясняется различным «вкладом» воспоминаний разных видов в историю прошлого представителей двух поколений. Так, например, у юношей значимо больше процент «фотографических» воспоминаний, следствием чего является меньший процент обобщенных воспоминаний в целостной картине прошлого.

яркими и воспроизводятся кратко, менее детально, однако несут на себе важную смысловую нагрузку в контексте целостной личностной истории (например, воспоминание о смене социальной роли либо о начале определенного жизненного этапа). Согласно нашим результатам, количество воспоминаний данного типа межпоколенно устойчиво и является объектом внутрисемейной трансмиссии.

Более того, коэффициент диадного сходства по параметру «Процент обобщенных воспоминаний» равен 1 (коэффициент вариации менее 33%) (Приложение 7), что можно интерпретировать как семейную трансляции не только общей направленности изменений данного показателя, но и его абсолютного значения.

Рис. 7. Параметры макроструктуры АП, присутствующие в культурном жизненном сценарии и транслируемые внутрисемейно.

2.3.2. Параметры макроструктуры автобиографической памяти, присутствующие в культурном жизненном сценарии и не испытывающие семейного влияния

Несколько параметров АП не коррелируют внутрисемейно, не демонстрируют нормального распределения, но при этом тождественно распределены у представителей старшего и младшего поколений респондентов (Таблица 4). К данным параметрам относятся: субъективная протяженность периода «детской амнезии», которая вычисляется как расстояние от начала ЛЖ до первого нанесенного на нее воспоминания; субъективная временная протяженность оперативного автобиографического прошлого, вычисляемая как расстояние от последнего нанесенного на ЛЖ воспоминания до конца ЛЖ.

		Межпоколенные различия показателей параметров АП
Внутрисемейная корреляционная связь параметров АП		Нет
	Нет	Параметры АП, которые обусловлены культурным жизненным сценарием, и не испытывающие семейного влияния: • субъективная временная протяженность периода «детской амнезии», выраженная графически; • субъективная временная протяженность оперативного автобиографического прошлого, выраженная графически.

Таблица 4. Параметры макроструктуры автобиографической памяти, присутствующие в культурном жизненном сценарии и не испытывающие семейного влияния.

1. Субъективная временная протяженность периода «детской амнезии», выраженная графически ($U=1887.5$, $p=0.6$; $r_s=0.06$, $p=0.65$). Показатель параметра демонстрирует отличное от нормального распределение, что позволяет отнести его к показателям, которые присутствуют в КЖС без конкретного количественного выражения. «Детской амнезией» называют факт отсутствия автобиографических воспоминаний о раннем детстве во взрослом возрасте (устойчивый феномен АП).

Эмпирически показано, что существуют значительные межкультурные различия в границах «детской амнезии»: возраст, к которому представители разных культур относят свои первые воспоминания, варьирует от 32 до 52 мес. (Wang, 2003). Можно предположить, что культура предписывает не помнить о раннем периоде своей жизни, однако субъективная протяженность такого «беспамятства» зависит от преимущественно внешних факторов.

2. Субъективная временная протяженность периода от окончания детства до возраста последнего воспоминания, указанного на ЛЖ (выражено графически) ($U=1949.5$, $p=0.4$; $r_s=0.16$, $p=0.25$). Интересно отметить, что для всех участников исследования характерна схожая субъективная метрика жизненных этапов с подросткового возраста до настоящего времени, несмотря на существенную разницу в реальном возрасте. Высоковоероятно, что становление временной метрики прошлого происходит посредством усвоения общей культурно заданной схемы организации воспоминаний.

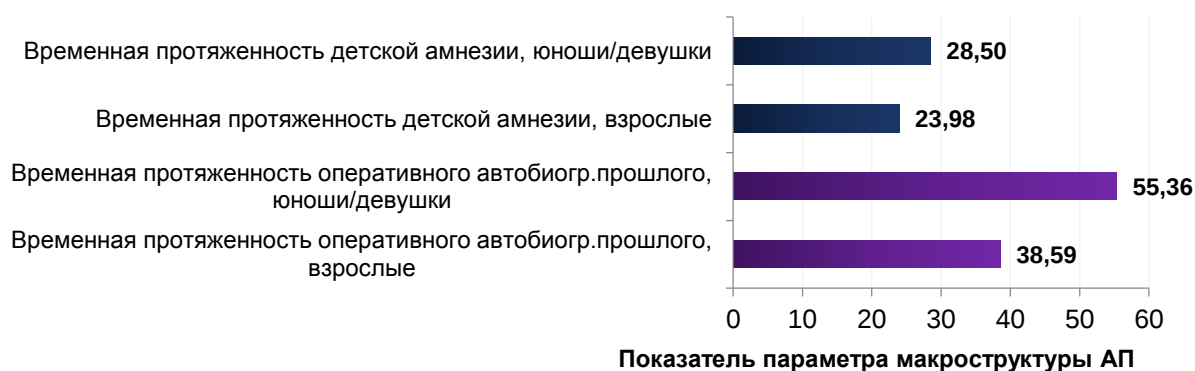

Рис. 8. Параметры макроструктуры АП, присутствующие в КЖС и не испытывающие семейного влияния.

2.3.3. Параметры макроструктуры автобиографической памяти с внутрисемейным источником формирования

Для ряда параметров макроструктуры АП выявлены корреляции внутри семейной диады при наличии межпоколенных различий в распределении

показателей, что свидетельствует об их «семейном наследовании» (Таблица 5).

		Межпоколенные различия показателей параметров АП
Внутрисемейная корреляционная связь параметров АП		Есть
	Есть	Семья – основной источник формирования следующих параметров АП: • количество сценарных АВ на ЛЖ; • процент уникальных воспоминаний на ЛЖ; • процент «фотографических» воспоминаний; • процент воспоминаний о событиях жизни других людей, включенных в автобиографию; • процент типичных АВ; • возраст, которым датируется первое воспоминание.

Таблица 5. Параметры макроструктуры автобиографической памяти с внутрисемейным источником формирования.

Интерииоризацией семейного ЖС определяются следующие особенности структуры АП:

1. Количество сценарных автобиографических воспоминаний ($U=3160$, $p<0.001$; $r_s=0.332$, $p=0.00$). В описание своего прошлого юноши/девушки включают значимо меньше сценарных воспоминаний, т.е. воспоминаний о событиях, которые входят в номенклатуру российского КЖС (Приложение 1, получен посредством классической инструкции методики Бернтсен-Рубина, (Berntsen, Rubin, 2004)), чем их родители. Эмпирически показано, что сценарность автобиографических воспоминаний линейно возрастает с возрастом (Bohn, 2010; Bohn, Berntsen, 2012), что подтверждается и нашими результатами.

2. Процент уникальных автобиографических воспоминаний ($U=3815.5$, $p=0.003$; $r_s=0.318$, $p=0.00$). Уникальные воспоминания (встречаются в полученных данных не более 1 раза) значимо больше представлены в историях прошлого юношей/девушек по сравнению с

историями личного прошлого родителей. Количество уникальных воспоминаний транслируется внутрисемейно.

3. Процент «фотографических» автобиографических воспоминаний ($U=1317$, $p=0.009$; $r_s=0.509$, $p<0.001$). «Фотографические» АВ характеризуются яркостью, высокой образностью, детальностью. В большей мере они представлены у представителей младшей возрастной группы. Нередко «фотографическими» являются воспоминания детства, которых у участников исследования 17-21 года также значимо больше.

В результате анализа всех протоколов ЛЖ отметим, что в заполнении методики прослеживается тенденция ориентироваться на «фотографический» или обобщенный стиль воспроизведения автобиографического материала (например, схожее сценарное событие может быть выражено одним участником исследования как *«первый раз иду в школу, моросит дождь, хочется спать, при этом кажется, что сейчас случится что-то интересное»*, а другим – более кратко и обобщенно - *«пошел в школу»*). Данная стилевая особенность описания прошлого транслируется внутрисемейно: пропорция «фотографических» воспоминаний в описании истории своего прошлого юношей/девушкой и родителем взаимосвязаны. Используя терминологию деятельностного подхода А.Н. Леонтьева (1975), можно сравнить функцию «фотографических» воспоминаний в АП с функцией одной из образующих сознания, «чувственной ткани». Вызывая переживание «погруженности в прошлое» и чувство «реальности прошлого», «фотографические» воспоминания придают личной истории уникальность и феноменологическую принадлежность данному конкретному субъекту (чувство, что события вплетены в его неповторимую жизнь, и он может вернуться в каждое из них в своих воспоминаниях, оживить их в памяти). Мы предполагаем, что «фотографические» воспоминания, включенные в макроструктуру АП, маркируют прошлый опыт как личный, субъективно пережитый. Соответственно, яркие и детальные эпизоды прошлого

способствуют переживанию авторства личной истории, а их отсутствие может стать причиной отчуждения от своего прошлого.

Логично предположить, что «оформить» «чувственной тканью» историю прошлого другого человека (даже собственного родителя) – несоизмеримо более сложная задача. В протоколах методики ЛЖ, заполненной представителями младшей возрастной группы событиями прошлого своих родителей, «фотографические» воспоминания встречаются значимо реже.

4. Процент воспоминаний о событиях жизни других людей, включенных в автобиографию ($U=2554$, $p<0.001$; $r_s=0.479$; $p=0.00$).

Соотношение воспоминаний о событиях жизни других людей среди всех событий своего личного прошлого также является стилевой особенностью описания прошлого и транслируется внутри семьи. В среднем больше воспоминаний о событиях жизни других людей (родственников, друзей, знакомых и т.д.) в субъективной картине прошлого взрослых участников исследования. Как правило, в данную категорию входят воспоминания о том, что происходило в жизни детей, т.к. все протоколы получены нами от людей, которые являются родителями. Наши результаты подкрепляют установленный ранее эффект возрастного смещения фокуса субъекта с событий только лишь своей жизни на то, что происходит в жизни значимых людей (Rubin, Schulking, 1997; Василевская, 2008; Нуркова, Днестровская, 2011).

Интересно отметить, что в родительскую историю прошлого юноши включают в среднем больше воспоминаний о событиях жизни других людей (как правило, это события их собственной жизни), чем в свое прошлое.

5. Процент типичных автобиографических воспоминаний (т.е. высокочастотных для представителей их возрастной группы) ($t=2.992$, $p=0.003$; $r_s=0.207$, $p=0.00$). В историю своего прошлого юноши включают значимо меньше типичных, т.е. высокочастотных для представителей их возрастной группы воспоминаний (Приложение 3), чем их родители.

Данный параметр значимо различается у двух сравниваемых поколений, но обнаруживает схожую направленность изменений в семейных диадах. Мы предполагаем, что процент типичных воспоминаний также является стилевой особенностью описания прошлого и транслируется внутрисемейно. Более того, коэффициент диадного сходства по параметру «Пропорция типичных воспоминаний» близок к 1 и коэффициент его вариации менее 33% (Приложение 7), в связи с чем данный параметр макроструктуры АП можно рассматривать как устойчивый объект внутрисемейной трансмиссии.

6. Возраст, которым датируется первое воспоминание ($U=3502$, $p<0.001$; $r=0.210$, $p=0.00$). Юноши и девушки в среднем датируют первое воспоминание более ранним возрастом, чем их родители.

Как обсуждалось в пункте 2.3.4. относительно субъективной временной протяженности периода «детской амнезии», возраст, к которому субъекты относят свои первые воспоминания, варьирует от 32 до 52 мес. и специфичен для определенной культуры. В данном исследовании получен результат, согласно которому субъективная протяженность периода «детской амнезии» в истории прошлого может рассматриваться как культурно обусловленный параметр, однако возраст первого воспоминания истории прошлого не задан в сценарии. Мы предполагаем, что этот эмпирический факт можно объяснить следующим образом: культурно обусловлен возраст первого воспоминания (что подтверждается данными кросс-культурных исследований), однако возраст первого значимого воспоминания, которое субъект решает включить в свою индивидуальную целостную картину прошлого – не детерминирован культурным жизненным сценарием и является следствием смыслового принципа селекции автобиографического материала. Как правило, выбирается не просто самое раннее воспоминание, а первое значимое воспоминание, связанное с самосознанием.

Внутрисемейную трансляцию данного параметра структуры АП можно объяснить приписываемой семьей важностью первого воспоминания как первого эскиза личности, в котором происходит самоопределение

уникальных личностных свойств (*«помню, как читал стишок в яслях, я вообще всегда любил внимание и когда меня хвалят»*).

7. Наличие события «Мое рождение» на ЛЖ ($\chi^2=4,928$, $p=0.026$; $r_s=0.356$, $p=0.00$). Младшая возрастная группа чаще указывает в начале ЛЖ событие «Рождение» («Мое рождение», «Родился/ Родилась» и т.д.), что, бесспорно, не может быть собственно воспоминанием и является лишь биографическим фактом и автобиографическим знанием. При этом 96% участников исследования отмечают «Рождение» как позитивное событие высоко от оси времени, 4% отмечают данное событие как нейтральное непосредственно на оси времени.

Тот факт, что участники исследования младшей возрастной группы значимо чаще отмечают событие «Мое рождение», во-первых, может быть следствием большей актуальности данного материала (родители нередко включают событие «Рождение ребенка» в содержание семейных нарративов, которые рассказываются детям и обсуждаются в кругу близких людей), а во-вторых - перефразированием инструкции, в результате чего первым отмечается не раннее значимое воспоминание, а своеобразный маркер, точка отсчета личной истории («отсюда я начинаю мыслить свою жизнь»). В связи с тем, что событие «Мое рождение» большинством участников исследования отмечается как крайне позитивное, можно предположить, что в последнем случае имеет место не когнитивное, а мотивационное искажение понимания инструкции.

Рис. 9. Параметры макроструктуры АП с внутрисемейным источником формирования.

На основании данного факта мы делаем вывод о «семейном наследовании» особенностей макроструктуры АП, которые транслируются в условиях семейного взаимодействия без референции к КЖС. Другими словами, по описанным в данном параграфе параметрам микросоциальное влияние на АП оказывается значительнее макросоциального влияния.

2.3.4. Индивидуальные особенности автобиографической памяти, не детерминированные культурными жизненными сценариями и семейной трансмиссией

Данную группу результатов представляют параметры макроструктуры АП, значимо различные среди двух сравниваемых поколений и не согласованные внутри семейной диады.

		Межпоколенные различия показателей параметров АП
Внутрисемейная корреляционная связь параметров АП		Есть
	Нет	Индивидуальные особенности АП, не детерминированные культурным жизненным сценарием и семейной трансмиссией: • процент воспоминаний детства;

		• субъективная временная протяженность периода детства; • процент исторических воспоминаний.
--	--	---

Таблица 6. Индивидуальные особенности автобиографической памяти, не детерминированные культурными жизненными сценариями и семейной трансмиссией.

1. Процент воспоминаний о периоде детства ($t=2.58$, $p=0.01$; $r_s=0.055$, $p=0.25$). Участники исследования младшего и старшего поколений значительно различаются по проценту воспоминаний о детстве в целостной истории прошлого. Согласованности по данному показателю внутри семейных диад не выявлено, что говорит о том, что направленность изменений процента воспоминаний о детстве в истории прошлого юношей/девушек не связана с направленностью изменений процента воспоминаний о детстве в истории прошлого их родителей - событийная представленность периода детства не является семейно транслируемым параметром макроструктуры АП. Можно предположить, что на его выраженность оказывают влияние возрастные факторы. Детство представителей младшего поколения завершилось относительно недавно, в то время как для старшего поколения этот период жизни прошел более трех десятилетий назад.

2. Субъективная временная протяженность периода детства ($t= 2.61$, $p=0.01$; $r_s=0.52$, $p=0.603$). Выявлены значимые различия по данному пространственному показателю методики ЛЖ. Можно предположить, что в личной истории участников исследования младшей возрастной группы период детства играет более весомую роль, что подтверждается не только большей событийной представленностью детства, но и большим пространством, отведенным для данного периода на ЛЖ. При корреляционном анализе не выявлено общей направленности изменений по

данному показателю у юношей/девушек и родителей, что можно интерпретировать как его независимость от семейного взаимодействия.

Мы предполагаем, что данные различия можно проинтерпретировать не только как результат отражения большей доступности событий детства для воспроизведения в связи с его относительной недавностью у юношей, но и как следствие межпоколенного структурного сходства АП. Взрослым на схожую формальную и временную организацию прошлого необходимо «уместить» большее содержание, в связи с чем повышается сценарность, типичность и обобщенность воспоминаний, меньше становится воспоминаний детства, а также уникальных и «фотографических» воспоминаний, более характерных для периода детства. Другими словами, с возрастом усиливается селективность отбора значимых событий прошлого при том, что макроструктура АП мало поддается изменениям.

3. Процент исторических воспоминаний ($U=4591$, $p=0.002$; $r_s=0.38$, $p=0.785$). Исторические воспоминания - воспоминания об исторически важных событиях в жизни общества, страны и мира в целом. Соотнесение своего прошлого с общим ходом истории рассматривается исследователями как признак зрелой и оптимально функционирующей АП (подробнее о роли исторического компонента индивидуальной АП см. Brown, Lee, Krslak, Conrad, Hansen, Havelka, 2009). Как отмечает Н.А. Логинова: «Чувство истории» (понятие предложено Б.Г. Ананьевым) – чувство, при котором «человек не только реагирует на исторические ситуации, но и активно взаимодействует с ними, прокладывая свой жизненный маршрут в объективно заданных обстоятельствах места и исторического времени» (Психология жизненного пути личности, 2012, с.16). Согласно полученным результатам, данное чувство выражено сильнее у представителей старшего поколения. Исторические воспоминания спонтанно включали в свои личную историю 14% участников старшей возрастной группы и лишь 2% участников младшей возрастной группы. Таким образом, исторический компонент личной истории прошлого - межпоколенно вариативный показатель

макроструктуры АП. Корреляции по данному параметру в семейных диадах не выявлено.

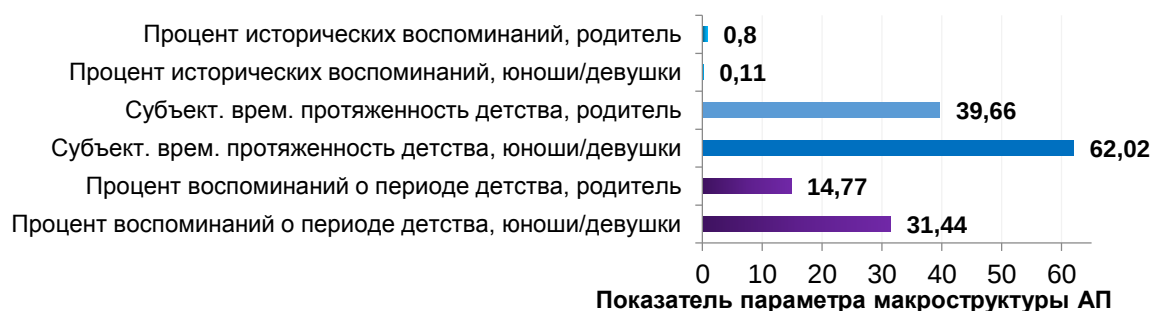

Рис. 10. Индивидуальные особенности автобиографической памяти, не детерминированные культурными жизненными сценариями и семейной трансмиссией.

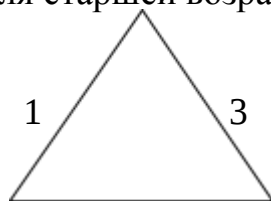
2.4. Параметры макроструктуры автобиографической памяти при создании «Линии жизни» своего родителя

Следующим этапом нашего исследования стал анализ ряда межпоколенно устойчивых параметров макроструктуры АП, которые типично воспроизводятся независимо от объекта атрибуции (т.е. отнесенности к своему прошлому или прошлому своего родителя).

Для реализации данной задачи мы проанализировали 3 ряда данных, полученных с помощью методики ЛЖ, заполненной юношами/девушками значимыми событиями своего прошлого, ЛЖ родителя, заполненной юношами/девушками событиями родительского прошлого и ЛЖ, заполненной самими родителями событиями своего прошлого.

Мы сравнили показатели методик ЛЖ представителей младшего и старшего поколений (1), ЛЖ юношей/девушек и ЛЖ, заполненной юношами/девушками событиями жизни их родителей (2), а также ЛЖ самих родителей и ЛЖ о родителях, заполненной их детьми (3).

«Линия жизни» представителя старшей возрастной группы (родителя)

«Линия жизни» представителя
младшей возрастной группы

2

«Линия жизни» родителя,
выполненная его сыном /
дочерью

Схема 2. Три ряда данных, полученных посредством методики «Линия жизни», отражающих характеристики АП участников исследования младшей и старшей возрастных групп, а также представлений юношей/девушек о прошлом их родителей.

Результаты, полученные при реализации данной исследовательской схемы, представлены в Таблице 7.

Параметры макроструктуры АП	1) Юноша/Девушка - Родитель	2) Юноша/ Девушка – О родителе	3) Родитель – О родителе
Общее количество воспоминаний, представленных на ЛЖ	= ,387**	= ,359**	≠ ,367**
Процент позитивных воспоминаний среди общего количества воспоминаний	= ,291**	= ,259**	≠ ,478**
Процент негативных воспоминаний среди общего количества воспоминаний	= ,275**	= ,249**	≠ ,478**
Процент воспоминаний о детстве (до 12 лет) среди общего количества воспоминаний	≠ нет корреляции	≠ нет корреляции	≠ ,342**
Субъективная протяженность периода «детской амнезии»	= нет корреляции	= нет корреляции	≠ нет корреляции
Субъективная протяженность периода детства (до 12 лет)	≠ нет корреляции	≠ ,355**	≠ нет корреляции
Среднее значение эмоциональной амплитуды позитивных воспоминаний	= ,465**	= ,473**	≠ ,464**
Среднее значение эмоциональной амплитуды негативных воспоминаний	≠ ,315*	= ,534**	= ,399**
Среднее значение эмоциональной амплитуды общего количества воспоминаний	= ,530**	= ,480**	= ,476**
Возраст первого воспоминания, представленного на ЛЖ	≠ ,210*	≠ нет корреляции	≠ ,306**
Количество сценарных воспоминаний	≠ ,332**	≠ ,294**	≠ ,394**
Процент типичных воспоминаний среди общего количества воспоминаний	≠ ,207*	≠ нет корреляции	= ,346**
Процент уникальных воспоминаний среди общего количества воспоминаний	≠ ,216*	≠ нет корреляции	= ,351**
Процент «фотографических» воспоминаний среди общего количества воспоминаний	≠ ,509**	≠ ,274*	≠ ,335**
Процент воспоминаний о событиях жизни других людей среди общего количества воспоминаний	≠ ,479**	≠ ,328**	≠ ,584**
Процент исторических воспоминаний среди общего количества воспоминаний	≠ нет корреляции	≠ нет корреляции	= ,317**

Таблица 7. Результаты сравнения распределений и корреляционного анализа трех рядов данных: описания прошлого представителем младшего и старшего поколения (1), описания прошлого представителем младшего поколения и описания представителем младшего поколения родительского прошлого (2), описания прошлого родителем и описания представителем младшего поколения родительского прошлого (3) ¹³.

Как видно из результатов сравнения, для параметра макроструктуры АП «Среднее значение эмоциональной амплитуды общего количества воспоминаний»¹⁴ отсутствует значимое различие в распределении показателей в трех рядах данных - он воспроизводится идентично независимо от атрибуции своему прошлому или прошлому родителя (Таблица 8):

Респонденты	Юноши/девушки	Родители	Юноши/девушки о родителях
Среднее значение	39,08	42,34	37,90
Стандартное отклонение	13,414	13,208	11,683

Таблица 8. Результатов сравнения показателей параметра макроструктуры АП «Среднее значение эмоциональной амплитуды общего количества воспоминаний» в трех рядах данных.

Таким образом, независимо от того, о ком рассказывается история прошлого - сам рассказчик является участником событий, о которых он вспоминает, либо другие люди, общий эмоциональный профиль воспоминаний остается неизменным.

¹³ Знак = отражает отсутствие значимых различий между группами по конкретному показателю параметра макроструктуры АП (сравнение средних), знак $\neq$ отражает наличие значимых различий между группами по конкретному показателю параметра макроструктуры АП (сравнение средних); звездочкой отмечены значимые корреляции в семейных диадах: **корреляция значима на уровне 0.01, *корреляция значима на уровне 0.05.

¹⁴ Измерялась в мм.

Следующую группу результатов составили параметры макроструктуры АП, показатели по которым не отличаются при сравнении ЛЖ юношей/девушек и представлений юношей/девушек о родителях (2), однако значительно отличаются при сравнении ЛЖ самих родителей и представлений юношей/девушек о них (3). К ним относятся:

- Общее количество воспоминаний;
- Пропорция позитивных и негативных воспоминаний;
- Среднее значение эмоциональной амплитуды позитивных воспоминаний;
- Субъективная временная протяженность периода детской амнезии.

Так, при экспликации целостной истории своего прошлого юноши/девушки воспроизводят схожее количество лично значимых воспоминаний с количеством «воспоминаний», которое они приписывают прошлому своего родителя (ср.знач. = 15,35, ст.откл. = 6,925; ср.знач. = 13,72, ст.откл. = 4,6, соответственно). При этом сами родители отмечают на ЛЖ больше воспоминаний, чем дети о них ($p=0.052$, ср.знач. = 15,88, ст.откл. = 7,47; ср.знач. = 13,72, ст.откл. = 4,6, соответственно).

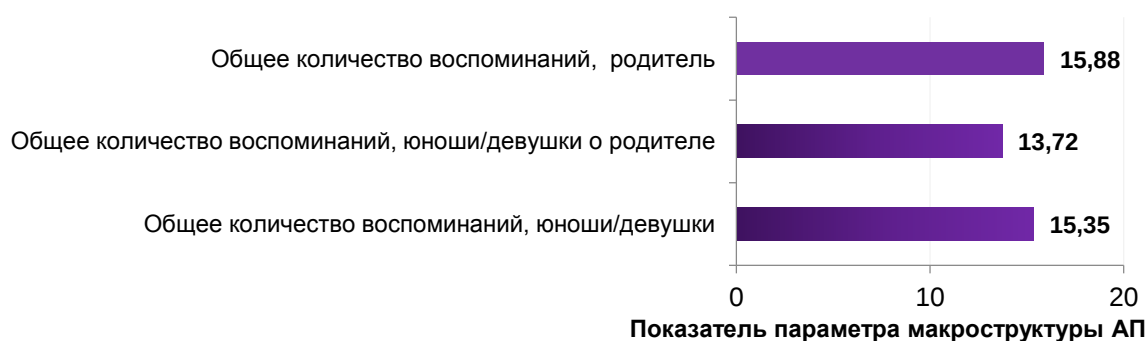

Рис. 11. Результаты сравнения трех рядов данных: параметр макроструктуры АП «Общее количество воспоминаний».

В описание прошлого родителя юноши/девушки включают схожее соотношение позитивных и негативных воспоминаний, как и в описание

своей истории прошлого (процент позитивных воспоминаний: ср.знач. = 72,23%, ст.откл. = 10,864%; ср.знач. = 72,96%, ст.откл. = 11,921%; процент негативных воспоминаний: ср.знач. = 24,76%, ст.откл. = 10,878%; ср.знач. = 26,94%, ст.откл. = 12,020%). Однако сами родители при сравнении с представлении юношеской группы о родительском прошлом в среднем отмечают на ЛЖ меньше позитивных воспоминаний ($p=0,017$, ср.знач. = 71,14%, ст.откл. = 11,597%; ср.знач. = 72,96%, ст.откл. = 11,921%, соответственно) и больше негативных воспоминаний ($p=0,017$, ср.знач. = 28,86%, ст.откл. = 11,597%; ср.знач. = 26,94%, ст.откл. = 12,020%, соответственно).

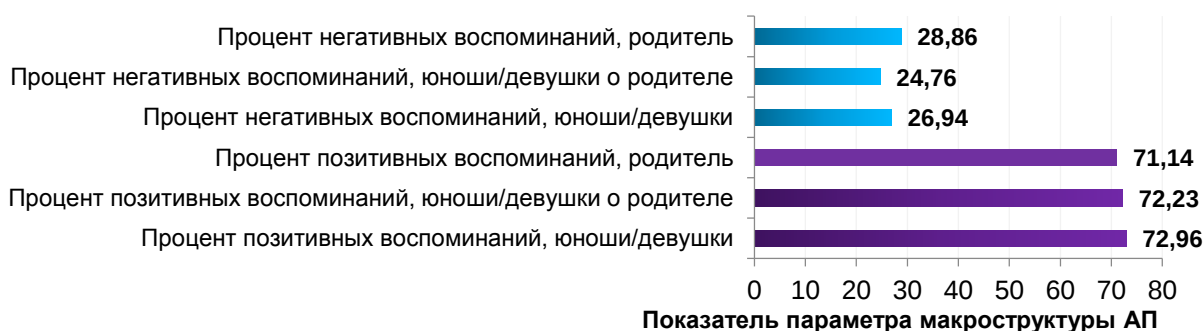

Рис. 12. Результаты сравнения трех рядов данных: параметры макроструктуры АП «Процент позитивных АВ» и «Процент негативных АВ».

Пространственный показатель методики ЛЖ, отражающий субъективную эмоциональную метрику прошлого, «Среднее значение эмоциональной амплитуды позитивных воспоминаний» не продемонстрировал различий при сравнении историй прошлого юношей/девушек и их описания родительского прошлого (ср.знач. = 41,85, ст.откл. = 12,956; ср.знач. = 38,73, ст.откл. = 11,534, соответственно). При этом сами родители в среднем приписывают позитивным воспоминаниям более высокую эмоциональную насыщенность, нежели дети о них ($p=0.035$, ср.знач. = 45,74, ст.откл. = 15,777; ср.знач. = 38,73, ст.откл. = 11,534, соответственно).

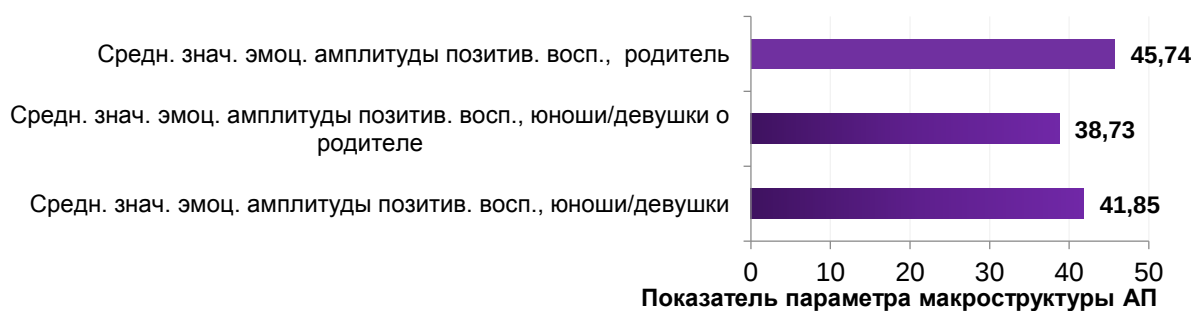

Рис. 13. Результаты сравнения трех рядов данных: параметр макроструктуры АП «Среднее значение эмоциональной амплитуды позитивных воспоминаний».

По пространственному показателю методики ЛЖ «Расстояние от начала линии до первого воспоминания», отражающему субъективную временную метрику прошлого, а именно протяженность периода «детской амнезии», собственная ЛЖ юношей/девушек и ЛЖ родителя не отличаются (ср.знач. = 32,58, ст.откл. = 22,378; ср.знач. = 28,50, ст.откл. = 27,080, соответственно). Другими словами, юноши и девушки, эксплицируя историю прошлого своих родителей, отмечают схожий временной промежуток до первого «воспоминания» родителя, что и на своей собственной ЛЖ. Тем не менее, сами родители отмечают в среднем меньший промежуток от начала линии до первого воспоминания ($p=0,14$, ср.знач. = 23,98, ст.откл. = 17,880; ср.знач. = 28,50, ст.откл. = 27,080, соответственно).

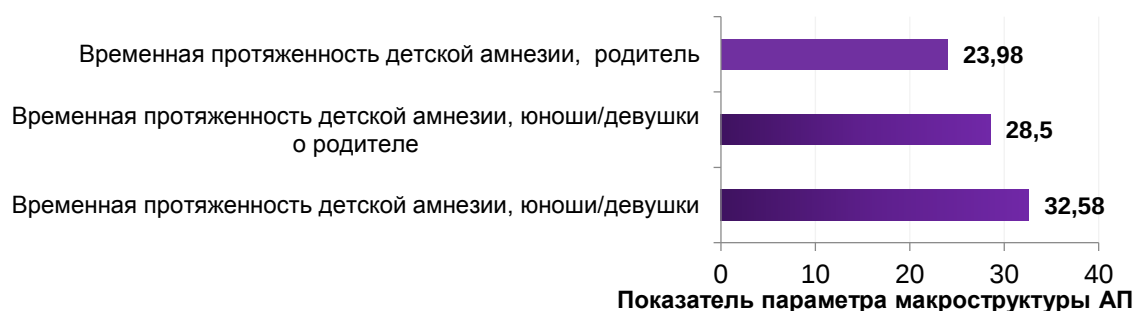

Рис. 14. Результаты сравнения трех рядов данных: параметр макроструктуры АП «Расстояние от начала линии до первого воспоминания».

Итак, можно предположить, что такие параметры истории прошлого, как общее количество воспоминаний, соотношение позитивных и негативных воспоминаний, среднее значение эмоциональной амплитуды позитивных воспоминаний и субъективная временная протяженность периода «детской амнезии» не корректируются при воспроизведении истории прошлого другого человека, «переносятся» на нее как общий «каркас», с помощью которого в дальнейшем организуются остальные воспоминания.

В следующую группу результатов входят параметры, показатели которых значимо отличаются при сравнении ЛЖ юношей/девушек и представлений юношей/девушек о родителях (2), однако не отличаются при сравнении ЛЖ самих родителей и представлений юношей/девушек о родителях (3). К ним относятся:

- Среднее значение эмоциональной амплитуды негативных воспоминаний;
- Процент сценарных воспоминаний;
- Процент типичных воспоминаний;
- Процент уникальных воспоминаний;
- Процент исторических воспоминаний.

Нет различий в уровне негативности собственной истории прошлого участника исследования 17-21 года и их представлений о прошлом родителя (ср.знач. = 31,27, ст.откл. = 19,589; ср.знач. = 33,62, ст.откл. = 15,420). Можно предположить, что юноши/девушки используют ту же субъективную шкалу эмоциональной оценки негативных воспоминаний при экспликации истории о прошлом родителя, что и для оценки собственных эпизодов прошлого. Тем не менее, нет значимых различий по данному параметру макроструктуры АП при сравнении родительских историй прошлого и историй юношей/девушек о прошлом родителей (ср.знач. = 35,24, ст.откл. = 15,240; ср.знач. = 33,62, ст.откл. = 15,420).

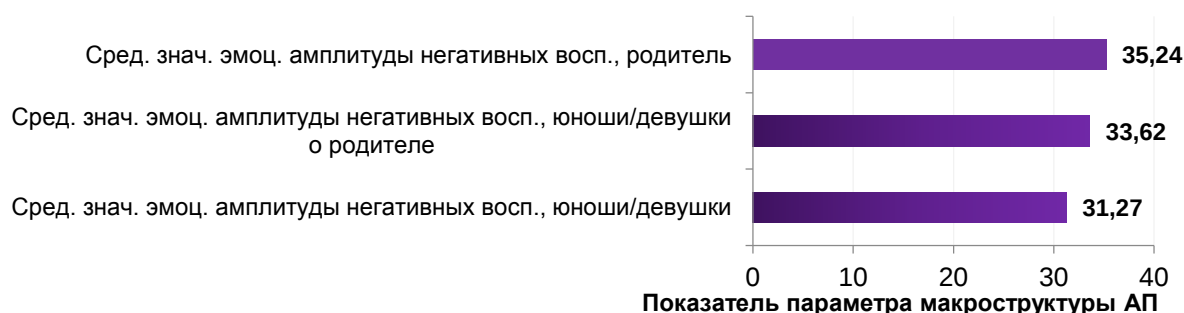

Рис. 15. Результаты сравнения трех рядов данных: параметр макроструктуры АП «Среднее значение эмоциональной амплитуды негативных воспоминаний».

Соответственно, юноши/девушки несколько идеализируют прошлое родителей, что может быть следствием избегания родителями рассказов детям о негативных эпизодах своего прошлого и/или вкладом общей позитивной установки представителей молодого поколения в представление о том, «как устроена взрослая жизнь» («юношеский оптимизм» (Bohn, Berntsen, 2012; Pasupathi, Mansour, 2006)), что является существенным фактором для принятия решения о заимствовании данной модели. Оптимистичный взгляд на прошлое проявляется в статистически значимом различии средней эмоциональной амплитуды негативных воспоминаний юноши/девушки и родителя, но не значим статистически, т.к. выражен слабее, при сравнении описания своего прошлого родителем и описания родительского прошлого юношей.

В описание своего прошлого юноши/девушки включают значимо меньше сценарных воспоминаний, чем их родители ($p < 0,01$, юноши/девушки: ср.знач. = 46,7%, ст.откл. = 15%; родители: ср.знач. = 58%, ст.откл. = 15,7%). При этом в истории прошлого своего родителя юноши/девушки воспроизводят то же процентное соотношение сценарных

воспоминаний в родительской истории, что и сами родители (родитель: ср.знач. = 58%, ст.откл. = 15,7%; юноша/девушка о родителе: ср.знач. = 57%, ст.откл. = 15,7%). Иными словами, они включают в родительскую историю прошлого тот же процент сценарных воспоминаний, что и сами родители, однако собственную историю прошлого описывают как менее сценарную.

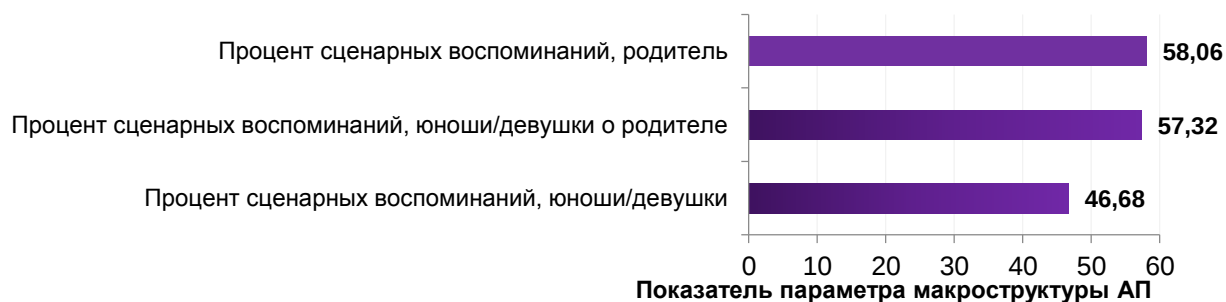

Рис. 16. Результаты сравнения трех рядов данных: параметр макроструктуры АП «Процент сценарных воспоминаний».

Согласно данным, полученным на выборке участников исследования 17-21 года с помощью методики Д. Бернтсен и Д. Рубина, большинство юношей/девушек набирает высокие баллы по шкале осведомленности о типичном сценарии - «расписании» событий жизни взрослого человека.

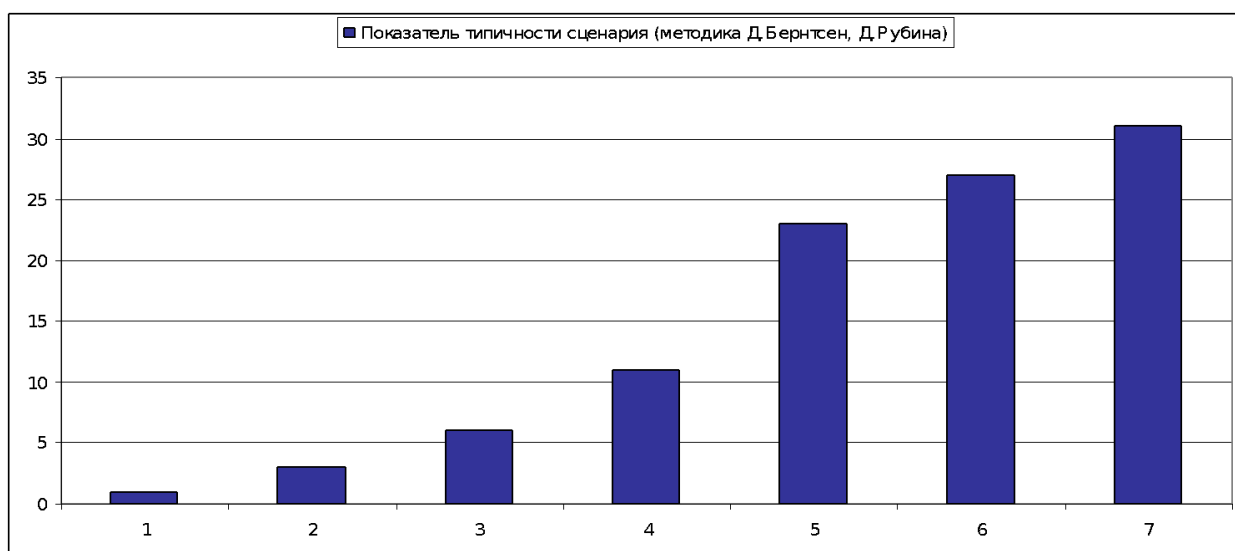

Рис. 17. Результаты участников исследования 17-21 года по методике Д. Бернтсен, Д. Рубина, направленной на экспликацию типичного жизненного сценария: 1 – самый низкий балл, 7 – самый высокий балл; представлены частоты показателей по выборке.

Также в историю своего прошлого юноши/девушки включают значительно меньшее типичных воспоминаний, чем их родители ($p=0,004$, ср.знач. = 66,46%, ст.откл. = 14%; ср.знач. = 72,6%, ст.откл. = 15% для процента). Однако типичность истории прошлого самого родителя и описания родительского прошлого юношами/девушками не различается (ср.знач. = 72,6%, ст.откл. = 15%; ср.знач. = 75%, ст.откл. = 14% для процента). Можно предположить, что т.к. осведомленность юношей/девушек о содержании «универсального» жизненного сценария связана с их представлением о том, какие события являются наиболее ожидаемыми в жизни взрослого человека, эксплицируя историю прошлого родителя, они наполняют ее адекватным возрасту родителя содержанием.

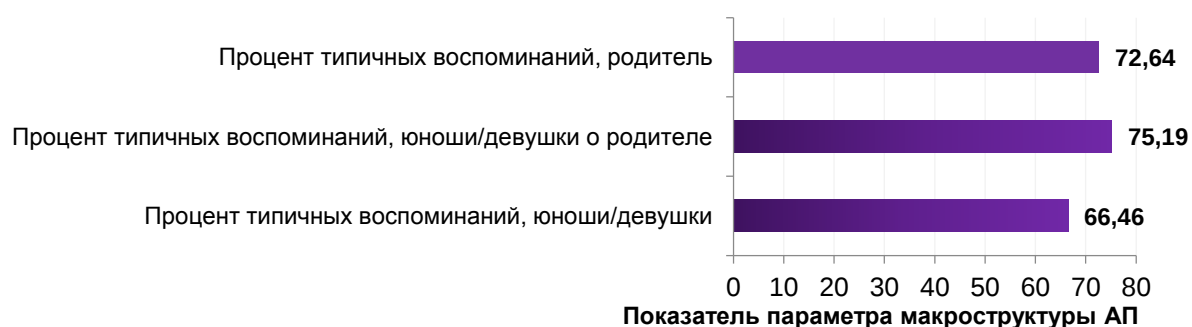

Рис. 18. Результаты сравнения трех рядов данных: параметр макроструктуры АП «Процент типичных воспоминаний».

Описание своего прошлого представителями двух поколений также различается по проценту уникальных воспоминаний ($p=0,003$, ср.знач. = 34%, ст.откл. = 15,7%; ср.знач. = 27%, ст.откл. = 15%, соответственно). При этом представляя историю прошлого своего родителя юноши/девушки включают в нее тот же процент уникальных воспоминаний, что и родители (ср.знач. = 24,6%, ст.откл. = 14%, ср.знач. = 27%, ст.откл. = 15%, соответственно).

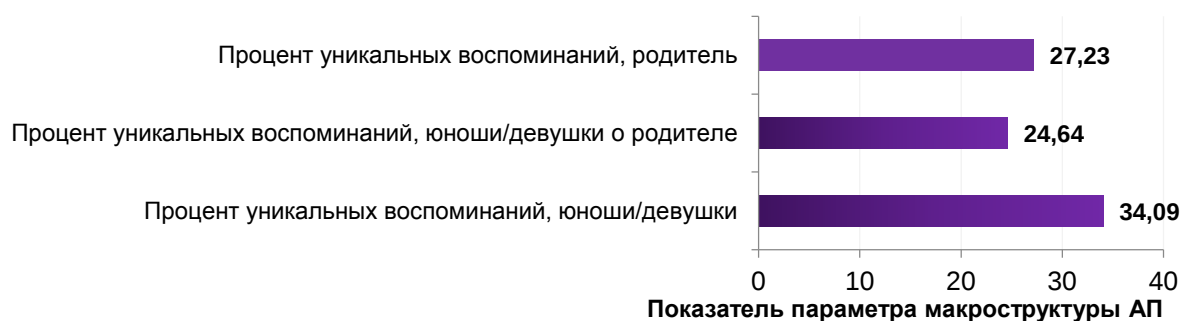

Рис. 19. Результаты сравнения трех рядов данных: параметр макроструктуры АП «Процент уникальных воспоминаний».

Итак, процент сценарных, типичных, уникальных и исторических воспоминаний можно рассматривать как параметр, который корректируется при атрибуции своему прошлому или прошлому родителя. У участников исследования 17-21 года наблюдается больше уникальных и меньше типичных, т.е. высокочастотных для данной возрастной группы воспоминаний, а также меньше сценарных воспоминаний. Их ЛЖ отличает большее разнообразие, в то время как ЛЖ участников исследования старшей возрастной группы становятся более «собранными» в содержательном аспекте.

Тем не менее, в представлении юношей/девушек о прошлом родителей не выявлено различий в проценте сценарных и типичных воспоминаний от историй прошлого, полученных от самих родителей. Данный факт можно объяснить использованием внешних культурных моделей для воссоздания событийной последовательности жизни родителя (например, о событиях, случившихся до своего рождения, юноша/девушка только знает (о них рассказывали) или предполагает исходя из представлений «как должно быть» («Не помню, как было у родителя, но знаю, что в то время школу заканчивали в 17 лет»).

Уникальные воспоминания могут быть включены в семейные нарративы и стать частым предметом обсуждений в кругу семьи, в связи с чем

участники исследования младшей возрастной группы отмечают в среднем 25% уникального биографического материала родителей.

Распределение переменной «Процент исторических воспоминаний» отличается от нормального (Приложение 5). Тем не менее, отметим, что исторические воспоминания спонтанно включали в свои личную историю 14% родителей и лишь 2% участников юношей/девушек. Однако юноши/девушки демонстрируют осведомленность о том, какие события истории их родитель включает в конфигурацию личностно значимых воспоминаний своего прошлого (Таблица 9).

Респонденты	Юноши/девушки	Родители	Юноши/девушки о родителях
Среднее значение	0,03	0,8	0,67
Стандартное отклонение	0,221	2,176	2,826

Таблица 9. Результаты сравнения показателей параметра макроструктуры АП «Процент исторических воспоминаний» в трех рядах данных.

Общеисторический компонент автобиографии присутствует (хотя и выражен слабо) как в целостной картине прошлого родителей, так и в представлении молодых людей о прошлом своих родителей.

Следующую группу результатов составили параметры макроструктуры АП, показатели по которым отличаются как при сравнении ЛЖ юношей/девушек и представлений юношей/девушек о родителях (2), так и при сравнении ЛЖ самих родителей и представлений юношей/девушек о них (3). К ним относятся:

- Возраст первого воспоминания;
- Процент воспоминаний о детстве;
- Субъективная временная протяженность периода детства;
- Процент фотографических воспоминаний;
- Процент воспоминаний о других людях.

Значимые различия ($p=0,001$) по параметру «Возраст первого воспоминания» были выявлены при сравнении описаний прошлого юношей/девушек, самих родителей и описаний юношей/девушек родительского прошлого. Юноши/девушки датируют свое первое воспоминание более ранним возрастом, нежели родители, и наиболее поздним возрастом – первое воспоминание родителей с точки зрения их детей (т.к. распределение показателя отличается от нормального, укажем интервалы: [4-6] для юношей/девушек, [5-7] для родителей и [7-10] для родителей, по мнению юношей/девушек).

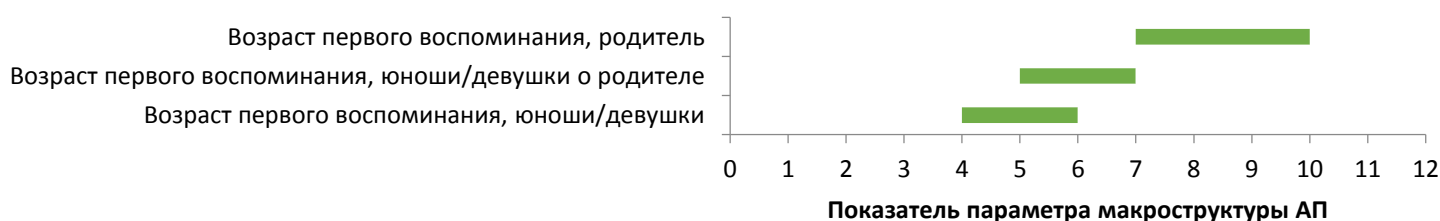

Рис. 20. Результаты сравнения трех рядов данных: параметр макроструктуры АП «Возраст первого воспоминания на ЛЖ».

При сравнении юношеской истории прошлого и истории о прошлом родителя в представлении юноши/девушки выявлены значимые различия по параметру «Процент воспоминаний о детстве» – в юношеских ЛЖ больше детских воспоминаний ($p<0,001$, ср. знач. = 31,44%, ст. откл. = 13,397%; ср.знач. = 10,52%, ст.откл. = 9%). Более того, когда юноши/девушки описывают историю прошлого родителей, они включают в нее значимо меньше «воспоминаний» детства родителей, чем сами родители включают в свои истории прошлого ($p<0,001$, ср.знач. = 10,52%, ст.откл. = 9%; ср.знач. = 14,77%, ст.откл. = 9,6%, соответственно).

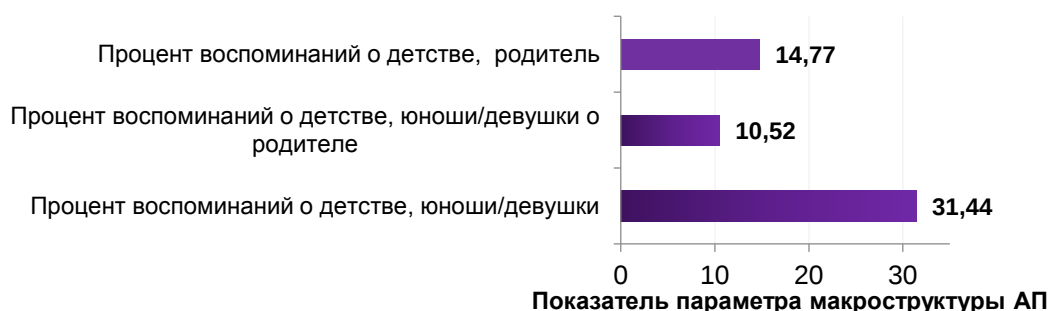

Рис. 21. Результаты сравнения трех рядов данных: параметр макроструктуры АП «Процент воспоминаний о других людях в личной автобиографии».

Также выявлено значимое различие по пространственному показателю «Субъективная временная протяженность периода детства», графически выраженному, ($p < 0,001$, ср.знач. = 62,02, ст.откл. = 35,816; ср.знач. = 28,96, ст.откл. = 27,516, соответственно). Юноши/девушки «растягивают» период своего детства и «сокращают» период детства родителя при описании прошлого. Сами родители отводят под детские воспоминания больше пространства на оси времени на своих ЛЖ ($p = 0,025$, ср.знач. = 39,66, ст.откл. = 27,572; ср.знач. = 28,96, ст.откл. = 27,516).

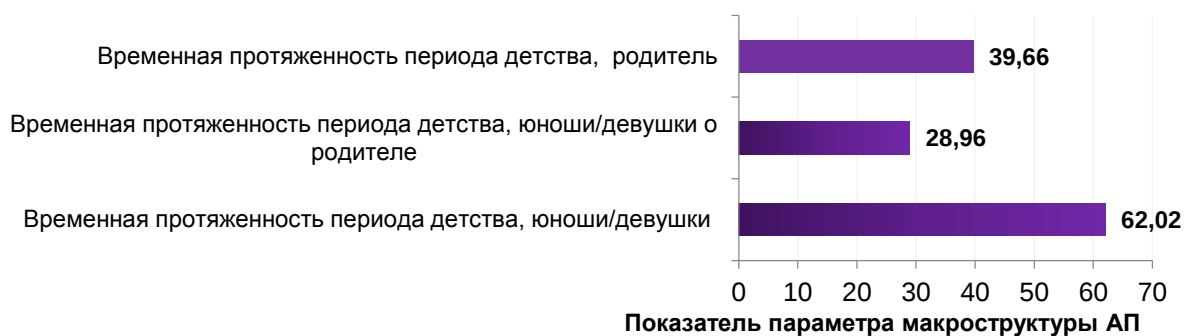

Рис. 22. Результаты сравнения трех рядов данных: параметр макроструктуры АП «Субъективная временная протяженность периода детства».

По параметру «Процент фотографических воспоминаний» также выявлены значимые различия ($p < 0,05$): в истории своего прошлого юноши/девушки включают значимо больше «фотографических» воспоминаний, чем их родители (ср.знач. = 13,64, ст.откл. = 13,303; ср.знач. = 7,78, ст.откл. = 10,474, соответственно). При этом сами родители отмечают

на ЛЖ больше «фотографических» воспоминаний, чем их дети при описании родительской истории прошлого ($p < 0,01$, ср.знач. = 7,78, ст.откл. = 10,474; ср.знач. = 3,03, ст.откл. = 5,715, соответственно) (Рис. 23). Логично предположить, что «оформить» «чувственной тканью» историю прошлого другого человека (даже собственного родителя) – несоизмеримо более сложная задача. В протоколах методики ЛЖ, заполненной представителями юношеской возрастной группы событиями прошлого своих родителей, «фотографические» воспоминания встречаются значимо реже.

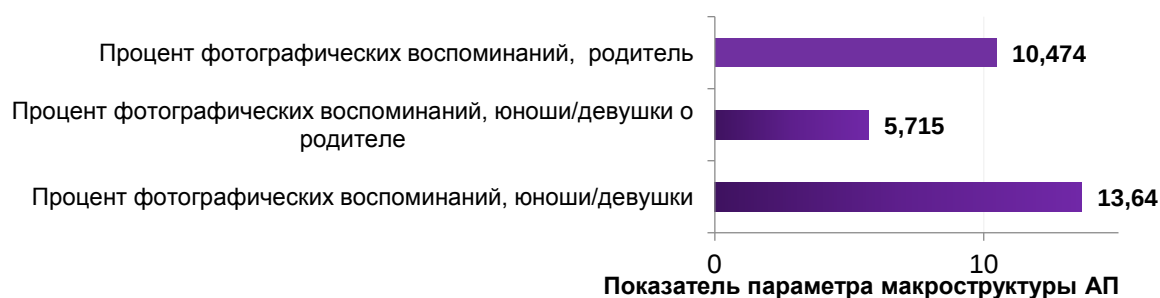

Рис. 23. Результаты сравнения трех рядов данных: параметр макроструктуры АП «Процент фотографических воспоминаний».

Интересно отметить, что в родительскую историю прошлого юноши/девушки включают значимо больше воспоминаний о событиях жизни других людей (как правило, это события их собственной жизни), чем в свое прошлое ($p < 0,01$, распределение показателя отличается от нормального, укажем интервалы: [0-10%] для юношей/девушек, [5-17%] для родителей при описании их истории прошлого юношами/девушками). Значимо различается и пропорция воспоминаний о других людях в описании истории своего прошлого самим родителем и в описании юношей/девушек родительской истории прошлого ($p < 0,01$, [10-30%] у самих родителей и [5-17%] для родителей при описании их истории прошлого юношами/девушками).

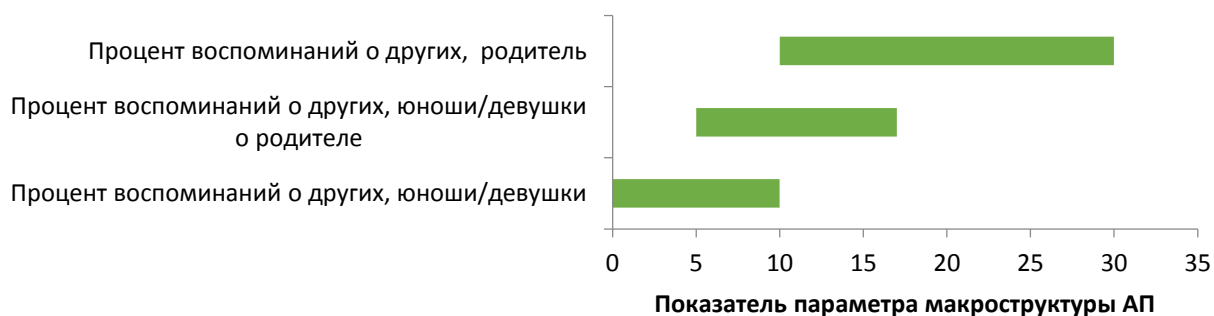

Рис. 24. Результаты сравнения трех рядов данных: параметр макроструктуры АП ««Процент воспоминаний о других людях в личной автобиографии»».

2.5. Обсуждение полученных результатов

Согласно нашей теоретической позиции, источником развития целостной субъективной картины прошлого в онтогенезе является взаимодействие с близким взрослым, который опосредствованно (через автобиографические нарративы (Habermas, Black, 2000; McAdams, 2001; Сапогова, 2011), семейные истории (Fiese, Sameroff, Grotevant, Wamboldt, Dickstein, Fravel, 1999; Fivush, Berlin, Cassidy, 2003; Никанорова, 1999), архивы фотографий и т.п.) формирует внешний образец организации автобиографии. Представление о прошлом родителя («семейный» сценарий) становится идеальной формой, посредством которой молодой человек выстраивает собственную личную историю прошлого. Как известно, ВПФ должна быть сначала освоена субъектом, а далее становится регулятором его психической деятельности. В нашем исследовании в качестве методического приема экспликации идеальной формы для структуры АП использовалась методика ЛЖ с измененной инструкцией – юноше/девушке предлагалось вспомнить события прошлого своего родителя и выбрать из них те значимые события, которые, по их мнению, сам родитель отметил бы на ЛЖ, т.е. включил в свою личную историю прошлого.

Таким образом, эксплицировав психологическое средство, с помощью которого формируется личная история прошлого, мы проанализировали

сходства и различия в структурных и содержательных аспектах АП юноши/девушки и родителя и сделали вывод о том, в какой мере идеальная форма, присутствующая в сознании, - представление о жизни родителя, отлична от собственной автобиографии.

Отметим, что в исследовании приняли участие юноши/девушки от 17 до 21 года, в данном возрастном периоде молодые люди сильно варьируют по критерию сформированности макроструктуры АП (Habermas, Black, 2000; МакАдамс, 2008), в связи с чем значимо было исследовать их представления о жизненной истории родителей в качестве отражения идеальной формы организации личной истории прошлого. Согласно Э. Эриксону, в позднем подростковом и юношеском возрасте, а также в возрасте ранней взрослости наиболее активно протекает стадия приобретения и становления идентичности (Эриксон, 1996). Дж. Арнетт (2000) назвал данный возрастной период «зарождающейся взрослостью». По мнению Д. МакАдамса и Т. Хабермаса в формировании идентичности главную роль играет создание целостной жизненной истории. «В старшем подростковом возрасте, юношестве и ранней взрослости люди начинают реконструировать свое прошлое, воспринимать свое настоящее и предвосхищать будущее в терминах некой интернализированной развивающейся Я-истории (self-story), которая в определенной степени сообщает жизни современного человека психосоциальное единство и осмысленность» (МакАдамс, 2008, с.136).

Итак, ряд параметров макроструктуры АП, которые заданы конфигурацией количественных, временных и эмоциональных показателей: общее количество воспоминаний на ЛЖ; процент позитивных и процент негативных АВ; субъективная протяженность периода «детской амнезии»; величина эмоциональной оценки позитивных АВ, отражают закономерность, названную нами *эффектом устойчивости формальных параметров макроструктуры АП*.

Ряд *содержательных* параметров макроструктуры АП при создании ЛЖ своего родителя поддается адекватной корректировке – по ним не выявлено

различий между историями прошлого, полученными от самих родителей, и представлениями юношей/девушек о родительском прошлом. К ним относятся: процент сценарных, типичных, уникальных и исторических воспоминаний среди общего количества АВ. Юноши/девушки демонстрируют высокую осведомленность о том, события какого типа их родитель включает в конфигурацию личностно значимых воспоминаний на ЛЖ. Другими словами, содержательные параметры макроструктуры АП адекватно воспроизводятся юношами/девушками при описании прошлого родителя, но корректируются при организации собственной автобиографии.

Данный результат можно назвать эффектом преобразования истории прошлого родителя, который заключается в том, что при экспликации прошлого своего родителя юноши и девушки создают описание с формальной стороны подобное представлению о своем личном прошлом, а с содержательной – подобное сценарию жизни взрослого человека.

Параметр макроструктуры АП: «Среднее значение эмоциональной амплитуды АВ» без изменений воспроизводится как при описании своего прошлого юношами/девушками, так и при описании своего прошлого родителями, что свидетельствует о его межпоколенной устойчивости. Более того, при описании прошлого своего родителя юноша/девушка также воспроизводит данный параметр макроструктуры АП, что отражает его независимость от атрибуции своему прошлому или прошлому родителя.

В целом по результатам сравнения ЛЖ участников исследования двух возрастных категорий можно сделать вывод о том, что устойчивая по формальным и временным признакам макроструктура АП выражает разный жизненный опыт субъектов, представленный в тематически вариативных воспоминаниях. Более того, мы предполагаем, что некоторые различия между сравниваемыми возрастными группами в содержании и типе воспоминаний являются следствием структурной устойчивости АП. Например, в связи с тем, что среднее количество воспоминаний, составляющих содержание ЛЖ, равно 15 ± 2 (результат воспроизводится в

исследованиях АП, выполненных в русле разных методологических подходов (Rubin, 1997; Burt, Kemp, Conway, 2001; Thomsen, Pillemer, Ivcevic, 2011; Нуркова, 2009; Василевская, Кабардов, Нуркова, 2011)), для взрослого человека повышается требование к уровню селективности при выборе значимых событий прошлого (отсюда большая пропорция сценарных и типичных воспоминаний). Тем временем участники исследования в возрасте 17-21 года оказываются более «свободны» при отборе значимых событий, в связи с чем возрастает пропорция «фотографических» и уникальных воспоминаний.

На ЛЖ взрослых людей увеличивается доля сценарных воспоминаний, т.е. воспоминаний о событиях, которые, по мнению большинства представителей данной культуры, ожидаемы и произойдут с высокой вероятностью (например, *«поход в школу»*, *«поступление в ВУЗ»*, *«первая работа»* и др.). Полученный результат согласуется с данными зарубежных исследователей (Rubin, Berntsen, 2003; Bohn, Berntsen, 2012 и др.), согласно которым сценарность личного прошлого усиливается в подростковом возрасте и не спадает в течение жизни.

Культурный жизненный сценарий можно рассматривать как внешнее средство организации автобиографического опыта, задающее критерий значимости событиям прошлого, который, в свою очередь, оказывает влияние на уровень селективности воспоминаний для личной истории. Таким образом, наличие большей части сценарных воспоминаний при условии наличия также воспоминаний других типов можно считать признаком зрелой, культурно детерминированной АП.

Таким образом, в макроструктуре АП можно выделить динамическую (возрастную) составляющую, выраженную в большей представленности определенных возрастных периодов (например, период детства у участников исследования 17-21 года) и устойчивое ядро. Структурная составляющая АП практически неизменна в онтогенезе в рамках одной культуры, а в содержании АП наблюдается межпоколенная вариативность. Устойчивость

структуры истории личного прошлого можно объяснить тем, что макроструктура АП менее осознаваема, является имплицитным компонентом АП, в то время как содержание воспоминаний – эксплицитный компонент, выражаемый в речи и, как правило, беспрепятственно доступен для осознания. Содержание личной истории, во-первых, непосредственно связано с жизненным опытом субъекта (с некоторым допущением можно сказать, что вспоминается то, что прожито), а во-вторых, зависит от множества дополнительных источников, которые включаются в процесс формирования субъективного представления о прошлом (актуальная Я-концепция, знание типичной событийной последовательности жизни, личностные установки и многое другое).

2.6. Выводы

1. Строение индивидуальной макроструктуры автобиографической памяти детерминировано культурным образцом организации автобиографического опыта – культурным жизненным сценарием как целостной системой взаимосвязанных формальных и содержательных параметров.

2. Эмпирически показано, что система культурного жизненного сценария включает в себя: 1) общекультурные, внутрисемейно транслируемые параметры структуры автобиографической памяти (общее количество автобиографических воспоминаний в целом и количество обобщенных автобиографических воспоминаний, процент позитивных и негативных автобиографических воспоминаний, эмоциональный профиль автобиографических воспоминаний); 2) общекультурные параметры структуры автобиографической памяти, интериоризированные из внесемейных источников (оценка протяженности периода «детской амнезии» и периода «оперативного автобиографического прошлого»).

3. Следующие параметры структуры автобиографической памяти не входят в общекультурный жизненный сценарий, но являются объектом

внутрисемейной трансмиссии: процент уникальных и «фотографических» автобиографических воспоминаний в истории личного прошлого, процент воспоминаний о событиях жизни других людей, наличие на «Линии жизни» события «Мое рождение», а также возраст, которым датируется первое автобиографическое воспоминание.

4. Характеристики индивидуальной автобиографической памяти не исчерпываются указанными выше параметрами, в них также присутствуют вариативные показатели, связанные с возрастом, личностными особенностями, жизненным опытом субъектов и другими факторами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Автобиографическая память является функциональной многоуровневой психологической системой, элементарный уровень которой представляют автобиографические воспоминания, а высший уровень – конфигурация воспоминаний, организованная субъективными временными и смысловыми отношениями (макроструктура автобиографической памяти).

Системообразующей задачей развития макроструктуры автобиографической памяти становится обеспечение построения диахронического аспекта самосознания, т.е. переживания и осознание себя как протяженного и тождественного самому себе во времени субъекта жизни. Решение данной задачи лежит в основе исключительно человеческой способности активно конструировать деятельность в горизонте личных ценностей, преодолевая ограничения ситуативной детерминации.

Макроструктура автобиографической памяти имеет культурно-историческое происхождение и формируется по законам высших психических функций за счет вариативной интериоризации культурных жизненных сценариев (бытующих в культуре представлениях о номенклатуре значимых и высокочастотных событий жизни человека, их распределении во времени, взаимосвязи и валентности) в специфических

внутри- и внесемейных социальных ситуациях развития с поправкой на индивидуальный жизненный опыт.

Макроструктура автобиографической памяти доступна осознанию в форме целостного представления о личном прошлом. Представление о личном прошлом является адекватным референтом макроструктуры автобиографической памяти, т.е. отражает систему ее формальных и содержательных характеристик. В связи с этим, методический прием изображения целостного представления о личном прошлом соответствует целям исследования макроструктуры автобиографической памяти.

Количественный компонент макроструктуры автобиографической памяти включает в себя общее число воспоминаний в целостном представлении о личном прошлом, соотношение позитивных и негативных воспоминаний, а также количество событий, относящихся к различным жизненным этапам субъекта. Временной компонент макроструктуры автобиографической памяти включает в себя субъективную шкалу временной метрики прошлого, что проявляется в оценке длительности временных интервалов между событиями и самих событий. Эмоциональный компонент макроструктуры автобиографической памяти включает в себя субъективную шкалу эмоциональной насыщенности временных интервалов прошлого и отдельных воспоминаний.

Со стороны содержательных характеристик макроструктура автобиографической памяти задается прямой датировкой воспоминаний, типом включенных в представление о личном прошлом воспоминаний (описание дискретного эпизода / обобщенное воспоминание / автобиографический факт), степенью совпадения содержания воспоминаний с номенклатурой культурного жизненного сценария, типичностью воспоминаний относительно социальной группы принадлежности, наличием в своем прошлом воспоминаний о событиях жизни других людей и значимых исторических событиях. Эффект межпоколенной устойчивости макроструктуры автобиографической памяти заключается в независимости

таких характеристик макроструктуры автобиографической памяти, как общее количество автобиографических воспоминаний в целом и количество обобщенных автобиографических воспоминаний, процент позитивных и негативных автобиографических воспоминаний, эмоциональный профиль автобиографических воспоминаний, от возраста и жизненного опыта при существенных различиях содержательных характеристик. Причину обнаруженного эффекта можно объяснить, исходя из тезиса о необходимости *осознанной репрезентации* макроструктуры автобиографической памяти для успешной реализации ее функционального потенциала. При этом ограниченность способности симультанного осознания автобиографически отнесенного материала (ограниченность объема сознания) приводит к тому, что устойчивая форма макроструктуры автобиографической памяти с определенными количественными свойствами вариативно наполняется фактологическим содержанием на различных жизненных этапах. Межпоколенные различия в *формальных* характеристиках макроструктуры автобиографической памяти проявляются в том, что представители юношеской группы демонстрируют: а) большую пропорцию воспоминаний детского возраста в целостном представлении о прошлом; б) субъективное «сжатие» шкалы эмоциональной оценки негативности прошлого опыта. Полученный результат является вторичным следствием эффекта межпоколенной *формальной* устойчивости макроструктуры автобиографической памяти и связан, в первую очередь, со снижением селективности при заполнении присвоенной схемы автобиографической памяти. Межпоколенные различия в *содержательных* характеристиках макроструктуры автобиографической памяти заключаются в том, что с возрастом нарастает пропорция типичных для социальной группы принадлежности, сценарных и обобщенных воспоминаний при снижении пропорции уникальных воспоминаний и воспоминаний, детально описывающих дискретные эпизоды («фотографических»).

Таким образом, в связи с тем, что на фоне межпоколенных различий в содержательных показателях макроструктуры автобиографической памяти наблюдается гомогенность ее формальных показателей, можно утверждать, что за индивидуальным представлением о личном прошлом стоит схема структурирования автобиографического материала достаточно независимая от возраста и жизненного опыта человека. Освоение данной схемы предшествует ее фактологическому наполнению и остается достаточно стабильной при изменении содержания.

Представления молодых людей о прошлом поколения их родителей могут рассматриваться как вариант экспликации идеальной формы макроструктуры автобиографической памяти, через овладение которой осуществляется присвоение культурно-специфичной схемы организации автобиографической памяти.

По сравнению с представлениями молодых людей о своем личном прошлом, их представления о прошлом поколения родителей, сохраняя свойственные юношеской макроструктуре автобиографической памяти формальные характеристики, наполняются более сценарными, типичными и обобщенными «воспоминаниями». Можно утверждать, что при решении задачи на конструирование описания прошлого близкого взрослого юноши/девушки автоматически актуализируют успешно интериоризированную ими формальную схему организации автобиографической памяти, закономерно включающую особенности юношеского этапа ее развития (пространственная экспансия детства, сжатие шкалы оценки негативности опыта), в то время как для содержательного ее наполнения обращаются к семантическим знаниям о номенклатуре культурного жизненного сценария взрослого человека.

Данную интерпретацию подтверждают данные о высокой степени осведомленности о социотипичном жизненном сценарии в исследуемой выборке при применении методики Д. Бернтсен, Д. Рубина (Berntsen, Rubin, 2004).

В то время как за межпоколенными сходствами и различиями в макроструктуре автобиографической памяти усматривается наличие универсального формально-содержательного культурно специфичного образца, сравнение показателей воспроизводящихся в семейных диадах «Юноша/Девушка-Родитель» позволяет оценить вклад внутрисемейной передачи определенных особенностей макроструктуры автобиографической памяти.

Анализ коэффициентов сходства показателей макроструктуры автобиографической памяти в рамках семейных диад показал минимальную внутридиадную вариативность (коэффициент сходства близок 1, коэффициент вариации менее 33%) процента позитивных, типичных для возрастной группы и обобщенных воспоминаний, а так же среднего значения позитивной эмоциональной амплитуды оценки воспоминаний. Можно сделать вывод о том, что именно данные параметры макроструктуры автобиографической памяти являются базовыми при внутрисемейной трансляции.

Результаты нашего исследования подтверждают, что идеальной формой для развития макроструктуры автобиографической памяти подростка и юноши является зрелая макроструктура автобиографической памяти близких взрослых. В ситуациях специфического автобиографически ориентированного речевого взаимодействия происходит присвоение схемы организации жизненного опыта в макроструктуру автобиографической памяти.

Литература

1. Абдульманова Д.М. Индивидуальные различия в жизненных сценариях: магистерская диссертация, СПб., 2010.
2. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 299 с.
3. Адлер А. Наука жить. Киев, 1997. 288 с.
4. Алюшева А.Р. Взаимосвязь успешности овладения культурным жизненным сценарием с уровнем развития автобиографической памяти // Знак как психологическое средство, субъективная реальность культуры: материалы XII международных чтений памяти Л.С. Выготского, Москва, 14–17 ноября 2011 г. / отв. ред. В.Т. Кудрявцев. М.: Изд-во Российского государственного гуманитарного ун-та, 2011. С. 201-205.
5. Алюшева А.Р. Взаимосвязь характеристик автобиографической памяти и самоидентичности // Материалы V съезда Общероссийской общественной организации «Российское психологическое общество», Москва, 14-18 февраля 2012 г. / отв. ред. Ю.П. Зинченко, А.Л. Журавлев. М.: Российское психологическое общество, 2012. Т. 1. С. 263-264.
6. Алюшева А.Р. Макроструктура автобиографической памяти: однородное, типичное, сценарное - наблюдается ли преимущество при воспроизведении? // Пятая междунар. конф. по когнитивной науке, Калининград, 19-23 июня 2012 г. / отв. ред. Ю.И. Александров. Калининград: Межрегиональная ассоциация когнитивных исследований, 2012. Т. 1. С. 211-213.
7. Алюшева А.Р. Овладение репертуаром культурных жизненных сценариев как фактор развития макроструктуры автобиографической памяти // Психологические исследования. 2012. Т. 5, № 25. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 03.06.2013).

8. Алюшева А.Р. Общекультурная и внутрисемейная трансмиссия структуры автобиографической памяти // Вестник С.-Петербург. ун-та – 2014 - Сер. 12. Психология. Социология. Педагогика. - Вып. 4. - С. 5-15.
9. Алюшева, А.Р. Взаимосвязь параметров автобиографической памяти респондентов юношеской группы и их родителей // Глобальный научный потенциал. – 2015. - №8(53). – С. 10-13.
10. Алюшева А.Р. Общий паттерн в воспоминаниях респондентов юношеской группы и их родителей: как знание семейной истории связано с уровнем развития индивидуальной автобиографической памяти? // «От истоков к современности» (130 лет организации психологического общества при Московском университете), 29 сентября-1 октября, 2015
11. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. СПб.: Питер, 2001. 288 с.
12. Андреева Г. М. Психология социального познания. М., 2000. С. 243-245.
13. Андреева Г. М. Социальная психология. М., 1996. С. 162.
14. Анцыферова Л.И. Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. М.: Изд. ИП РАН, 2006. 512 с.
15. Арестова О.Н. Диагностика мотивационного конфликта личности с помощью метода пиктограмм // Вопросы психологии, 2007, №2. С. 161-171.
16. Асмолов А.Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. Изд. 3-е, М.: Академия, 2007. 528 с.
17. Белинская Е. П., Тихомандрицкая О. А. Социальная психология личности. М.: Аспект Пресс, 2001. 301 с.
18. Берн Э. Игры, в которые играют люди. М.: Аст, Харвест, 2006. 224 с.
19. Берн Э. Люди, которые играют в игры. М.: Аст, Харвест, 2006. 352 с.

20. Бодунов Е.А. Устойчивость автобиографической памяти при деформации мотивационной структуры личности (на материале пациентов с алкогольной зависимостью). Дипломная работа. М., 2013.
21. Бочавер А.А. Жизненный путь как метафора // Психология жизненного пути личности: методологические, теоретические и прикладные проблемы: сб. науч.ст. / отв. ред. Н.А. Логинова, К.В. Карпинский. Гродно: ГрГУ им. Я. Купалы, 2012. С. 400-411.
22. Варга А.Я. Введение в системную семейную психотерапию. Нижний Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 2000. 120 с.
23. Василевская К.Н. Индивидуально-типологические особенности автобиографической памяти: дисс. ... канд. психол. наук. М., 2008. 167 с.
24. Василевская К.Н. Разработка и апробация диагностического опросника «Функции автобиографической памяти» // Психологическая наука и образование. 2008. №4. С. 101-110.
25. Василевская К.Н., Кабардов М.К., Нуркова В.В. Индивидуально-типологические особенности автобиографической памяти // Психологические исследования. 2011. № 2. С.16. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 14.03.2013).
26. Василюк Ф.Е. Психология переживания. Анализ преодоления критических ситуаций. М.: Изд. Московского университета, 1984. 271 с.
27. Василюк Ф.Е. Модель хронотопа психотерапии // Консультативная психология и психотерапия. 2009. №4. С. 26-49.
28. Венгер А. Л., Слободчиков В. И., Эльконин Б. Д. Проблемы детской психологии и научное творчество Д. Б. Эльконина // Вопросы психологии. 1988. №3. С. 20-28.
29. Вересов Н.Н. Экспериментально-генетический метод и психология сознания: методология и принципы // Психология сознания: современное состояние и перспективы: материалы II всероссийской

- научной конф., Самара, 29 сентября - 1 октября 2011 г. / отв. ред. Г.В. Акопов, Е.В. Бакшутова. Самара: изд. Самарского Государственного Ун-та, 2011. С. 21-36.
30. Войскунский А., Евдокименко А., Федунина Н. Альтернативная идентичность в социальных сетях // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2013. № 1. С. 66-83.
31. Выготский Л.С. Психология развития человека. М.: Смысл, 2006. 1136 С.
32. Выготский Л.С. Развитие высших психических функций // Собр. соч.: в 6 т. М., 1984. Т. 4. С. 121-168.
33. Головаха Е.И., Кроник А.А. Психологическое время личности. Киев, 1984. 209 с.
34. Гришина Н.В. Жизненные сценарии: нормативность и индивидуализация // Психологические исследования. 2011. № 3. С.17 URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения 23.11.12).
35. Ждан А.Н. История психологии: от античности к современности. Изд. 3-е. М.: Педагогическое общество России, 2003. 512 с.
36. Карабанова О.А. Возрастная психология: конспект лекций. М.: Айрис-пресс, 2005. 240 с.
37. Крэйг Г. Психология развития. СПб.: Изд. Питер, 2000. 992 с.
38. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975. 304 с.
39. Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006. 63 с.
40. Логинова Н.А. События, обстоятельства жизненного пути и развитие личности // Психология жизненного пути личности: методологические, теоретические и прикладные проблемы: сб. науч.ст. / отв. ред. Н.А. Логинова, К.В. Карпинский. Гродно: ГрГУ им. Я. Купалы, 2012. С. 12-29.

41. МакАдамс, Д. Психология жизненных историй: пер. Д.А. Кутузовой, Ф.И Барского // Методология и история психологии. 2008. №3. Т.3. С. 135-166.
42. Маслоу А. Самоактуализация // Психология личности: тексты. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. С. 112.
43. Масолова Г.Ю. Воспоминания о детстве и психологические характеристики личности: материалы XII Международной конф. студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Москва, 12-15 апреля 2005 г. / отв. ред. А.И. Андреев. М., 2005. Т. 2. С. 256-257.
44. Минеева О. А. Возрастные и гендерные особенности содержания имплицитных теорий семьи: дисс. ... канд. психол. наук, М., 2011. 187 с.
45. Миронова К.В. Психолого-дидактические особенности построения учебных книг по литературе (на материале лирики М.Ю. Лермонтова): методологический семинар «Проблемы чтения и грамотности» / отв. ред. Г.Г. Граник. М.: Изд. ПИ РАО, 2012.
46. Михайлова К. С. Отражение параметров культуры в семантической организации автобиографической памяти (на материале выборки мигрантов). Дипломная работа. М., 2012.
47. Найссер У. Память день за днем // Когнитивная психология памяти. Изд. 2-е / под ред. У. Найссера, А. Хаймен. СПб: Прайм-еврознак, 2005. С. 157-164.
48. Наследов А.Д. Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных: учебное пособие. СПб.: Изд. Речь, 2004. 392 с.
49. Никанорова Л. Генетический подход в исследовании автобиографического рассказа. Дипломная работа. М., 1999.
50. Нуркова В.В. Методы исследования автобиографической памяти // Вестник Университета Российской Академии Образования. 1999. № 2. С. 11-31.

51. Нуркова В.В., Алюшева А.Р. Жизнь как роман: опыт чтения и уровень развития автобиографической памяти // Чтение и познание: материалы 16-й научно-практической конф. по психологии, философии и педагогике чтения. Москва, 4–5 апреля 2012 г. / отв. ред. Г.Г. Граник. М., 2012. С. 61-64.
52. Нуркова В.В., Бодунов Е.А. Автобиографическая память как ресурс преодоления внутриличностного конфликта при алкоголизме // Вестник Московского Университета. Серия 14. Психология, 2014. №2. С. 46-60.
53. Нуркова В.В., Днестровская М.В., Михайлова К.С. Культурный жизненный сценарий как динамическая семантическая структура (ре)организации индивидуального жизненного опыта // Психологические исследования. 2012. № 25. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 05.04.2013).
54. Нуркова В.В. Свершенное продолжается: Психология автобиографической памяти личности. М.: Изд-во УРАО, 2000. 320 с.
55. Нуркова В.В. Автобиографическая память с позиций культурно-деятельностной психологии: результаты и перспективы исследования // Вестник Московского университета. Сер.14. Психология, 2011. №1. С. 79-91.
56. Нуркова В.В. Анализ феноменов автобиографической памяти с позиций культурно - исторического подхода // Культурно - историческая психология. 2008. №1. С. 17-25.
57. Нуркова В.В. Культурно-исторический подход к автобиографической памяти: дисс. ... д-ра психол. наук. М., 2009. 614 с.
58. Нуркова В.В. Рассказывать о себе, рассказывать себя, рассказывать собой: Автобиографический нарратив с позиций культурно-деятельностного подхода // Развитие личности. 2010. №1, С. 73-97.
59. Нуркова В.В. Роль автобиографической памяти в структуре идентичности личности // Мир психологии. 2004. № 2. С. 77-87.

60. Нуркова В.В. Эффект зависимости феноменологических характеристик мнемического образа от мотивационно-смысловой динамики деятельности // Культурно-историческая психология. 2009. №2. С.60-68.
61. Нуркова В.В., Алюшева А.Р. Феномен мудрости с позиций культурно-деятельностного подхода. Юбилейная конф., посвященная 125-летию Московского психологического общества. Москва, 25-28 марта 2010 г. / отв. ред. Д.Б. Богоявленская, Ю.П. Зинченко. М., 2010. С. 287-288.
62. Нуркова В.В., Митина О.В., Янченко Е.В. Сгущения в субъективной картине прошлого // Психологический журнал. 2005. № 2. С. 22-32.
63. Нуркова В. В., Днестровская М. В. Проблема присвоения нового культурного жизненного сценария после миграции из деревни в город // Знак как психологическое средство: субъективная реальность культуры: материалы XII Международных чтений памяти Л.С. Выготского, Москва, 14–17 ноября 2011 г. / отв. ред. В.Т. Кудрявцев. М.: Изд-во Российского государственного гуманитарного ун-та, 2011. С. 20-24.
64. Нуркова В. В. Самоопределяющие нарративы в развитии личности // Психологическая наука и образование. 2014. № 4. С. 22-30.
65. Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего / под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2004. 608 с.
66. Панкратова А.А. Изменение ценностей детей и взрослых в современной России (1992–2009) // Психологические исследования. 2011. № 1. С.15. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 9.05.2012).
67. Психология жизненного пути личности: методологические, теоретические и прикладные проблемы: сб. науч.ст. / отв. ред.: Н.А. Логинова, К.В. Карпинский. Гродно, ГрГУ им. Я. Купалы, 2012. 423 с.
68. Пятигорский А.М. Избранные труды. М.: Школа Языки русской культуры, 1996. 590 с.

69. Рождественская Е.Ю. Биографический метод в социологии. М.: Изд. НИУ ВШЭ, 2012. 381 с.
70. Рождественская Е.Ю. Биография как социальный феномен и объект социологического анализа: автореф. дисс. ... д-ра соц. наук. М., 2013.
71. Рубинштейн С. Л. Человек и мир. СПб.: Питер, 2012. 224 с.
72. Саламан Э. Коллекция мгновений // Когнитивная психология памяти. Изд. 2-е / под ред. У. Найссера, А. Хаймен. СПб: Прайм-еврознак, 2005. С. 68.
73. Сапогова Е.Е. Автобиографирование как способ самосознания. Психология сознания: современное состояние и перспективы: материалы II всероссийской научной конференции. Самара, 29 сентября - 1 октября 2011 г. / отв. ред. Г.В. Акопов, Е.В. Бакшутова. Самара: изд. Самарского Государственного Ун-та, 2011. С. 292-295.
74. Сапогова Е.Е. «Римейки жизни»: конструирование автобиографического нарратива // Известия ТулГУ / отв. ред. Е.Е. Сапогова. Тула: ТулГУ, 2005. Вып. 5. С. 200-228.
75. Сапогова Е.Е. Автобиографирование как процесс самодетерминации личности // Культурно-историческая психология. 2011. №2. С. 37-51.
76. Селюгина П.Б. Исследование влияния прародителей на формирование личностной идентичности // Психология индивидуальности: материалы 5й всерос. науч. конф. Москва, 12-14 ноября, 2012 г. / отв. ред. А.Б. Купрейченко, В.А. Штроо. М.: ИД ГУ ВШЭ, 2012.
77. Середа Г.К. Теоретическая модель памяти как механизма системной организации индивидуального опыта // Психология деятельности и познавательных процессов. Вестник Харьк. ун-та, № 253. Харьков: Изд-во при Харьк. ун-те, 1984. С. 10-18.
78. Соколова Е. Е. Апология системного монизма (К проблеме путей интеграции психологической науки) // Вопросы психологии. 2006. №4. С. 15-23.

79. Солдатова Г.У. Наедине со всеми // Дети в информационном обществе. 2012. №11. С. 60-67.
80. Солдатова Г.У., Кропалева Е.Ю., Гостимская О.С. Пойманные одной сетью // Дети в информационном обществе. 2010. №3. С. 36-43.
81. Степанова М. А. Психологическое лицо литературы // Вопросы психологии. 2006. № 3. С.109-122.
82. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М.: Изд. ИП РАН, 1999. 320 с.
83. Толстых Н.Н. Развитие индивидуального хронотопа на детско-юношеском этапе жизненного пути // Психология жизненного пути личности: методологические, теоретические и прикладные проблемы: сб. науч.ст. / отв. ред. Н.А. Логинова, К.В. Карпинский. Гродно: ГрГУ им. Я. Купалы, 2012. С. 44-73.
84. Чуча О.Л. Типы установок в процессе чтения поэтических текстов // Вопросы психологии. 2008. №4. С. 107-118.
85. Шахманова А.Ш. Теоретические и научно-методические основы оптимизации социального развития детей дошкольного возраста в условиях детского дома: дисс. ... д-ра психол. наук. М., 2012.
86. Шнейдер Л.Б. Основы семейной психологии: учебное пособие. М.: Изд-во Модек, 2003. 928 с.
87. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. 344 с.
81. Adams G. R. The Objective Measure of Ego Identity Status: A Reference Manual: unpublished manuscript. University of Guelph, 1998. P. 1-90.
82. Alyusheva A., Nourkova V. Identity formation and autobiographical memory: two interrelated concepts of development // World Academy of Science, Engineering and Technology. 2012. Issue 66. P. 285-288.
83. Arnett J. J. Emerging adulthood: A theory of development from the late teens through the twenties // American Psychologist. 2000. Issue 55. P. 469-480.

84. Atance C.M., Meltzoff A.N. My future self: Young children's ability to anticipate and explain future states // *Cognitive Development*. 2005. Vol. 20. P. 341-361.
85. Baddeley A. But what the hell it is for? // M.M. Gruneberg, P.E. Morris & R.N. Sykes (Eds.) *Practical aspects of memory: Current research and issues* (pp.3-18). Chichester, UK: Wiley, 1987
86. Baddaley A. Working memory // *Science*. 1992. Vol. 31. P. 556-559.
87. Berntsen D., Bohn A. Remembering and forecasting: The relation between autobiographical memory and episodic future thinking // *Memory and Cognition*. 2010. Vol. 38 (3). P. 265-278.
88. Berntsen D., Rubin D. C. Cultural life scripts structure recall from autobiographical memory // *Memory and Cognition*. 2004. Vol. 32. P. 427-443.
89. Berntsen D., Rubin D., Siegler I. C. Two Versions of Life: Emotionally Negative and Positive Life Events Have Different Roles in the Organization of Life Story and Identity // *Emotion*, American Psychological Association. 2011. Vol. 11 (5). P. 1190-1201.
90. Berntsen D., Rubin D.C. The centrality of event scale: A measure of integrating a trauma into one's identity and its relation to post-traumatic stress disorder symptoms // *Behaviour Research and Therapy*. 2006. Vol. 44. P. 219-231.
91. Berntsen D., Staugaard S.R., Sorensen M.L.T. Why am I remembering this now? Predicting the occurrence of involuntary (spontaneous) episodic memories // *Journal of experimental psychology: General*. 2013.
92. Blagov P.S., Singer J.A. Four Dimensions of Self-Defining Memories (Specificity, Meaning, Content, and Affect) and Their Relationships to Self Restraint, Distress, and Repressive Defensiveness // *Journal of Personality*. 2004. Vol. 72 (3). P. 481-511.
93. Bluck S., Alea N. Thinking and Talking about the Past: Why Remember? // *Applied Cognitive Psychology*. 2009. Vol. 23. P. 1089-1104.

94. Bluck S., Alea N. Crafting the TALE: Construction of a measure to assess the functions of autobiographical remembering // *Memory*. 2011. Vol. 19(5). P. 470-486.
95. Bluck S., Glueck J. Making Things Better and Learning a Lesson: Experiencing Wisdom Across the Lifespan // *Journal of Personality*. 2004. Vol. 72(3). P. 543-572.
96. Boellstorff T. *Coming of Age in Second Life: An Anthropologist Explores the Virtually Human*. Princeton: Princeton University Press. 2008.
97. Bohn A. Normative ideas of life and autobiographical reasoning in life narratives // *New Directions for Child and Adolescent Development*. 2010. Vol. 131. P. 19-30.
98. Bohn A., Berntsen D. The Reminiscence Bump Reconsidered: Children's Prospective Life Stories Show a Bump in Young Adulthood // *Psychological Science*. 2011. Vol. 22(2). P. 197-202.
99. Bohn A. Cultural life scripts organize autobiographical memories and future expectations: a new perspective on the reminiscence bump // *International Conference: Social Perspective on Autobiographical Memory - Memory and Imagination*. Denmark, 2013.
100. Bohn A., Berntsen D. The Future is Bright and Predictable: the development of prospective life stories across childhood and adolescence // *Developmental Psychology*. Advance online publication. 2012. doi: 10.1037/a0030212.
101. Bohn A., Berntsen D. Life story development in childhood: The development of life story abilities and the acquisition of cultural life scripts from late middle childhood to adolescence // *Developmental Psychology*. 2008. Vol. 44 (4). P. 1135-1147.
102. Bohn A. Generational differences in cultural life scripts and life story memories of younger and older adults // *Applied Cognitive Psychology*. 2010. Vol. 24 (9). P. 1324-1345.

103. Brown N. R., Lee P. J., Krslak M., Conrad F. G., Hansen T., Havelka J.
Living in History: When (and Why) Historical Events Affect the
Organization of Autobiographical Memory // *Psychological Science*. 2009.
P. 399-405.
104. Brown R., Kulik J. Flashbulb Memories // *Cognition*. 1977. Vol. 5. P.73-
99.
105. Buckner J., Fivush R. Gender and self in children's autobiographical
narratives // *Applied Cognitive Psychology*. 1998. Vol. 12. P. 407-429.
106. Burt C.D.B., Kemp S., Conway M.A. Themes, events, and episodes in
autobiographical memory // *Memory and Cognition*. 2003. Vol. 31(2).
P. 317-326.
107. Conway M.A. Commentary: Cognitive-affective mechanisms and
processes in autobiographical memory // *Memory*. 2003. Vol. 11. P. 217-
224.
108. Conway M. A., Singer J. A., Tagini A. The self and autobiographical
memory: Correspondence and coherence // *Social Cognition*. 2004. Vol. 22.
P.495-537.
109. Conway M.A., Pleydell-Pearce C.W. The construction of autobiographical
memories in the self-memory system // *Psychological Review*. 2000. Vol.
107. P. 261-288.
110. Conway M.A. Memory and the Self // *Journal of Memory and Language*.
2005. Vol. 53 (4). P. 594-628.
111. Demiray B., Gülgöz S., Bluck S. Examining the life story account of the
reminiscence bump: why we remember more from young adulthood //
Memory. 2009. Vol. 17(7). P. 708-723.
112. Fiese B.H., Sameroff A.J., Grotevant H.D., Wamboldt F.S., Dickstein S.,
Fravel D.L. The stories that families tell: Narrative coherence, narrative
style, and relationship beliefs // *Monographs of the Society for Research in
Child Development*. Vol. 64(2). Malden, MA: Blackwell. 1999.

113. Fivush R. Maternal Reminiscing Style and Children's Developing Understanding of Self and Emotion // *Clinical Social Work Journal*. 2007. Vol. 35. P. 37-46.
114. Fivush R., Berlin L.J., Cassidy J. Functions of parent-child reminiscing about emotionally negative events // *Memory*. 2003. Vol. 11. P. 179-192.
115. Fivush R. The development of autobiographical memory // *Annual Review of Psychology*. 2010. Vol. 62(2). P. 2-24.
116. Fivush R., Bauer P. J. How we learn to recall ourselves in the past // *The act of remembering: towards an understanding of how we recall the past* / Ed.: J. H. Mace. 2010. P. 399.
117. Fivush R., Nelson K. Culture and language in the emergence of autobiographical memory // *Psychological Science*. 2004. Vol. 15(9). P. 573-577.
118. Fivush R. The development of autobiographical memory // *Annual Review Psychology*. 2011. Vol. 62. P. 559-582.
119. Fivush R., Haden C.A., Reese E. Elaborating on elaborations: role of maternal reminiscing style in cognitive and socioemotional development // *Development*. 2006. Vol. 77(6). P. 1568-1588.
120. Fivush R., Bohanek J. G., Zaman W. Personal and intergenerational narratives in relation to adolescents' well-being // *New Directions for Child and Adolescent Development*. 2010. Vol. 131. P. 45-57.
121. Friedman W.J., Lyon T.D. The Development of Temporal-Reconstructive Abilities // *Child Development*. 2005. Vol. 76. P. 1202-1216.
122. Gotlib I.H., Jonides J., Joormann J. Memory for affectively valenced stimuli in depression: Evidence from a novel matching task // *Cognition and Emotion*. 2011. Vol. 25. P. 1246-1254.
123. Habermas T. How to tell a life: The development of the cultural concept of biography across the lifespan // *Journal of Cognition and Development*. 2007. Vol. 8. P. 1-31.

124. Habermas T., de Silveira C. The development of global coherence in life narratives across adolescence: Temporal, causal, and thematic aspects // *Developmental Psychology*. 2008. Vol. 44. P. 707-721.
125. Habermas T., Paha C. The development of coherence in adolescents' life narratives // *Narrative Inquiry*. 2001. Vol.11. P. 35-54.
126. Habermas T., Ehler-Lerche S., de Silveira C. The development of the temporal macrostructure of life narratives across adolescence: Beginnings, linear narrative form, and endings // *Journal of Personality*. 2009. Vol. 77. P. 527-560.
127. Habermas T., Ott L. M., Schubert M., Schneider B., Pate A. Stuck in the past: Negative bias, explanatory style, temporal order, and evaluative perspectives in life narratives of clinically depressed individuals // *Depression and Anxiety*. 2008. Vol. 25. P. 121-132.
128. Habermas T. Autobiographical reasoning: Arguing and narrating from a biographical perspective // *New Directions for Child and Adolescent Development*. 2010. Vol. 131. P. 1-17.
129. Habermas T., Bluck S. Getting a life: The emergence of the life story in adolescence // *Psychological Bulletin*. 2000. Vol. 126(5). P. 748-769.
130. Habermas T., Bluck S. The Life Story Schema // *Motivation and Emotion*. 2000. Vol. 24 (2). P.121-147.
131. Harris C.B., Barnier A.J., Sutton J. Shared encoding and the costs and benefits of collaborative recall // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory and Cognition*. 2013. Vol. 39(1). P.183-195.
132. Haslam C., Jetten J., Haslam S. A., Pugliese C., Tonks J. 'I remember therefore I am, and I am therefore I remember': Exploring the contributions of episodic and semantic self-knowledge to strength of identity // *British Journal of Psychology*. 2011. Vol. 102. P. 184-203.
133. Hayne H. Earliest memories in Maori New Zealanders // *Memory*. 2000. Vol. 8 (6). P. 365-376.

134. Hilton J.L., von Hippel W. Stereotypes // *Annual Review of Psychology*. 1996. Vol. 47. P. 237-271.
135. Howe M.L., Courage M.L. The emergence and early development of autobiographical memory // *Psychological review*. 1997. Vol. 104 (3). P. 499-523.
136. Janssen S. M. J., Rubin D. C. Age effects in cultural life scripts // *Applied Cognitive Psychology*. 2010. Vol. 25 (2). P. 291-298.
137. Janssen S. M. J., Rubin D. C., St. Jacques P. L. The temporal distribution of autobiographical memory: Changes in reliving and vividness over the lifespan do not explain the reminiscence bump // *Memory and Cognition*. 2011. Vol. 39. P. 1-11.
138. Janssen S.M.J., Chessa A.G., Murre J.M.J. The reminiscence bump in autobiographical memory: Effects of age, gender, culture, and education // *Memory*. 2005. Vol. 13 (6). P. 658-668.
139. Kingo O. S., Krøjgaard P. Object function facilitates infants' object individuation in a manual search task // *Journal of Cognition and Development*. 2012. Vol. 13. P. 152-173.
140. Kohli M. The institutionalization of the life course: Looking back to look ahead // *Research in Human Development*. 2007. Vol. 4. P. 253-271.
141. Koren C., Eisikovits Z. Life beyond the planned script: Accounts and secrecy of older persons living in second couplehood in old age in a society in transition // *Journal of Social and Personal Relationships*. 2011. P. 28-44.
142. Kulkofsky S. Characteristics of functional joint reminiscence in early childhood // *Memory*. 2011. Vol. 19 (1). P. 45-55.
143. Kulkofsky S., Wang Q., Conway M.A., Hou Y., Aydin C., Mueller-Johnson K., Williams H. Cultural variation in the correlates of flashbulb memories: an investigation in five countries // *Memory*. 2011. Vol. 19 (3). P. 233-240.

144. Kulkofsky S., Wang Q., Hou Y. Why I remember that: the influence of contextual factors on beliefs about everyday memory // *Psychological Science*. 2010. Vol. 38 (4). P. 461-473.
145. Lardi C., D'Argembeau A., Chanal J., Ghisletta P., Linden M. Further characterization of self-defining memories in young adults: A study of a Swiss sample // *Memory*. 2010. Vol. 18 (3). P. 293-309.
146. Larkina M., Bauer P.J. The Role of Maternal Verbal, Affective, and Behavioral Support in Preschool Children's Independent and Collaborative Autobiographical Memory Reports // *Cognitive Development*. 2010. Vol. 25 (4). P. 309-324.
147. Lilgendahl J.P., McAdams D.P. Constructing Stories of Self-Growth: How Individual Differences in Patterns of Autobiographical Reasoning Relate to Well-Being in Midlife // *Journal of Personality*. 2011. Vol. 79 (2). P. 391-428.
148. Loftus E.F., Pickrell J.E. The formation of false memories // *Psychiatric Annals*. 1995. Vol. 25. P. 720-725.
149. Mace J.H. Involuntary autobiographical memories are highly dependent on abstract cuing: The Proustian view is incorrect // *Applied Cognitive Psychology*. 2004. Vol. 18. P. 893-899.
150. Mar R. A., Peskin J., Fong K. Literary arts and the development of the life story // *New Directions for Child and Adolescent Development*. 2010. Vol. 131. P. 73-84.
151. Marcia J.E. Development and validation of ego-identity status // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1966. Vol. 3. P. 551-558.
152. Marian V., Kaushanskaya M. Self-construal and emotion in bicultural bilinguals // *Journal of Memory and Language*. 2004. Vol. 51 (2). P. 190-201.
153. McAdams D.P. Power, intimacy, and the life story: Personological inquiries into identity. Chicago: Dorsey Press. 1985.

154. McAdams D.P. The Psychology of Life Stories // Review of General Psychology. 2001. Vol. 5 (2). P. 100-122.
155. McKeough A., Malcolm J. Stories of family, stories of self // New Directions for Child and Adolescent Development. 2010. Vol. 131. P. 59-71.
156. McLean K. C., Mansfield C. D. To reason or not to reason: Is autobiographical reasoning always beneficial? // New Directions for Child and Adolescent Development. 2010. Vol. 131. P. 85-97.
157. Memory, Mediation, Remediation: An International Conference on Memory in Literature and Film // Memory studies. 2012. Vol. 5 (4). P. 497-499.
158. Neisser U., Winograd E. Remembering reconsidered: Ecological and traditional approaches to the study of memory. New York, 1988.
159. Nelson K. The psychological and social origins of autobiographical memory // Psychological Science. 1993. Vol. 4. P. 7-14.
160. Nelson K. Self and social functions: Individual autobiographical memory and collective narrative // Memory. 2003. Vol. 11. P. 125-136.
161. Nelson K., Fivush R. The Emergence of Autobiographical memory: A Social Cultural Developmental theory// Psychological Review. 2004. Vol. 111 (3). P. 486-511.
162. Neugarten B.L., Moore J.W., Lowe J.C. Age norms, age constraints and adult socialization // American Journal of Sociology. 1965. Vol. 70. P. 710-717.
163. Nourkova V.V., Bernstein D.M., Loftus E.F. Altering traumatic memories // Cognition and Emotion. 2004. Vol. 4. P. 575-585.
164. Nourkova V.V. Maternal reminiscing style as a predictor of memory source monitoring efficacy / the Conference Perspectives on Autobiographical Memory Development, Aarhus University, Denmark, 16-17 June 2011.

165. O'Connor, M. A longitudinal study of PTSD in the elderly bereaved: Prevalence and predictors // *Aging and Mental Health*. 2010. Vol. 14. P. 670-678.
166. Ottsen C.L, Berntsen D. The cultural life script of Qatar and across cultures: Effects of gender and religion. *Memory*. 2014. Vol. 22(4). P. 390-407.
167. Pasupathi M., Mansour E. Adult Age Differences in Autobiographical Reasoning in Narratives // *Developmental Psychology*. 2006. Vol. 42 (5). P. 798-808.
168. Pasupathi M., Weeks T. L. Integrating self and experience in narrative as a route to adolescent identity construction // *New Directions for Child and Adolescent Development*. 2010. Vol. 131. P. 31-43.
169. Pillemer D.B. Remembering personal circumstances: A functional analysis // E. Winograd & U. Niesser (Eds.), *Affect and accuracy in recall: Studies of "flashbulb" memories*. New York, Cambridge University Press, 1992.
170. Pillemer D. B. Directive functions of autobiographical memory: The guiding power of the specific episode // *Memory*. 2003. Vol. 11. P.193-202.
171. Read S.J. Constructing causal scenarios: A knowledge structure approach to causal reasoning // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1987. Vol. 52(2). P. 288-302.
172. Reese E., Haden C. A., Fivush R. Mother-child conversations about the past: Relationships of style and memory over time // *Cognitive Development*. 1993. Vol. 8. P. 403-442.
173. Reese E. Social Factors in the Development of Autobiographical Memory: The State of the Art // *Social Development*. 2002. Vol. 11 (1). P. 124-142.
174. Robinson J.A. Sampling autobiographical memory // *Cognitive Psychology*. 1976. Vol. 8. P.578-595.
175. Rubin D.C. Cultural life scripts and autobiographical memory // *The 5th International Conference on memory*, 31st July - 5th August, University of York, England, 2011.

176. Rubin D.C., Schulking M.D. The distribution of autobiographical memories across the lifespan // *Memory and Cognition*. 1997. Vol. 25 (6). P. 859-866.
177. Rubin D.C., Berntsen D. Life scripts help to maintain autobiographical memories of highly positive, but not highly negative, events // *Memory and Cognition*. 2003. Vol. 31 (1). P. 1-14.
178. Rubin D. C., Berntsen D., Hutson M. The normative and the personal life: Individual differences in life scripts and life story events among USA and Danish undergrads // *Memory*. 2009. Vol. 17(1). P. 54-68.
179. Schank R.C., Abelson R.P. Scripts, plans, goals and understanding: an inquiry into human knowledge structures. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1977.
180. Schmidt S. Can we have a distinctive theory of memory? // *Memory and Cognition*. 1991. Vol. 19. P. 523-542.
181. Settersten R.A., Hagestad G.O. What is the latest? I. Cultural age deadlines for family transitions // *The Gerontologist*. 1996a. Vol. 36. P. 178-188.
182. Settersten R.A., Hagestad G.O. What is the latest? II. Cultural age deadlines for educational and work transitions // *The Gerontologist*. 1996b. Vol. 36. P. 602-613.
183. Singer J. A., Bluck S. New perspectives on autobiographical memory: The integration of narrative processing and autobiographical reasoning // *Review of General Psychology*. 2001. Vol. 5(2). P. 91-99.
184. Stein N.L., Ornstein P.A., Tversky B., Brainerd C. Memory for everyday and emotional events. Mahwah: New York, 1997.
185. Svob C., Brown N.R. The intergenerational transmission of autobiographical events // the Society for Applied Research in Memory and Cognition IX Conference, New York City, USA 27-29 June 2011.
186. Thomsen D. K., Pillemer D. B., Ivcevic Z. Life story chapters, specific memories and the reminiscence bump // *Memory*. 2011. Vol. 19. P.267-279.

187. Thomsen D.K., Schnieber A., Olesen M.H. Rumination is associated with the phenomenal characteristics of autobiographical memories and future scenarios // *Memory*. 2011. Vol. 19. P. 574-584.
188. Thomsen D.K. There is more to life stories than memories // *Memory*. 2009. Vol. 17 (4). P. 445-457.
189. Tomkins S.S. Script theory // *Nebraska Symposium on Motivation* / H.E. Howe, R.A. Dienstbier (Eds.). Lincoln, 1979. Vol. 26. P.201-236.
190. *Understanding Autobiographical memory: Theories and Approaches* / D. Berntsen, D. Rubin (Eds.). Cambridge University Press, 2012.
191. Walker R. W., Skowronski J. J., Thompson C. P. Life is pleasant - and memory helps to keep it that way // *Review of General Psychology*. 2003. Vol. 7. P. 203-210.
192. Wang Q. Infantile amnesia reconsidered: A cross-cultural analysis // *Memory*. 2003. Vol. 11(1). P. 65-80.
193. Wang Q. Relations of maternal style and child self-concept to autobiographical memories in Chinese, Chinese immigrant, and European American 3-year-olds // *Children Development*. 2006. Vol. 77(6). P.1794-1809.
194. Wang Q., Brockmeier J. Autobiographical remembering as cultural practice: Understanding the interplay between memory, self and culture // *Culture and Psychology*. 2002. Vol. 8(1). P. 45-64.
195. Wang Q., Conway M. The stories we keep: Autobiographical memory in American and Chinese middle-aged adults // *Journal of personality*. 2004. Vol. 72(5). P. 911-938.
196. Wang Q., Ross M. What we remember and what we tell: Disentangling cultural effects on memory representations and memory narratives // *Memory*. 2005. Vol. 13 (6). P. 594-606.
197. Wang Q. Earliest recollections of self and others in European American and Taiwanese young adults // *Psychological Science*. 2006. Vol. 17 (8). P. 708-714.

198. Wareham P., Salmon K. Mother–child reminiscing about everyday experiences: Implications for psychological interventions in the preschool years // *Clinical Psychology Review*. 2006. Vol. 26 (5). P. 535-554.
 199. Webster J. D. An exploratory analysis of a self-assessed wisdom scale // *Journal of Adult Development*. 2003. Vol. 10(1). P.13-22.
 200. Wenzel A., Pinna K., Rubin D.C. Autobiographical memories of anxiety-related experiences // *Behavior Research and Therapy*. 2004. Vol. 42. P. 329-341.
 201. Zacks J. M., Swallow K. M. Event segmentation // *Current Directions in Psychological Science*. 2007. Vol. 16. P. 80-84.
 202. Zaman W., Fivush R. Intergenerational narratives and adolescent's well-being // the biennial meeting of the Society for Research in Child Development, Denver, CO, 2009.
 203. Zaman W., Fivush R. Gender Differences in Elaborative Parent–Child Emotion and Play Narratives // *Journal of research sex roles*. 2013. Vol. 68 (9-10). P. 591-604.
-

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Список сценарных событий, полученный по результатам методики Д. Бернтсен, Д. Рубина на выборке респондентов в возрасте 17-21 года (N=102).

Событие	Количество упоминаний	Вероятность (среднее)	Возраст (среднее)	Возраст (ст.откл.)	Важность (среднее)	Эмоц. окраска (среднее)
Начало учебы в школе	85	95,6	6,5	0,7	5,8	4,9
Поступление в ВУЗ/колледж	82	90,7	17,9	1,5	5,3	6,4
Свадьба (создание семьи)	78	75,6	23,4	2,4	4,2	5,7
Первая любовь	76	75,8	16,5	4,9	5,4	4,3
Появление детей	68	60,9	25,6	2,5	6,7	6,2
Работа	57	85,5	20,3	3,4	5,3	6,6
Окончание школы	40	97,3	17,5	0,6	6,2	6,1
Смерть близких людей	36	92,5	35,8	9,3	6,7	1,5
Посещение детского сада	33	75,8	4,6	1,2	5,1	4,7
Появление друзей (дружба)	31	87,6	6,5	2,6	6,4	6,7
Занятия в секциях, кружках	29	85,6	7,4	2,5	4,5	4,3
Окончание ВУЗа	28	50,4	23,9	0,7	4,9	4,5
Смерть	21	100	85,9	5,9	6,1	2,9
Рождение	20	100	0	0	5,7	5,1
Начало речи (первое слово)	20	100	1,4	0,8	6,5	6,5
Путешествие	19	60,8	15,5	2,6	6,3	4,9
Появление внуков	19	70,9	50,3	6,2	6,4	6,4
Пенсия	17	95,3	63,9	3,7	3,5	4,2
Выбор профессии	17	97,8	17,8	2,1	5,8	5,5
Карьера	17	60,2	35,6	4,5	6,1	5,4
Появление питомца	16	60,7	8,6	2,4	6,2	5,7
Рождение брата/сестры	15	60,9	7,8	3,8	5,7	6,1
Смена места жительства	9	50,3	14,4	3,2	5,9	4,3
Осознание себя	8	85,5	17,9	4,3	6,5	3,9

(взросление)						
Серьезные романтические отношения	7	80,9	19,8	2,6	6,3	6,1
Начало полностью самостоятельной жизни (переезд от родителей)	5	70,3	27,5	3,5	5,7	5,5
Первый сексуальный опыт	5	75,9	17,4	1,8	5,6	5,4
Армия	4	80,7	18	0	6,1	2,3
Покупка недвижимости	4	30,3	34,3	2,2	6,2	6,1
День Рождения, подарок	4	100	6,7	2,3	4,1	6,3
Достижение в спорте	4	20,5	20,7	13,4	5,8	5,2
Развод родителей	3	65,4	11,5	3, 5	6,1	6,5
Разочарование	3	70,5	17,4	2,6	5,5	4
Первый поцелуй	2	89,5	13,5	2	4,5	5
Написание книги	2	40	53,5	5,5	6,5	5,5
Старость и одиночество	2	50,5	78	10,5	5,5	4,5
Открытие собственного бизнеса	2	40,5	38,5	2,5	6,5	4
Экзамены	2	25,5	17	0	5	2,5
Первая вечеринка	2	15	15,5	1	5,5	6,5
Другое*	49					

* в категорию «Другое» вошли события, указанные респондентами 1 раз

Список сценарных событий, полученный по результатам методики Д. Бернтсен, Д. Рубина на выборке респондентов в возрасте 45-59 лет (N=34).

Событие	Количество упоминаний	Вероятность (среднее)	Возраст (среднее)	Возраст (ст.откл.)	Важность (среднее)	Эмоц. окраска (среднее)
Свадьба	28	75,4	25,5	2,1	5,3	6,2
Рождение детей	26	85,9	26,1	3,4	6,8	6,6
Поступление в школу	22	97,1	6,4	0,7	5,9	5,1
Окончание школы	22	94,3	17, 2	1,1	5,6	6,3
Поступление в ВУЗ	20	60,9	17,8	0,9	6,3	5,2

Работа (карьера)	14	85,4	23,6	3,8	5,5	4,6
Появление внуков	12	66,3	56,5	5,9	5,6	6,3
Влюбленность	12	92,1	15,9	3,4	6,7	6,5
Потеря близких людей	10	95,2	46,3	14,8	6,3	2,3
Получение высшего образования	8	77,8	25,3	2,1	5,7	5,6
Путешествие	6	55,7	24,7	3,9	4,9	4,6
Детский сад	6	50,9	3,9	1,1	4,1	4,3
Приобретение недвижимости	4	67,3	38,7	5,8	5,6	6,6
Пенсия	4	96,9	61,8	2,3	5,4	4,5
Дружба	3	89,1	7,8	1,9	6,1	6,3
Смерть	2	100	79,5	6,5	6,5	4,5
Первые шаги	2	98,5	1,2	0,4	6,5	6
Рождение	2	100	0	0	5,5	6,5
Хобби	2	91,5	15,5	1,5	4,5	5,5
Получение водительских прав	2	60,5	18,5	1,5	6	5
Свадьба ребенка	2	55	45,5	5	6	6
Другое*	19					

* в категорию «Другое» вошли события, указанные респондентами 1 раз

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Список сценарных событий, полученный по результатам методики Д. Бернтсен, Д. Рубина в Дании, США, Турции, Катар (по Ottsen, Berntsen, 2013).

№	Дания	США	Турция	Катар
1	Рождение детей ¹⁵	Брак	Брак	Начало школы
2	Брак	Рождение детей	Начало школы	Брак
3	Начало школы	Колледж	Рождение детей	Колледж
4	Колледж	Начало школы	Первая работа	Первая работа
5	Влюбленность	ВУЗ	Влюбленность	Начало детского сада
6	Смерть близкого	Первая работа	Колледж	Половое созревание
7	Пенсия	Умение говорить	Вступительные экзамены в колледж	Рождение детей
8	Переезд из дома родителей	Умение ходить	Собственная смерть	Окончание ВУЗа

¹⁵ Жирным шрифтом выделены события, встречающиеся во всех типичных жизненных сценариях перечисленных стран.

9	Смерть родителей	Собственная смерть	Смерть близких	Собственное рождение
10	Первая работа	Школа	Половое созревание	Умение водить машину
11	Начало детского сада	Смерть родителей	Обрезание	Окончание колледжа
12	Собственная смерть	Смерть близких	Умение говорить	Обрезание
13	Развод	Пенсия	Умение ходить	Выбор друзей
14	Рождение сиблингов	Собственное рождение	Армия	Гендерно обусловленные социальные навыки ¹⁶
15	Первая дружба	Влюбленность	Пенсия	Изучение Ислама
16	Школа	Умение водить машину	Начало ВУЗа	Воспитание детей
17	Половая зрелость	Рождение внуков	Развод	Исламский ритуал рождения
18	Рождение внуков	Карьера	Смерть родителей	Умение ходить
19	Длительное путешествие	Половое созревание	Травма	Школа
20	Умение ходить	Первый сексуальный опыт	Драки	Умение молиться
21	Серьезная болезнь	Переезд из дома родителей	Семейные ссоры	Важное достижение
22	Важное достижение	Начало детского сада	Начало детского сада	Собственная смерть
23	Карьера	«Опустевшее гнездо» ¹⁷	Экзамены в ВУЗе	Пенсия
24	Первый сексуальный опыт	Первый поцелуй	Дорожно-транспортное происшествие	Независимость женщины
25	Смерть супруга/супруги		Болезнь	Посещение мечети
26	Умение говорить		Рождение сиблингов	Умение говорить
27	Конфирмация		Переезд	Смерть близких
28	Вступление во взрослую жизнь			Помощь родителей с жильем
29	Общение со сверстниками			Обучение за границей
30	«Опустевшее гнездо»			Стабильность в жизни
31	Первое отвержение			Переезд

¹⁶ Общество Катара имеет строго разделенные предписания для мужчин и женщин по овладению определенными социальными навыками и умениями.

¹⁷ Взрослые дети уезжают из дома родителей.

32	«Правильная» работа			Пост
33	Первое общение			Религиозный праздник
34	Баптизм			Изучение Корана
35	Первые заработанные деньги			Путешествие

ПРИЛОЖЕНИЕ 3. Список высокочастотных воспоминаний, полученный по результатам анализа методики «Линия жизни» на выборке респондентов в возрасте 18-21 года (N=126).

Воспоминание	Количество упоминаний	Возраст (среднее)	Возраст (ст.откл.)
Поступление в ВУЗ	78	17,6	1,4
Начало школы (первый класс)	72	7,2	0,9
Первая любовь	68	15,1	2,3
Путешествие	66	18,2	3,8
Хобби (танцы, рисование, пение и т.п.)	63	8,9	2,2
Окончание школы (выпускной)	57	16,8	0,9
Смерть родственника	54	11,1	4,4
Встреча друга (дружба)	51	9,7	2,4
Переход в другую школу	46	12,8	2,3
Приобретение навыка (плавание, коньки, велосипед и др.)	45	7,1	3,8
Болезнь (травма)	45	8,6	4,7
Детский сад	39	4,4	1,3
Переезд	38	16,6	3,2
Достижение в учебе (победа в олимпиаде)	36	16,2	6,1
Рождение сестры/брата	36	12,7	4,6
Первая работа	36	16,9	2,5
Экзамены, ЕГЭ	34	17,3	1,8
Ссора с одноклассниками	32	13,9	2,5
Первая сессия	31	18,4	1,3
Ссоры с родителями	29	16,8	3,1
Появление питомца	28	9,7	3,8
Смерть питомца	27	18,9	4,5
Расставание, ссора с любимым	23	17,7	2,2
День рождения, подарок, праздник	22	7,5	2,4
Предательство подруги/друга	21	14,6	3,8
Лагерь	21	10,3	2,8
Развод родителей	20	11,7	4,1
Рождение	19	0	0
Серьезные/длительные отношения	17	19,1	2,4
Безответная любовь	16	15,8	2,9

Первый поцелуй	16	15,3	2,4
Проблемы с учебой	13	16,9	2,7
Выбор профессии	13	16,8	1,3
Совершеннолетие	9	18	0
Первое употребление алкоголя	6	14,8	2,1
Определение ценностей	5	16,3	3,4
Первая двойка	5	8,5	1,6
Первый сексуальный опыт	4	17,8	1,1
Болезнь близкого человека	4	16,8	4,9
Новая семья родителей	3	15,4	3,2
Непоступление в ВУЗ	3	17,3	0,7
Получение прав	3	18	1
Депрессия	3	13,7	1,4
Увольнение с работы	3	20,8	2,3
Первый Бал МГУ	3	17,2	0,7
Армия	3	18	0
Встреча Деда Мороза	3	4,6	1,3
Первая сигарета	3	16,2	2,8
Доклад на конференции	2	20,5	1,5
Рождение ребенка	2	21	0
Золотая медаль	2	17	0
Тонул(а)	2	5	1
Замужество	2	21	1
Предложение замужества	2	19,5	2
Уход из спорта	2	13,5	1,5
Первый концерт	2	16,5	2
Первое воспоминание	2	3,5	1,5
Первая компьютерная игра	2	11,5	2,5
Другое*	43		

* в категорию «Другое» вошли события, указанные респондентами 1 раз

Список высокочастотных воспоминаний, полученный по результатам анализа методики «Линия жизни» на мужской выборке респондентов в возрасте 44-56 лет (N=54).

Воспоминание	Количество упоминаний	Возраст (среднее)	Возраст (ст.откл.)
Рождение детей	38	27,8	2,6
Начало школы (первый класс)	30	7,2	0,9
Поступление в университет	28	19,3	1,8
Свадьба	26	25,9	3,1
Первая влюбленность	20	18,4	2,5
Смерть родственника	20	36,1	18,9
Армия	14	18	0
Окончание школы	11	17,8	1,2
Первая работа	10	17,9	1,2
Путешествие	10	27,6	10,3

Достижение в карьере	8	35,6	4,1
Рождение внуков	7	49,9	2,1
Детский сад	5	4,1	0,6
Покупка недвижимости	5	41,7	3,6
Болезнь близкого человека	4	32,5	4,9
Встреча будущей супруги	4	23,6	2,1
Смена места работы	4	37,5	1,9
Обучение в аспирантуре (поступление в аспирантуру)	4	26,5	2,9
Расставание с девушкой	4	23,5	3,6
Рождение	4	0	0
Достижение в спорте	4	15,8	1,3
Достижения детей (победа в соревновании, на олимпиаде)	4	40,7	2,9
Болезнь	3	27,9	12
Безответная любовь	3	17,5	1,9
Окончание ВУЗа	3	24,5	3
Новое хобби	3	17,5	2,5
Развал СССР	3	26	2
Рождение сиблинга	3	13	2
Свадьба детей	2	49	2
Летний лагерь	2	15,5	2,5
Переезд	2	22	5
Предательство друга	2	16,5	2,5
Развод родителей	2	16	1
Разочарование в друзьях	2	18	1
Смена школы	2	14,5	2
«Трудное детство»	2	6,5	1,5
Увольнение	2	38,5	5,5
Проблемы в браке	2	46	3
Время, проведенное с бабушкой и дедушкой	2	5,5	1,5
Другое*	23		

* в категорию «Другое» вошли события, указанные респондентами 1 раз

Список высокочастотных воспоминаний, полученный по результатам анализа методики «Линия жизни» на женской выборке респондентов в возрасте 41-52 лет (N=78).

Воспоминание	Количество упоминаний	Возраст (среднее)	Возраст (ст.откл.)
Рождение детей	58	25,2	5,6
Смерть близкого человека	57	32,1	16,8
Поступление в ВУЗ	49	18,9	1,8
Свадьба	45	22,5	2,9
Путешествие	36	31,1	14,9
Начало школы (первый класс)	33	6,9	1,1
Смена работы	22	34,8	6,4

Окончание школы (выпускной)	21	17,9	0,9
Первая влюбленность	21	16,6	1,9
Первая работа	20	21,1	1,8
Покупка недвижимости	19	37,8	4,1
Окончание ВУЗа	16	26,3	3,2
Переезд	15	16,9	10,3
Поступление детей в ВУЗ	14	46,3	2,6
Развод	13	38,4	5,6
Болезнь близкого человека	13	36,8	8,7
Постоянная работа	12	29,5	2,9
Рождение	9	0	0
Расставание с любимым человеком	9	21,9	4,1
Встреча будущего мужа	9	19,3	2,4
Рождение сиблинга	8	9,8	4,3
Серьезные романтические отношения	7	21,5	2,7
Болезнь (травма)	7	37,1	6,2
Поступление детей в школу	6	31,1	2,7
Рождение внуков	6	48,5	3,2
Детский сад	5	4,2	0,9
Смена школы	5	11,9	1,4
Summer camp	5	12,6	1,8
Свадьба детей	5	47,1	2,3
Хобби (танцы, пение, рисование и т.д.)	4	15,6	2,2
Непоступление в ВУЗ	4	17,8	1,9
Смерть питомца	4	12,4	2,1
Достижения детей (победа на олимпиаде, золотая медаль в школе и т.д.)	4	36,8	4,1
Новая игрушка (игрушка в подарок, кукла)	4	4,8	1,7
Поступление в пионеры	3	10,3	0,7
Получение второго высшего образования	3	36,4	3,1
Приобретение питомца	3	8,5	1,5
«Тонула»	3	9,5	2,5
Достижение в карьере (повышение)	3	39,5	4,5
Окончание детьми школы	3	45,5	3,5
Ясли	2	3	0,5
Смена учителя в школе	2	12,5	2
Поступление в аспирантуру	2	24,5	1,5
Новый проект на работе	2	39,5	4,5
Декрет	2	26	3
Развод родителей	2	16,5	4,5
Встреча друга/подруги	2	5,5	1
Предательство подруги	2	16,5	2,5
«Разлюбила» человека	2	26,5	7
Первый поцелуй	2	17	2
Плохое поведение детей	2	32	4,5
Отчисление детей из ВУЗа	2	45,5	1,5
Увольнение	2	41	1
Работа за границей	2	39	2
Основание собственного бизнеса (свое дело)	2	43	1,5
Второй брак	2	34,5	2

Выкидыш	2	30,5	3,5
Аборт	2	27	2
Новый велосипед	2	13	2
Новый год в детском саду	2	4,5	0,5
Проблемы с жильем	2	27	3
Другое*	72		

* в категорию «Другое» вошли события, указанные респондентами 1 раз

ПРИЛОЖЕНИЕ 4. Бланк методики «Линия жизни» (Нуркова, 2000).

МОЕ ПРОШЛОЕ

Представьте, что эта линия – Ваша жизнь, от начала до сегодняшнего дня. Пожалуйста, обозначьте самые значимые, наиболее запомнившиеся события. Чем более приятное, радостное, позитивное событие, тем выше отмечайте его от центральной оси времени (поставьте точку и подпишите). И чем оно негативнее, печальнее, неприятнее, – тем ниже. На самой оси обязательно укажите, сколько Вам было лет, когда это событие произошло.

Бланк методики на выявление типичного жизненного сценария (Д. Бернтсен, Д. Рубина, 2004).

ФИО/псевдоним, группа

Представьте, что в тот же день, что и Вы, на свет появился младенец, того же пола, что и Вы. Ему предстоит прожить обычную жизнь в Вашей стране.

Какие семь наиболее значимых событий, по вашему мнению, произойдут в его жизни?

1

2

3

4

5

6

7

Оцените в процентах вероятность наступления каждого из названных событий в его жизни (от 1 до 100%).

Оцените по 7-балльной шкале важность каждого события (1 – совсем не важно, 7 – исключительно важно) и его эмоциональную нагруженность (1- крайне неприятное, 7 – совершенно счастливое).

ПРИЛОЖЕНИЕ 5. Результаты проверки распределений показателей параметров макроструктуры АП на нормальность с применением критерия Колмогорова-Смирнова.

Одновыборочный критерий Колмогорова-Смирнова

		Общее количество воспоминаний	Количество позитивных воспоминаний	Количество негативных воспоминаний	Процент позитивных воспоминаний	Процент негативных воспоминаний	Количество детских воспоминаний
N		102	102	102	102	102	102
Нормальные параметры ^{a,b}	Среднее	15,35	11,21	4,14	72,96	26,94	4,69
	Стд. отклонение	6,925	5,287	2,707	11,921	12,020	2,699
	Модуль	,126	,152	,189	,068	,064	,189
Разности экстремумов	Положительные	,126	,152	,189	,048	,064	,189
	Отрицательные	-,084	-,067	-,127	-,068	-,050	-,119
Статистика Z Колмогорова-Смирнова		1,269	1,535	1,906	,686	,648	1,909
Асимпт. знч. (двухсторонняя)		,080	,018	,001	,735	,795	,001

a. Сравнение с нормальным распределением.

b. Оценивается по данным.

Одновыборочный критерий Колмогорова-Смирнова

		Процент детских воспоминаний	Количество исторических воспоминаний	Процент исторических воспоминаний	Количество воспоминаний о других людях	Процент воспоминаний о других людях	Возраст 1го воспоминания
N		102	102	102	102	102	102
Нормальные параметры ^{a,b}	Среднее	31,44	,03	,11	1,57	10,31	4,82
	Стд. отклонение	13,397	,221	,770	2,017	12,991	2,724
Разности экстремумов	Модуль	,102	,533	,536	,258	,214	,133

Положительные	,102	,533	,536	,258	,195	,133
Отрицательные	-,062	-,447	-,444	-,218	-,214	-,095
Статистика Z Колмогорова-Смирнова	1,031	5,388	5,415	2,606	2,158	1,345
Асимпт. знч. (двухсторонняя)	,238	,000	,000	,000	,000	,054

а. Сравнение с нормальным распределением.

б. Оценивается по данным.

Одновыборочный критерий Колмогорова-Смирнова

	Количество сценарных воспоминаний	Процент сценарных воспоминаний	Количество типичных воспоминаний	Процент типичных воспоминаний	Количество уникальных воспоминаний	Процент уникальных воспоминаний	Количество «фотографич.» воспоминаний
N	100	100	100	100	100	100	56
Нормальные параметры ^{а,б}	Среднее	6,66	46,68	9,60	66,46	5,65	34,09
	Стд. отклонение	2,555	15,037	3,327	14,236	4,691	15,734
	Модуль	,112	,061	,132	,061	,185	,082
Разности экстремумов	Положительные	,112	,061	,132	,033	,185	,082
	Отрицательные	-,083	-,057	-,058	-,061	-,131	-,043
Статистика Z Колмогорова-Смирнова	1,120	,612	1,316	,614	1,851	,817	1,689
Асимпт. знч. (двухсторонняя)	,162	,848	,063	,845	,002	,517	,007

а. Сравнение с нормальным распределением.

б. Оценивается по данным.

Одновыборочный критерий Колмогорова-Смирнова

	Количество обобщенных воспоминаний	Процент «фотографич.» воспоминаний	Процент обобщенных воспоминаний	Расстояние до 1го воспоминания	Протяженность периода детства	Эмоц. амплитуда позитивных воспомин.
N	56	56	56	56	56	56

Нормальные параметры ^{a,b}	Среднее	12,82	13,64	86,70	28,50	62,02	41,85
	Стд. отклонение	6,028	13,303	13,302	27,080	35,816	12,956
	Модуль	,112	,169	,163	,269	,117	,101
Разности экстремумов	Положительные	,112	,169	,159	,269	,117	,101
	Отрицательные	-,078	-,153	-,163	-,170	-,042	-,051
Статистика Z Колмогорова-Смирнова		,838	1,264	1,218	2,012	,877	,741
Асимпт. знч. (двухсторонняя)		,484	,082	,103	,001	,425	,643

a. Сравнение с нормальным распределением.

b. Оценивается по данным.

Одновыборочный критерий Колмогорова-Смирнова

		Эмоц. амплитуда негативных воспомин	Общая эмоц. амплитуда воспомин.	Количество воспом. родителя	Количество позитивных воспоминаний родителя	Количество негативных воспоминаний родителя	Процент позитивных воспоминаний родителя	Процент негативных воспоминаний родителя
N		56	56	102	101	101	101	101
Нормальные параметры ^{a,b}	Среднее	31,27	39,08	15,88	11,11	4,68	71,14	28,86
	Стд. отклонение	19,589	13,414	7,470	4,911	3,328	11,597	11,597
	Модуль	,159	,126	,156	,162	,224	,083	,083
Разности экстремумов	Положительные	,159	,126	,156	,162	,224	,045	,083
	Отрицательные	-,082	-,049	-,110	-,105	-,131	-,083	-,045
Статистика Z Колмогорова-Смирнова		1,156	,924	1,578	1,631	2,256	,838	,838
Асимпт. знч. (двухсторонняя)		,138	,361	,014	,010	,000	,484	,484

a. Сравнение с нормальным распределением.

b. Оценивается по данным.

Одновыборочный критерий Колмогорова-Смирнова

		Возраст 1го воспоминания родителя	Количество детских воспоминаний родителя	Процент детских воспоминаний родителя	Количество исторических воспоминаний родителя	Процент исторических воспоминаний родителя	Количество воспоминаний о других у родителя
N		102	102	102	102	102	102
Нормальные параметры ^{a,b}	Среднее	6,97	2,51	14,77	,15	,80	3,66
	Стд. отклонение	4,988	2,461	9,691	,383	2,176	3,614
	Модуль	,321	,225	,103	,512	,507	,170
Разности экстремумов	Положительные	,321	,225	,103	,512	,507	,170
	Отрицательные	-,135	-,162	-,064	-,350	-,356	-,156
Статистика Z Колмогорова-Смирнова		3,243	2,272	1,039	5,174	5,119	1,718
Асимпт. знч. (двухсторонняя)		,000	,000	,231	,000	,000	,005

a. Сравнение с нормальным распределением.

b. Оценивается по данным.

Одновыборочный критерий Колмогорова-Смирнова

		Процент воспоминаний о других у родителя	Количество сценарных воспоминаний родителя	Процент сценарных воспоминаний родителя	Количество типичных воспоминаний родителя	Процент типичных воспоминаний родителя	Количество уникальных воспоминаний родителя	Процент уникальных воспоминаний родителя
N		102	102	102	102	102	102	101
Нормальные параметры ^{a,b}	Среднее	22,92	8,58	58,06	10,89	72,64	4,91	27,23
	Стд. отклонение	18,227	3,244	15,699	4,022	15,085	4,638	15,141
	Модуль	,141	,154	,069	,114	,101	,198	,113
Разности экстремумов	Положительные	,141	,154	,063	,114	,048	,198	,113
	Отрицательные	-,104	-,115	-,069	-,084	-,101	-,145	-,046
Статистика Z Колмогорова-Смирнова		1,423	1,557	,697	1,150	1,025	2,003	1,135
Асимпт. знч. (двухсторонняя)		,035	,016	,716	,142	,245	,001	,152

а. Сравнение с нормальным распределением.

б. Оценивается по данным.

Одновыборочный критерий Колмогорова-Смирнова

		Количество «фотографич.» воспоминаний родителя	Количество обобщенных воспоминани й родителя	Процент «фотографич.» воспоминаний родителя	Процент обобщенных воспоминаний родителя	Расстояние до 1го воспоминания родителя	Протяженность детства родителя
N		64	64	64	64	64	64
Нормальные параметры ^{а,б}	Среднее	1,38	14,42	7,78	92,34	23,98	39,66
	Стд. отклонение	2,035	6,859	10,474	10,397	17,880	27,572
	Модуль	,297	,138	,318	,316	,124	,081
Разности экстремумов	Положительные	,297	,138	,318	,231	,124	,081
	Отрицательные	-,250	-,096	-,229	-,316	-,101	-,075
Статистика Z Колмогорова-Смирнова		2,378	1,104	2,545	2,529	,991	,649
Асимпт. знч. (двухсторонняя)		,000	,175	,000	,000	,279	,794

а. Сравнение с нормальным распределением.

б. Оценивается по данным.

Одновыборочный критерий Колмогорова-Смирнова

		Эмоцион. амплитуда позитивных воспомин. родителя	Эмоционал. амплитуда негативных воспомин. родителя	Общая эмоц. амплитуда воспомин. родителя	Количество воспоминаний о родителе	Количество позитивных воспоминаний о родителе	Количество негативных воспоминаний о родителе	Процент позитивных воспоминаний о родителе
N		64	64	64	102	102	102	102
Нормальные параметры ^{а,б}	Среднее	45,74	35,24	42,34	13,72	10,20	3,49	75,23
	Стд. отклонение	15,777	15,240	13,208	4,600	3,401	2,076	10,864

	Модуль	,144	,081	,133	,113	,112	,191	,067
Разности экстремумов	Положительные	,144	,060	,133	,113	,112	,191	,063
	Отрицательные	-,062	-,081	-,060	-,053	-,068	-,096	-,067
Статистика Z Колмогорова-Смирнова		1,134	,640	1,045	1,137	1,136	1,933	,679
Асимпт. знч. (двухсторонняя)		,153	,807	,225	,150	,152	,001	,746

а. Сравнение с нормальным распределением.

б. Оценивается по данным.

Одновыборочный критерий Колмогорова-Смирнова

	Процент негативных воспоминаний о родителе	Возраст 1го воспоминания о родителе	Количество детских воспоминаний о родителе	Процент детских воспоминаний о родителе	Количество исторических воспоминаний о родителе	Процент исторических воспоминаний о родителе
N	102	102	102	102	102	102
Нормальные параметры ^{а,б}						
Среднее	24,76	9,72	1,46	10,52	,09	,67
Стд. отклонение	10,878	7,438	1,279	9,065	,318	2,826
Модуль	,067	,309	,239	,123	,531	,515
Разности экстремумов						
Положительные	,067	,309	,239	,122	,531	,515
Отрицательные	-,063	-,145	-,127	-,123	-,391	-,407
Статистика Z Колмогорова-Смирнова	,674	3,124	2,410	1,242	5,362	5,199
Асимпт. знч. (двухсторонняя)	,754	,000	,000	,092	,000	,000

а. Сравнение с нормальным распределением.

б. Оценивается по данным.

Одновыборочный критерий Колмогорова-Смирнова

		Количество воспоминаний о других людях о родителе	Процент воспоминаний о других людях о родителе	Количество сценарных воспоминаний о родителе	Процент сценарных воспоминаний о родителе	Количество типичных воспоминаний о родителе	Процент типичных воспоминаний о родителе	Количество уникальных воспоминаний о родителе
N		102	102	102	102	102	102	102
Нормальные параметры ^{a,b}	Среднее	2,46	17,45	7,60	57,32	10,08	75,19	3,62
	Стд. отклонение	2,484	17,181	2,557	15,727	3,130	14,445	2,822
	Модуль	,183	,155	,122	,120	,090	,099	,185
Разности экстремумов	Положительные	,183	,148	,122	,120	,090	,063	,185
	Отрицательные	-,161	-,155	-,113	-,050	-,074	-,099	-,128
Статистика Z Колмогорова-Смирнова		1,843	1,564	1,231	1,213	,907	1,002	1,865
Асимпт. знч. (двухсторонняя)		,002	,015	,097	,105	,383	,268	,002

a. Сравнение с нормальным распределением.

b. Оценивается по данным.

Одновыборочный критерий Колмогорова-Смирнова

		Процент уникальных воспоминаний о родителе	Количество «фотографич.» воспоминаний о родителе	Количество обобщенных воспоминаний о родителе	Процент «фотографич.» воспоминаний о родителе	Процент обобщенных воспоминаний о родите	Расстояние до 1го воспоминания о родителе	Протяженность детства о родителе
N		102	67	67	67	67	67	67
Нормальные параметры ^{a,b}	Среднее	24,64	,40	12,70	3,03	96,94	32,58	28,96
	Стд. отклонение	14,136	,698	4,068	5,715	5,752	22,378	27,516
	Модуль	,091	,420	,077	,403	,404	,128	,197
Разности экстремумов	Положительные	,091	,420	,077	,403	,297	,128	,197
	Отрицательные	-,061	-,282	-,073	-,298	-,404	-,101	-,146
Статистика Z Колмогорова-Смирнова		,917	3,436	,631	3,303	3,308	1,048	1,612
Асимпт. знч. (двухсторонняя)		,370	,000	,821	,000	,000	,223	,011

a. Сравнение с нормальным распределением.

b. Оценивается по данным.

Одновыборочный критерий Колмогорова-Смирнова

		Эмоциональная амплитуда позитивных воспоминаний о родителе	Эмоциональная амплитуда негативных воспоминаний о родителе	Общая эмоциональная амплитуда воспоминаний о родителе
N		67	67	67
Нормальные параметры ^{a,b}	Среднее	38,73	33,62	37,90
	Стд. отклонение	11,534	15,420	11,683
	Модуль	,104	,106	,112
Разности экстремумов	Положительные	,087	,106	,110
	Отрицательные	-,104	-,048	-,112
Статистика Z Колмогорова-Смирнова		,838	,847	,904
Асимпт. знч. (двухсторонняя)		,484	,470	,387

a. Сравнение с нормальным распределением.

b. Оценивается по данным.

ПРИЛОЖЕНИЕ 6.

Результаты сравнения средних показателей параметров макроструктуры АП участников исследования в возрасте 17-21 года и участников исследования в возрасте 37-64 лет с применением t-критерия Стьюдента, критерия Манна-Уитни и критерия хи-квадрат Пирсона.

	Общее количество воспоминаний	Количество позитивных воспоминаний	Количество негативных воспоминаний
Статистика U Манна-Уитни	5020,000	5050,000	4735,000
Статистика W Уилкоксона	10273,000	10303,000	9988,000
Z	-,433	-,242	-1,006
Асимпт. знч. (двухсторонняя)	,665	,809	,315

	Возраст первого воспоминания	Процент позитивных воспоминаний	Процент негативных воспоминаний
Статистика U Манна-Уитни	3502,000	4679,000	4662,500
Статистика W Уилкоксона	8755,000	9830,000	9915,500
Z	-4,073	-1,129	-1,168
Асимпт. знч. (двухсторонняя)	,000	,259	,243

	Количество исторических воспоминаний	Процент исторических воспоминаний	Количество воспоминаний о других людях	Процент воспоминаний о других людях	Количество сценарных воспоминаний
Статистика U Манна-Уитни	4596,000	4591,000	2651,500	2554,000	3160,000
Статистика W Уилкоксона	9849,000	9844,000	7904,500	7807,000	8210,000
Z	-3,086	-3,109	-6,147	-6,322	-4,705
Асимпт. знч. (двухсторонняя)	,002	,002	,000	,000	,000

	Процент сценарных воспоминаний	Количество типичных воспоминаний	Процент типичных воспоминаний	Количество уникальных воспоминаний	Процент уникальных воспоминаний
Статистика U Манна-Уитни	3018,500	4055,500	3888,500	4318,000	3815,500

Статистика W Уилкоксона	8068,500	9105,500	8938,500	9571,000	8966,500
Z	-5,015	-2,525	-2,918	-1,893	-2,996
Асимпт. знч. (двухсторонняя)	,000	,012	,004	,058	,003

	Количество «фотограф.» воспоминаний	Процент «фотографич.» воспоминаний	Расстояние до первого воспоминания	Оперативное автобиогр. прошлое
Статистика U Манна-Уитни	1356,000	1317,000	1887,500	1949,500
Статистика W Уилкоксона	3436,000	3397,000	3776,500	3625,500
Z	-2,408	-2,614	-,503	-1,297
Асимпт. знч. (двухсторонняя)	,016	,009	,615	,405

		N	Среднее	Стд. откло нение	Стд. Ошиб ка	95% доверительный интервал для среднего		Миним ум	Максим ум
						Нижняя граница	Верхняя граница		
Общее количество воспоминаний	1,00	102	15,35	6,925	,686	13,99	16,71	4	47
	2,00	102	15,88	7,470	,740	14,42	17,35	6	53
Количество позитивных воспоминаний	1,00	102	11,21	5,287	,523	10,17	12,24	3	28
	2,00	101	11,11	4,911	,489	10,14	12,08	2	33
Количество негативных воспоминаний	1,00	102	4,14	2,707	,268	3,61	4,67	0	19
	2,00	101	4,68	3,328	,331	4,03	5,34	0	20
Процент позитивных воспоминаний	1,00	102	72,96	11,921	1,180	70,62	75,30	37	100
	2,00	101	71,14	11,597	1,154	68,85	73,43	29	100
Процент негативных воспоминаний	1,00	102	26,94	12,020	1,190	24,58	29,30	0	63
	2,00	101	28,86	11,597	1,154	26,57	31,15	0	71
Возраст первого воспоминания	1,00	102	4,82	2,724	,270	4,28	5,35	1	16
	2,00	102	6,97	4,988	,494	5,99	7,95	1	28
Количество воспоминаний до 12 лет	1,00	102	4,69	2,699	,267	4,16	5,22	0	17
	2,00	102	2,51	2,461	,244	2,03	2,99	0	15

Процент воспоминаний до 12 лет	1,00	102	31,44	13,397	1,326	28,81	34,07	0	75
	2,00	102	14,77	9,691	,960	12,87	16,68	0	43

Количество исторических воспоминаний	1,00	102	,03	,221	,022	-,01	,07	0	2
	2,00	102	,15	,383	,038	,07	,22	0	2
Процент исторических воспоминаний	1,00	102	,11	,770	,076	-,04	,26	0	6
	2,00	102	,80	2,176	,215	,38	1,23	0	12
Количество воспоминаний о других людях	1,00	102	1,57	2,017	,200	1,17	1,96	0	10
	2,00	102	3,66	3,614	,358	2,95	4,37	0	24
Процент воспоминаний о других людях	1,00	102	10,31	12,991	1,286	7,76	12,87	0	62
	2,00	102	22,92	18,227	1,805	19,34	26,50	0	100
Количество сценарных воспоминаний	1,00	100	6,66	2,555	,256	6,15	7,17	2	16
	2,00	102	8,58	3,244	,321	7,94	9,22	2	28
Процент сценарных воспоминаний	1,00	100	46,68	15,037	1,504	43,70	49,66	18	100
	2,00	102	58,06	15,699	1,554	54,98	61,14	19	100
Количество типичных воспоминаний	1,00	100	9,60	3,327	,333	8,94	10,26	3	18
	2,00	102	10,89	4,022	,398	10,10	11,68	4	35

Процент типичных воспоминаний	1,00	100	66,46	14,236	1,424	63,64	69,28	30	100
	2,00	102	72,64	15,085	1,494	69,67	75,60	31	100
Количество уникальных воспоминаний	1,00	100	5,65	4,691	,469	4,72	6,58	0	33
	2,00	102	4,91	4,638	,459	4,00	5,82	0	25
Процент уникальных воспоминаний	1,00	100	34,09	15,734	1,573	30,97	37,21	0	100
	2,00	101	27,23	15,141	1,507	24,24	30,22	0	69
Количество «фотограф.» воспоминаний	1,00	56	2,54	3,368	,450	1,63	3,44	0	18
	2,00	64	1,38	2,035	,254	,87	1,88	0	8
Количество обобщенных воспоминаний	1,00	56	12,82	6,028	,805	11,21	14,44	4	29
	2,00	64	14,42	6,859	,857	12,71	16,14	5	45
Процент «фотограф.» воспоминаний	1,00	56	13,64	13,303	1,778	10,08	17,21	0	58
	2,00	64	7,78	10,474	1,309	5,17	10,40	0	36
Процент	1,00	56	86,70	13,302	1,778	83,13	90,26	42	100

обобщенных воспоминаний	2,00	64	92,34	10,397	1,300	89,75	94,94	64	100
Расстояние до первого воспоминания	1,00	56	28,50	27,080	3,619	21,25	35,75	0	135
	2,00	64	23,98	17,880	2,235	19,52	28,45	0	112
Расстояние детство	1,00	56	62,02	35,816	4,786	52,43	71,61	0	173
	2,00	64	39,66	27,572	3,447	32,77	46,54	0	114

Расстояние от детства до актуального возраста	1,00	56	124,09	48,846	6,527	111,01	137,17	8	232
	2,00	64	106,80	70,458	8,807	89,20	124,40	0	256
Позитивная амплитуда	1,00	56	41,85	12,956	1,763	38,32	45,39	17	78
	2,00	64	45,74	15,777	2,004	41,73	49,75	17	96
Негативная амплитуда	1,00	56	31,27	19,589	2,691	25,87	36,67	0	109
	2,00	64	35,24	15,240	1,935	31,37	39,11	0	65
Общая эмоц. амплитуда	1,00	56	39,08	13,414	1,825	35,42	42,74	16	86
	2,00	64	42,34	13,208	1,677	38,98	45,69	16	81

Таблица сопряженности для параметра «Наличие воспоминания «Рождение»»				
Частота				
		Группа: дети-1, родители-2		Итого
		1,00	2,00	
«Рождение»	0-нет	60	75	135
	1-есть	42	27	69
Итого		102	102	204

Критерии хи-квадрат для параметра «Наличие воспоминания «Рождение»»					
	Значение	ст.св.	Асимпт. значимость (2-стор.)	Точная значимость (2-стор.)	Точная значимость (1-стор.)
Хи-квадрат Пирсона	4,928 ^a	1	,026		
Поправка на непрерывность ^b	4,292	1	,038		
Отношение правдоподобия	4,957	1	,026		
Точный критерий Фишера				,038	,019
Линейно-линейная связь	4,903	1	,027		
Кол-во валидных наблюдений	204				

а. В 0 (0,0%) ячейках ожидаемая частота меньше 5. Минимальная ожидаемая частота равна 34,50.

б. Вычисляется только для таблицы 2х2.

Наличие воспоминания «Рождение» у респондентов 17-21 года					
		Частота	Процент	Валидный процент	Накопленный процент
Валидные	0-нет	60	58,8	58,8	58,8
	1-есть	42	41,2	41,2	100,0
	Итого	102	100,0	100,0	

Наличие воспоминания «Рождение» у респондентов 37-64 лет					
		Частота	Процент	Валидный процент	Накопленный процент
Валидные	0-нет	75	73,5	73,5	73,5
	1-есть	27	26,5	26,5	100,0
	Итого	102	100,0	100,0	

	Позитивная амплитуда	Негативная амплитуда	Общая эмоц. амплитуда
t-критерий Стьюдента	1,438	1,22	1,317
Асимпт. знч. (двухсторонняя)	0,153	0,225	0,19

	Количество обобщенных воспоминаний	Процент типичных АВ	Процент детских АВ
t-критерий Стьюдента	1,349	2,992	2,58
Асимпт. знч. (двухсторонняя)	0,18	0,003	0,01

	Протяженность периода детства
t-критерий Стьюдента	2,61
Асимпт. знч. (двухсторонняя)	0,01

Результаты сравнения средних показателей параметров описания личного прошлого участников исследования в возрасте 17-21 года и описания родительского прошлого участниками исследования в возрасте 17-21 года с

применением t-критерия Стьюдента, критерия Манна-Уитни и критерия хи-квадрат Пирсона.

	Общее количество воспоминаний	Количество позитивных воспоминаний	Количество негативных воспоминаний	Процент позитивных воспоминаний	Процент негативных воспоминаний
Статистика U Манна-Уитни	4628,000	4930,000	4416,000	4671,000	4696,500
Статистика W Уилкоксона	9881,000	10183,000	9669,000	9924,000	9949,500
Z	-1,365	-,647	-1,887	-1,260	-1,200
Асимпт. знч. (двухсторонняя)	,172	,517	,059	,208	,230

	Возраст первого воспоминания	Количество воспоминаний до 12 лет	Процент воспоминаний до 12 лет	Количество исторических воспоминаний
Статистика U Манна-Уитни	2200,000	1117,000	955,000	4899,000
Статистика W Уилкоксона	7453,000	6370,000	6208,000	10152,000
Z	-7,190	-9,790	-10,089	-1,921
Асимпт. знч. (двухсторонняя)	,000	,000	,000	,055

	Процент исторических воспоминаний	Количество воспоминаний о других людях	Процент воспоминаний о других людях	Количество сценарных воспоминаний	Процент сценарных воспоминаний
Статистика U Манна-Уитни	4894,000	3940,500	3714,000	3987,000	3150,500
Статистика W Уилкоксона	10147,000	9193,500	8967,000	9037,000	8200,500
Z	-1,953	-3,066	-3,573	-2,705	-4,697
Асимпт. знч. (двухсторонняя)	,051	,002	,000	,007	,000

	Количество типичных воспоминаний	Процент типичных воспоминаний	Количество уникальных воспоминаний	Процент уникальных воспоминаний	Количество «фотографич.» воспоминаний
Статистика U Манна-Уитни	4589,000	3238,500	3485,500	3216,000	943,500

Статистика W Уилкоксона	9639,000	8288,500	8738,500	8469,000	3221,500
Z	-1,236	-4,484	-3,914	-4,538	-5,156
Асимпт. знч. (двухсторонняя)	,217	,000	,000	,000	,000

	Процент «фотогр.» воспоминан ий	Расстояние до первого воспоминания	Расстояние детство
Статистика U Манна-Уитни	916,500	1509,000	872,000
Статистика W Уилкоксона	3194,500	3105,000	3150,000
Z	-5,279	-1,865	-5,121
Асимпт. знч. (двухсторонняя)	,000	,062	,000

	Расстояние от детства до актуального возраста	Позитивная амплитуда	Негативная амплитуда	Общая эмоц. амплитуда
Статистика U Манна-Уитни	1574,000	1604,000	1461,500	1718,500
Статистика W Уилкоксона	3852,000	3749,000	2892,500	3863,500
Z	-1,534	-,806	-1,284	-,195
Асимпт. знч. (двухсторонняя)	,125	,420	,199	,845
а. Группирующая переменная: возраст респондентов				

Результаты сравнения средних показателей параметров описания личного прошлого участников исследования в возрасте 34-67 лет и описания родительского прошлого участниками исследования в возрасте 17-21 года с применением t-критерия Стьюдента, критерия Манна-Уитни и критерия хи-квадрат Пирсона.

	Общее количество воспоминани й	Количество позитивных воспоминани й	Количество негативных воспоминаний	Процент позитивных воспоминаний	Процент негативных воспоминаний
Статистика U Манна-Уитни	4383,000	4762,000	4007,500	4154,500	4153,000
Статистика W Уилкоксона	9636,000	10015,000	9260,500	9305,500	9406,000

Z	-1,947	-,934	-2,762	-2,383	-2,387
Асимпт. знч. (двухсторонняя)	,052	,350	,006	,017	,017

	Возраст первого воспоминани я	Количество воспоминани й до 12 лет	Процент воспоминаний до 12 лет	Количество исторических воспоминаний
Статистика U Манна-Уитни	3713,000	3714,000	3839,000	4899,000
Статистика W Уилкоксона	8966,000	8967,000	9092,000	10152,000
Z	-3,596	-3,625	-3,244	-1,337
Асимпт. знч. (двухсторонняя)	,000	,000	,001	,181

	Процент исторических воспоминани й	Количество воспоминани й о других людях	Процент воспоминаний о других людях	Количество сценарных воспоминаний	Процент сценарных воспоминаний
Статистика U Манна-Уитни	4908,000	3892,500	4031,000	4267,000	5029,000
Статистика W Уилкоксона	10161,000	9145,500	9284,000	9520,000	10282,000
Z	-1,295	-3,141	-2,785	-2,237	-,411
Асимпт. знч. (двухсторонняя)	,195	,002	,005	,025	,681

	Количество типичных воспоминани й	Процент типичных воспоминаний	Количество уникальных воспоминаний	Процент уникальных воспоминаний	Количество «фотографич.» воспоминаний
Статистика U Манна-Уитни	4641,500	4619,500	4445,500	4606,000	1665,000
Статистика W Уилкоксона	9894,500	9872,500	9698,500	9859,000	3943,000
Z	-1,336	-1,383	-1,809	-1,303	-2,550
Асимпт. знч. (двухсторонняя)	,182	,167	,070	,193	,011

	Количество обобщенных воспоминани й	Процент фотограф. воспоминаний	Процент обобщенных воспоминаний	Расстояние до первого воспоминания	Расстояние детство
Статистика U Манна-Уитни	1912,000	1663,500	1672,500	1608,000	1660,000

Статистика W Уилкоксона	4190,000	3941,500	3752,500	3688,000	3938,000
Z	-1,071	-2,547	-2,499	-2,469	-2,247
Асимпт. знч. (двухсторонняя)	,284	,011	,012	,014	,025

	Расстояние от детства до актуального возраста	Позитивная амплитуда	Негативная амплитуда	Общая эмоц. амплитуда
Статистика U Манна-Уитни	2104,000	1578,500	1764,500	1654,000
Статистика W Уилкоксона	4382,000	3723,500	3844,500	3799,000
Z	-,184	-2,106	-1,071	-1,742
Асимпт. знч. (двухсторонняя)	,854	,035	,284	,082

		N	Среднее	Стд. откло нение	Стд. Ошиб ка	95% доверительный интервал для среднего		Миним ум	Максим ум
						Нижняя граница	Верхняя граница		
Общее количество воспоминаний	2,00	102	15,88	7,470	,740	14,42	17,35	6	53
	3,00	102	13,72	4,600	,455	12,81	14,62	6	30
	Итого	306	14,98	6,498	,371	14,25	15,71	4	53
Количество позитивных воспоминаний	2,00	101	11,11	4,911	,489	10,14	12,08	2	33
	3,00	102	10,20	3,401	,337	9,53	10,86	4	21
	Итого	305	10,84	4,612	,264	10,32	11,36	2	33
Количество негативных воспоминаний	2,00	101	4,68	3,328	,331	4,03	5,34	0	20
	3,00	102	3,49	2,076	,206	3,08	3,90	0	10
	Итого	305	4,10	2,784	,159	3,79	4,42	0	20
Процент позитивных воспоминаний	2,00	101	71,14	11,597	1,154	68,85	73,43	29	100
	3,00	102	75,23	10,864	1,076	73,09	77,36	50	100
	Итого	305	73,11	11,553	,662	71,81	74,42	29	100
Процент негативных воспоминаний	2,00	101	28,86	11,597	1,154	26,57	31,15	0	71
	3,00	102	24,76	10,878	1,077	22,63	26,90	0	50
	Итого	305	26,85	11,592	,664	25,54	28,16	0	71
Возраст первого воспоминания	2,00	102	6,97	4,988	,494	5,99	7,95	1	28
	3,00	102	9,72	7,438	,736	8,26	11,18	1	55
	Итого	306	7,17	5,749	,329	6,52	7,82	1	55
Количество воспоминаний до 12 лет	2,00	102	2,51	2,461	,244	2,03	2,99	0	15
	3,00	102	1,46	1,279	,127	1,21	1,71	0	5
	Итого	306	2,89	2,602	,149	2,59	3,18	0	17
Процент воспоминаний	2,00	102	14,77	9,691	,960	12,87	16,68	0	43
	3,00	102	10,52	9,065	,898	8,74	12,30	0	37

до 12 лет	Итого	306	18,91	14,125	,807	17,32	20,50	0	75
Количество исторических воспоминаний	2,00	102	,15	,383	,038	,07	,22	0	2
	3,00	102	,09	,318	,031	,03	,15	0	2
	Итого	306	,09	,317	,018	,05	,12	0	2

Процент исторических воспоминаний	2,00	102	,80	2,176	,215	,38	1,23	0	12
	3,00	102	,67	2,826	,280	,11	1,22	0	22
	Итого	306	,53	2,121	,121	,29	,76	0	22
Количество воспоминаний о других людях	2,00	102	3,66	3,614	,358	2,95	4,37	0	24
	3,00	102	2,46	2,484	,246	1,97	2,95	0	12
	Итого	306	2,56	2,907	,166	2,24	2,89	0	24
Процент воспоминаний о других людях	2,00	102	22,92	18,227	1,805	19,34	26,50	0	100
	3,00	102	17,45	17,181	1,701	14,08	20,83	0	86
	Итого	306	16,90	17,041	,974	14,98	18,81	0	100
Количество сценарных воспоминаний	2,00	102	8,58	3,244	,321	7,94	9,22	2	28
	3,00	102	7,60	2,557	,253	7,10	8,10	2	16
	Итого	304	7,62	2,904	,167	7,29	7,95	2	28
Процент сценарных воспоминаний	2,00	102	58,06	15,699	1,554	54,98	61,14	19	100
	3,00	102	57,32	15,727	1,557	54,23	60,41	21	100
	Итого	304	54,07	16,292	,934	52,23	55,91	18	100
Количество типичных воспоминаний	2,00	102	10,89	4,022	,398	10,10	11,68	4	35
	3,00	102	10,08	3,130	,310	9,46	10,69	3	18
	Итого	304	10,19	3,544	,203	9,79	10,59	3	35
Процент типичных воспоминаний	2,00	102	72,64	15,085	1,494	69,67	75,60	31	100
	3,00	102	75,19	14,445	1,430	72,35	78,02	29	100
	Итого	304	71,46	15,000	,860	69,77	73,15	29	100
Количество уникальных воспоминаний	2,00	102	4,91	4,638	,459	4,00	5,82	0	25
	3,00	102	3,62	2,822	,279	3,06	4,17	0	15
	Итого	304	4,72	4,210	,241	4,25	5,20	0	33
Процент уникальных воспоминаний	2,00	101	27,23	15,141	1,507	24,24	30,22	0	69
	3,00	102	24,64	14,136	1,400	21,86	27,41	0	67
	Итого	303	28,62	15,485	,890	26,87	30,37	0	100

Количество «фотографич.» воспоминаний	2,00	64	1,38	2,035	,254	,87	1,88	0	8
	3,00	67	,40	,698	,085	,23	,57	0	3
	Итого	187	1,37	2,383	,174	1,03	1,72	0	18
Количество обобщенных воспоминаний	2,00	64	14,42	6,859	,857	12,71	16,14	5	45
	3,00	67	12,70	4,068	,497	11,71	13,69	4	27
	Итого	187	13,33	5,760	,421	12,50	14,16	4	45
Процент «фотографич.» воспоминаний	2,00	64	7,78	10,474	1,309	5,17	10,40	0	36
	3,00	67	3,03	5,715	,698	1,64	4,42	0	33
	Итого	187	7,83	10,934	,800	6,26	9,41	0	58
Процент обобщенных	2,00	64	92,34	10,397	1,300	89,75	94,94	64	100
	3,00	67	96,94	5,752	,703	95,54	98,34	67	100

воспоминаний	Итого	187	92,30	10,858	,794	90,73	93,87	42	100
Расстояние до первого воспоминания	2,00	64	23,98	17,880	2,235	19,52	28,45	0	112
	3,00	67	32,58	22,378	2,734	27,12	38,04	4	120
	Итого	187	28,42	22,712	1,661	25,14	31,69	0	135
Расстояние детство	2,00	64	39,66	27,572	3,447	32,77	46,54	0	114
	3,00	67	28,96	27,516	3,362	22,24	35,67	0	92
	Итого	187	42,52	33,001	2,413	37,76	47,28	0	173
Расстояние от детства до актуального возраста	2,00	64	106,80	70,458	8,807	89,20	124,40	0	256
	3,00	67	106,30	82,311	10,056	86,22	126,38	0	256
	Итого	187	111,80	69,685	5,096	101,74	121,85	0	256
Позитивная амплитуда	2,00	64	45,74	15,777	2,004	41,73	49,75	17	96
	3,00	67	38,73	11,534	1,431	35,87	41,59	14	79
	Итого	187	42,06	13,775	1,024	40,04	44,08	14	96
Негативная амплитуда	2,00	64	35,24	15,240	1,935	31,37	39,11	0	65
	3,00	67	33,62	15,420	1,927	29,77	37,47	0	91
	Итого	187	33,49	16,685	1,247	31,03	35,95	0	109

Общая эмоц. амплитуда	2,00	64	42,34	13,208	1,677	38,98	45,69	16	81
	3,00	67	37,90	11,683	1,449	35,01	40,80	15	82
	Итого	187	39,77	12,818	,953	37,89	41,65	15	86

Таблица сопряженности для параметра «Наличие воспоминания «Рождение»»				
Частота				
		Группа: родители-2, о родителях-3		Итого
		2,00	3,00	
«Рождение»	0-нет	75	62	137
	1-есть	27	40	67
Итого		102	102	204

Критерии хи-квадрат для параметра «Наличие воспоминания «Рождение»»					
	Значение	ст.св.	Асимпт. значимость (2-стор.)	Точная значимость (2-стор.)	Точная значимость (1-стор.)
Хи-квадрат Пирсона	3,756 ^a	1	,053		
Поправка на непрерывность ^b	3,200	1	,074		
Отношение правдоподобия	3,774	1	,052		
Точный критерий Фишера				,073	,037
Линейно-линейная связь	3,738	1	,053		

Кол-во валидных наблюдений	204				
а. В 0 (0,0%) ячейках ожидаемая частота меньше 5. Минимальная ожидаемая частота равна 33,50.					
б. Вычисляется только для таблицы 2х2.					

Наличие воспоминания «Рождение» у респондентов 37-64 лет					
		Частота	Процент	Валидный процент	Накопленный процент
Валидные	0	75	73,5	73,5	73,5
	1	27	26,5	26,5	100,0
	Итого	102	100,0	100,0	

Наличие воспоминания «Рождение» в истории о родителях					
		Частота	Процент	Валидный процент	Накопленный процент
Валидные	0	62	60,8	60,8	60,8
	1	40	39,2	39,2	100,0
	Итого	102	100,0	100,0	

ПРИЛОЖЕНИЕ 7. Описательная статистика коэффициентов диадного сходства.

	N	Минимум	Максимум	Среднее	Стд. отклонение	Коэффициент вариации
k1_Количество воспоминаний	101	,267	3,750	1,07540	,561654	52,22767
k1_Количество позитивных воспоминаний	101	,273	5,000	1,13064	,679334	60,08412
k1_Количество негативных воспоминаний	101	0,000	5,000	1,10654	,882547	79,75739
k1_Процент позитивных воспоминаний	101	,569	2,034	1,04986	,222586	21,20151
k1_Процент негативных воспоминаний	101	0,000	3,500	1,05313	,665416	63,18482
k1_Наличие воспоминания «Рождение»	102	0,000	1,000	,69608	,462221	66,40352
k1_Возраст первого воспоминания	102	,071	10,000	1,09222	1,464675	134,1005
k1_Количество воспоминаний о детстве	102	0,000	10,000	2,33091	2,124592	91,14878
k1_Процент воспоминаний о детстве	102	0,000	14,750	2,42187	2,369460	97,83596

k1_Количество исторических воспоминаний	102	0,000	1,000	,84314	,365467	43,34611
k1_Процент исторических воспоминаний	102	0,000	1,000	,84314	,365467	43,34611
k1_Количество воспоминаний о других людях	102	0,000	3,333	,47336	,547574	115,679
k1_Процент воспоминаний о других людях	102	0,000	2,667	,46177	,507246	109,8471
k1_Количество сценарных воспоминаний	100	,200	2,750	,84376	,393385	46,62307
k1_Процент сценарных воспоминаний	100	,250	3,227	,86782	,414997	47,82086
k1_Количество типичных воспоминаний	100	,300	3,600	,96756	,474690	49,06053
k1_Процент типичных воспоминаний	100	,458	2,290	,95237	,301426	31,64995
k1_Количество уникальных воспоминаний	100	0,000	9,000	1,61426	1,783881	110,5074
k1_Процент уникальных воспоминаний	99	0,000	4,700	1,37188	,952277	69,41387
k1_Количество «фотографических» воспоминаний	56	0,000	6,000	1,02421	1,226089	119,7102
k1_Количество обобщенных воспоминаний	56	,250	3,429	1,03778	,598732	57,69326
k1_Процент «фотографических» воспоминаний	56	0,000	5,500	,99474	1,092456	109,8229
k1_Процент обобщенных воспоминаний	56	,568	1,493	,94222	,158367	16,80776
k1_Расстояние до первого воспоминания	56	0,000	33,000	2,08388	4,603187	220,8953
k1_Расстояние от первого воспоминания до последнего воспоминания периода детства	56	0,000	4,941	1,29471	1,232091	95,16319
k1_Расстояние от последнего воспоминания периода детства до последнего воспоминания актуального возраста	56	0,000	13,467	2,01117	2,754486	136,9595
k1_Эмоциональная амплитуда позитивных воспоминаний	56	,476	1,750	,94834	,292018	30,7924
k1_Эмоциональная амплитуда негативных воспоминаний	56	0,000	2,444	,89142	,527497	59,17481
k1_Общая эмоциональная амплитуда	56	,438	1,863	,93131	,281796	30,25816

	N	Минимум	Максимум	Среднее	Стд. отклонение	Коэффициент вариации
k2_Количество воспоминаний	102	,364	4,375	1,18957	,588952	49,50982
k2_Количество позитивных воспоминаний	102	,300	3,500	1,16723	,593579	50,85378
k2_Количество негативных воспоминаний	102	0,000	14,000	1,59386	1,673158	104,9754

k2_ Процент позитивных воспоминаний	102	,474	1,525	,98375	,184876	18,79298
k2_ Процент негативных воспоминаний	102	0,000	5,000	1,29829	,818340	63,03217
k2_ Наличие воспоминания «Рождение»	102	0,000	1,000	,70588	,457895	64,86849
k2_ Возраст первого воспоминания	102	,050	4,286	,74006	,747061	100,9463
k2_ Количество воспоминаний о детстве	102	0,000	17,000	2,42941	2,661247	109,5428
k2_ Процент воспоминаний о детстве	102	0,000	11,800	2,34203	2,300507	98,22717
k2_ Количество исторических воспоминаний	102	0,000	1,000	,90196	,298836	33,13183
k2_ Процент исторических воспоминаний	102	0,000	1,000	,90196	,298836	33,13183
k2_ Количество воспоминаний о других людях	102	0,000	3,000	,54071	,598465	110,6804
k2_ Процент воспоминаний о других людях	102	0,000	2,875	,49983	,556902	111,4181
k2_ Количество сценарных воспоминаний	100	,273	4,000	,95871	,514595	53,67582
k2_ Процент сценарных воспоминаний	100	,260	3,318	,88376	,428803	48,5205
k2_ Количество типичных воспоминаний	100	,375	3,000	1,02622	,474324	46,22058
k2_ Процент типичных воспоминаний	100	,370	2,483	,91969	,297946	32,39621
k2_ Количество уникальных воспоминаний	100	0,000	8,000	1,96130	1,895851	96,66301
k2_ Процент уникальных воспоминаний	100	0,000	6,625	1,61984	1,255525	77,50905
k2_ Количество «фотографических» воспоминаний	56	0,000	11,000	1,26488	2,136687	168,924
k2_ Количество обобщенных воспоминаний	56	,267	3,857	1,09123	,606545	55,58343
k2_ Процент «фотографических» воспоминаний	56	0,000	7,667	1,08464	1,577448	145,4351
k2_ Процент обобщенных воспоминаний	56	,472	1,493	,90231	,156999	17,39963
k2_ Расстояние до первого воспоминания	56	0,000	7,000	1,23454	1,282364	103,8742
k2_ Расстояние от первого воспоминания до последнего воспоминания периода детства	56	0,000	13,250	1,36408	1,945582	142,6292
k2_ Расстояние от последнего воспоминания периода детства до последнего воспоминания актуального возраста	56	0,000	7,731	1,84164	2,014300	109,3754
k2_ Эмоциональная амплитуда позитивных воспоминаний	56	,521	2,429	1,10969	,374354	33,73508

k2_ Эмоциональная амплитуда негативных воспоминаний	56	0,000	4,100	,98232	,579496	58,99246
k2_ Общая эмоциональная амплитуда	56	,507	1,924	1,05320	,317359	30,13275

	N	Минимум	Максимум	Среднее	Стд. отклонение	Коэффициент вариации
k3_ Количество воспоминаний	102	,333	3,125	1,20810	,475785	39,38286
k3_ Количество позитивных воспоминаний	101	,143	2,500	1,14481	,452665	39,5405
k3_ Количество негативных воспоминаний	101	0,000	6,000	1,49088	1,008558	67,64826
k3_ Процент позитивных воспоминаний	101	,392	1,357	,95737	,158591	16,56527
k3_ Процент негативных воспоминаний	101	0,000	4,375	1,26535	,740981	58,55927
k3_ Наличие воспоминания «Рождение»	102	0,000	1,000	,76471	,426277	55,74395
k3_ Возраст первого воспоминания	102	,071	12,000	1,04945	1,407366	134,1049
k3_ Количество воспоминаний о детстве	102	0,000	15,000	1,33725	1,791032	133,9335
k3_ Процент воспоминаний о детстве	102	0,000	9,333	1,15770	1,325877	114,5273
k3_ Количество исторических воспоминаний	102	0,000	2,000	,87255	,363470	41,65609
k3_ Процент исторических воспоминаний	102	0,000	1,667	,86356	,357189	41,36225
k3_ Количество воспоминаний о других людях	102	0,000	5,000	1,27193	1,073265	84,38064
k3_ Процент воспоминаний о других людях	102	0,000	4,714	1,11409	,876042	78,63312
k3_ Количество сценарных воспоминаний	102	,400	2,750	1,20322	,451044	37,48643
k3_ Процент сценарных воспоминаний	102	,328	2,839	1,08069	,436382	40,37979
k3_ Количество типичных воспоминаний	102	,400	3,333	1,15660	,483507	41,80414
k3_ Процент типичных воспоминаний	102	,542	3,030	1,00278	,331196	33,02768
k3_ Количество уникальных воспоминаний	102	0,000	6,000	1,50609	1,216336	80,76109
k3_ Процент уникальных воспоминаний	101	0,000	4,500	1,21159	,816759	67,4121
k3_ Количество «фотографических» воспоминаний	64	0,000	5,000	1,01042	1,255280	124,2339
k3_ Количество обобщенных воспоминаний	64	,333	3,000	1,17789	,493188	41,87034
k3_ Процент «фотографических»	64	0,000	5,800	,86830	1,044089	120,2448

воспоминаний						
k3_ Процент обобщенных воспоминаний	64	,670	1,493	,95557	,121557	12,72091
k3_ Расстояние до первого воспоминания	64	0,000	9,500	1,12837	1,375352	121,8882
k3_ Расстояние от первого воспоминания до последнего воспоминания периода детства	64	0,000	11,500	1,07623	1,739747	161,6523
k3_ Расстояние от последнего воспоминания периода детства до последнего воспоминания актуального возраста	64	0,000	6,636	1,01199	,973292	96,17643
k3_ Эмоциональная амплитуда позитивных воспоминаний	64	,481	3,000	1,25571	,496180	39,51398
k3_ Эмоциональная амплитуда негативных воспоминаний	64	0,000	6,375	1,24676	,843213	67,63237
k3_ Общая эмоциональная амплитуда	64	,429	2,412	1,19725	,431157	36,0123

ПРИЛОЖЕНИЕ 8. Результаты корреляционного анализа 3 рядов данных: описание прошлого юношей/девушек, описание прошлого родителем и описание родительского прошлого юношей/девушкой.

Корреляции					
			Общее количество воспоминаний	Общее количество воспоминаний родителя	Общее количество воспоминаний о родителе
ро Спирмена	Общее количество воспоминаний	Коэффициент корреляции	1,000	,387**	,359**
		Знч. (2-сторон)	.	,000	,000
		N	102	102	102
	Общее количество воспоминаний родителя	Коэффициент корреляции	,387**	1,000	,367**
		Знч. (2-сторон)	,000	.	,000
		N	102	102	102
	Общее количество воспоминаний о родителе	Коэффициент корреляции	,359**	,367**	1,000
		Знч. (2-сторон)	,000	,000	.
		N	102	102	102
** Корреляция значима на уровне 0.01 (2-сторонняя).					

Корреляции			
		Количество позитивных воспоминаний	Количество позитивных воспоминаний о родителе
		Количество позитивных воспоминаний	Количество позитивных воспоминаний о родителе

ро Спирмена	Количество позитивных воспоминаний	Коэффициент корреляции	1,000	,316**	,350**
		Знч. (2-сторон)	.	,001	,000
		N	102	101	102
	Количество позитивных воспоминаний родителя	Коэффициент корреляции	,316**	1,000	,285**
		Знч. (2-сторон)	,001	.	,004
		N	101	101	101
	Количество позитивных воспоминаний о родителе	Коэффициент корреляции	,350**	,285**	1,000
		Знч. (2-сторон)	,000	,004	.
		N	102	101	102

** . Корреляция значима на уровне 0.01 (2-сторонняя).

Корреляции					
			Количество негативных воспоминаний	Количество негативных воспоминаний родителя	Количество негативных воспоминаний о родителе
ро Спирмена	Количество негативных воспоминаний	Коэффициент корреляции	1,000	,367**	,323**
		Знч. (2-сторон)	.	,000	,001
		N	102	101	102
	Количество негативных воспоминаний родителя	Коэффициент корреляции	,367**	1,000	,532**
		Знч. (2-сторон)	,000	.	,000
		N	101	101	101
	Количество негативных воспоминаний о родителе	Коэффициент корреляции	,323**	,532**	1,000
		Знч. (2-сторон)	,001	,000	.
		N	102	101	102

** . Корреляция значима на уровне 0.01 (2-сторонняя).

Корреляции					
			Процент позитивных воспоминаний	Процент позитивных воспоминаний родителя	Процент позитивных воспоминаний о родителе
ро Спирмена	Процент позитивных воспоминаний	Коэффициент корреляции	1,000	,291**	,259**
		Знч. (2-сторон)	.	,003	,008
		N	102	101	102
	Процент позитивных	Коэффициент корреляции	,291**	1,000	,479**

	воспоминаний	Знч. (2-сторон)	,003	.	,000
	родителя	N	101	101	101
	Процент позитивных воспоминаний о родителе	Коэффициент корреляции	,259**	,479**	1,000
		Знч. (2-сторон)	,008	,000	.
		N	102	101	102
**. Корреляция значима на уровне 0.01 (2-сторонняя).					

Корреляции					
			Процент негативных воспоминаний	Процент негативных воспоминаний родителя	Процент негативных воспоминаний о родителе
ро Спирмена	Процент негативных воспоминаний	Коэффициент корреляции	1,000	,275**	,249*
		Знч. (2-сторон)	.	,005	,012
		N	102	101	102
	Процент негативных воспоминаний родителя	Коэффициент корреляции	,275**	1,000	,478**
		Знч. (2-сторон)	,005	.	,000
		N	101	101	101
	Процент негативных воспоминаний о родителе	Коэффициент корреляции	,249*	,478**	1,000
		Знч. (2-сторон)	,012	,000	.
		N	102	101	102
**. Корреляция значима на уровне 0.01 (2-сторонняя).					
*. Корреляция значима на уровне 0.05 (2-сторонняя).					

Корреляции					
			Возраст 1го воспоминания	Возраст 1го воспоминания родителя	Возраст 1го воспоминания о родителе
ро Спирмена	Возраст 1го воспоминания	Коэффициент корреляции	1,000	,210*	,174
		Знч. (2-сторон)	.	,034	,080
		N	102	102	102
	Возраст 1го воспоминания родителя	Коэффициент корреляции	,210*	1,000	,306**
		Знч. (2-сторон)	,034	.	,002
		N	102	102	102
	Возраст 1го воспоминания о родителе	Коэффициент корреляции	,174	,306**	1,000
		Знч. (2-сторон)	,080	,002	.
		N	102	102	102

*. Корреляция значима на уровне 0.05 (2-сторонняя).
** . Корреляция значима на уровне 0.01 (2-сторонняя).

Корреляции					
			Процент детских воспоминаний	Процент детских воспоминаний родителя	Процент детских воспоминаний о родителе
ро Спирмена	Процент детских воспоминаний	Коэффициент корреляции	1,000	,052	,058
		Знч. (2-сторон)	.	,603	,561
		N	102	102	102
	Процент детских воспоминаний родителя	Коэффициент корреляции	,052	1,000	,342**
		Знч. (2-сторон)	,603	.	,000
		N	102	102	102
	Процент детских воспоминаний о родителе	Коэффициент корреляции	,058	,342**	1,000
		Знч. (2-сторон)	,561	,000	.
		N	102	102	102

** . Корреляция значима на уровне 0.01 (2-сторонняя).

Корреляции					
			Количество детских воспоминаний	Количество детских воспоминаний родителя	Количество детских воспоминани й о родителе
ро Спирмена	Количество детских воспоминаний	Коэффициент корреляции	1,000	,184	,109
		Знч. (2-сторон)	.	,064	,275
		N	102	102	102
	Количество детских воспоминаний родителя	Коэффициент корреляции	,184	1,000	,313**
		Знч. (2-сторон)	,064	.	,001
		N	102	102	102
	Количество детских воспоминаний о родителе	Коэффициент корреляции	,109	,313**	1,000
		Знч. (2-сторон)	,275	,001	.
		N	102	102	102

** . Корреляция значима на уровне 0.01 (2-сторонняя).

Корреляции

			Расстояние до 1го воспоминания	Расстояние до 1го воспоминания родителя	Расстояние до 1го воспоминания о родителе
ро Спирмена	Расстояние до 1го воспоминания	Коэффициент корреляции	1,000	,063	,219
		Знч. (2-сторон)	.	,653	,104
		N	56	56	56
	Расстояние до 1го воспоминания родителя	Коэффициент корреляции	,063	1,000	,191
		Знч. (2-сторон)	,653	.	,130
		N	56	64	64
	Расстояние до 1го воспоминания о родителе	Коэффициент корреляции	,219	,191	1,000
		Знч. (2-сторон)	,104	,130	.
		N	56	64	64

Корреляции					
			Протяженность детства	Протяженнос ть детства родителя	Протяженность детства о родителе
ро Спирмена	Протяженность детства	Коэффициент корреляции	1,000	,038	,355**
		Знч. (2-сторон)	.	,785	,007
		N	56	56	56
	Протяженность детства родителя	Коэффициент корреляции	,038	1,000	,281*
		Знч. (2-сторон)	,785	.	,025
		N	56	64	64
	Протяженность детства о родителе	Коэффициент корреляции	,355**	,281*	1,000
		Знч. (2-сторон)	,007	,025	.
		N	56	64	64
**. Корреляция значима на уровне 0.01 (2-сторонняя).					
*. Корреляция значима на уровне 0.05 (2-сторонняя).					

Корреляции					
			Эмоциональная амплитуда позитивных воспом.	Эмоциональн ая амплитуда позитивных воспом.родит еля	Эмоциональна я амплитуда позитивных воспом.о родителе
ро Спирмена	Эмоциональ ная	Коэффициент корреляции	1,000	,465**	,473**
		Знч. (2-сторон)	.	,001	,000

	амплитуда позитивных воспом.	N	56	56	56
	Эмоциональная амплитуда позитивных воспом.родителя	Коэффициент корреляции	,465**	1,000	,464**
		Знч. (2-сторон)	,001	.	,000
	амплитуда позитивных воспом.родителя	N	56	62	62
	Эмоциональная амплитуда позитивных воспом.о родителе	Коэффициент корреляции	,473**	,464**	1,000
		Знч. (2-сторон)	,000	,000	.
		N	56	62	62

** . Корреляция значима на уровне 0.01 (2-сторонняя).

Корреляции					
			Эмоциональная амплитуда негативных воспом.	Эмоциональная амплитуда негативных воспом.родителя	Эмоциональная амплитуда негативных воспом.о родителе
ро Спирмена	Эмоциональная амплитуда негативных воспом.	Коэффициент корреляции	1,000	,315*	,534**
		Знч. (2-сторон)	.	,026	,000
		N	56	56	56
	Эмоциональная амплитуда негативных воспом.родителя	Коэффициент корреляции	,315*	1,000	,399**
		Знч. (2-сторон)	,026	.	,001
		N	56	62	62
	Эмоциональная амплитуда негативных воспом.о родителе	Коэффициент корреляции	,534**	,399**	1,000
		Знч. (2-сторон)	,000	,001	.
		N	56	62	62

*. Корреляция значима на уровне 0.05 (2-сторонняя).

** . Корреляция значима на уровне 0.01 (2-сторонняя).

Корреляции

			Общая эмоциона льная амплитуд а воспом.	Общая эмоциональ ная амплитуда воспом.роди теля	Общая эмоциональная амплитуда воспом.о родителе
ро Спирмена	Общая эмоциональная амплитуда воспом.	Коэффициент корреляции	1,000	,530 **	,480 **
		Знч. (2-сторон)	.	,000	,000
		N	56	56	56
	Общая эмоциональная амплитуда воспом.родите ля	Коэффициент корреляции	,530**	1,000	,476 **
		Знч. (2-сторон)	,000	.	,000
		N	56	62	62
	Общая эмоциональная амплитуда воспом.о родителе	Коэффициент корреляции	,480**	,476 **	1,000
		Знч. (2-сторон)	,000	,000	.
		N	56	62	62

** . Корреляция значима на уровне 0.01 (2-сторонняя).

Корреляции					
			Количество сценарных восп.	Количество сценарных восп.родителя	Количество сценарных восп.о родителе
ро Спирмена	Количество сценарных восп.	Коэффициент корреляции	1,000	,332**	,294**
		Знч. (2-сторон)	.	,001	,003
		N	100	100	100
	Количество сценарных восп.родителя	Коэффициент корреляции	,332**	1,000	,394**
		Знч. (2-сторон)	,001	.	,000
		N	100	102	102
	Количество сценарных восп.о родителе	Коэффициент корреляции	,294**	,394**	1,000
		Знч. (2-сторон)	,003	,000	.
		N	100	102	102

** Корреляция значима на уровне 0.01 (2-сторонняя).

Корреляции			
		Процент сценарных восп.	Процент сценарных восп.родителя восп.о родителе

ро Спирмена	Процент сценарных восп.	Коэффициент корреляции	1,000	,179	,054
		Знч. (2-сторон)	.	,074	,593
		N	100	100	100
	Процент сценарных восп.родителя	Коэффициент корреляции	,179	1,000	,349**
		Знч. (2-сторон)	,074	.	,000
		N	100	102	102
	Процент сценарных восп.о родителе	Коэффициент корреляции	,054	,349**	1,000
		Знч. (2-сторон)	,593	,000	.
		N	100	102	102
**. Корреляция значима на уровне 0.01 (2-сторонняя).					

Корреляции					
			Количество типичных воспоминаний	Количество типичных воспоминани й родителя	Количество типичных воспоминаний о родителе
ро Спирмена	Количество типичных воспоминаний	Коэффициент корреляции	1,000	,285**	,353**
		Знч. (2-сторон)	.	,004	,000
		N	100	100	100
	Количество типичных воспоминаний родителя	Коэффициент корреляции	,285**	1,000	,380**
		Знч. (2-сторон)	,004	.	,000
		N	100	102	102
	Количество типичных воспоминаний о родителе	Коэффициент корреляции	,353**	,380**	1,000
		Знч. (2-сторон)	,000	,000	.
		N	100	102	102

** . Корреляция значима на уровне 0.01 (2-сторонняя).

Корреляции					
			Процент типичных воспоминаний	Процент типичных воспоминани й родителя	Процент типичных воспоминаний о родителе
ро Спирмена	Процент типичных воспоминаний	Коэффициент корреляции	1,000	,207*	,187
		Знч. (2-сторон)	.	,039	,062
		N	100	100	100
	Процент типичных	Коэффициент корреляции	,207*	1,000	,346**

	воспоминаний родителя	Знч. (2-сторон)	,039	.	,000
		N	100	102	102
	Процент типичных воспоминаний о родителе	Коэффициент корреляции	,187	,346**	1,000
		Знч. (2-сторон)	,062	,000	.
		N	100	102	102
*. Корреляция значима на уровне 0.05 (2-сторонняя).					
**. Корреляция значима на уровне 0.01 (2-сторонняя).					

Корреляции					
			Количество уникальных воспоминаний	Количество уникальных воспоминаний родителя	Количество уникальных воспоминаний о родителе
ро Спирмена	Количество уникальных воспоминаний	Коэффициент корреляции	1,000	,318**	,262**
		Знч. (2-сторон)	.	,001	,008
		N	100	100	100
	Количество уникальных воспоминаний родителя	Коэффициент корреляции	,318**	1,000	,382**
		Знч. (2-сторон)	,001	.	,000
		N	100	102	102
	Количество уникальных воспоминаний о родителе	Коэффициент корреляции	,262**	,382**	1,000
		Знч. (2-сторон)	,008	,000	.
		N	100	102	102

** . Корреляция значима на уровне 0.01 (2-сторонняя).

Корреляции					
			Процент уникальных воспоминаний	Процент уникальных воспоминаний родителя	Процент уникальных воспоминаний о родителе
ро Спирмена	Процент уникальных воспоминаний	Коэффициент корреляции	1,000	,216*	,194
		Знч. (2-сторон)	.	,032	,054
		N	100	99	100
	Процент уникальных воспоминаний родителя	Коэффициент корреляции	,216*	1,000	,351**
		Знч. (2-сторон)	,032	.	,000
		N	99	101	101
	Процент уникальных воспоминаний	Коэффициент корреляции	,194	,351**	1,000
		Знч. (2-сторон)	,054	,000	.

	о родителе	N	100	101	102
*. Корреляция значима на уровне 0.05 (2-сторонняя).					
**. Корреляция значима на уровне 0.01 (2-сторонняя).					

Корреляции					
			Количество «фотографич.» воспоминаний	Количество «фотографич.» воспоминаний родителя	Количество «фотографич.» воспоминаний о родителе
ро Спирмена	Количество «фотографич.» воспоминаний	Коэффициент корреляции	1,000	,561**	,339*
		Знч. (2-сторон)	.	,000	,011
		N	56	56	56
	Количество «фотографич.» воспоминаний родителя	Коэффициент корреляции	,561**	1,000	,356**
		Знч. (2-сторон)	,000	.	,004
		N	56	64	64
	Количество «фотографич.» воспоминаний о родителе	Коэффициент корреляции	,339*	,356**	1,000
		Знч. (2-сторон)	,011	,004	.
		N	56	64	64
**. Корреляция значима на уровне 0.01 (2-сторонняя).					
*. Корреляция значима на уровне 0.05 (2-сторонняя).					

Корреляции					
			Процент «фотографич.» воспоминаний	Процент «фотографич.» воспоминаний родителя	Процент «фотографич.» воспоминаний о родителе
ро Спирмена	Процент «фотографич.» воспоминаний	Коэффициент корреляции	1,000	,509**	,274*
		Знч. (2-сторон)	.	,000	,041
		N	56	56	56
	Процент «фотографич.» воспоминаний родителя	Коэффициент корреляции	,509**	1,000	,335**
		Знч. (2-сторон)	,000	.	,007
		N	56	64	64
	Процент «фотографич.» воспоминаний о родителе	Коэффициент корреляции	,274*	,335**	1,000
		Знч. (2-сторон)	,041	,007	.
		N	56	64	64
**. Корреляция значима на уровне 0.01 (2-сторонняя).					
*. Корреляция значима на уровне 0.05 (2-сторонняя).					

Корреляции					
			Количество обобщенных воспоминани й	Количество обобщенных воспоминани й родителя	Количество обобщенных воспоминаний о родителе
ро Спирмена	Количество обобщенных воспоминаний	Коэффициент корреляции	1,000	,286*	,262
		Знч. (2-сторон)	.	,038	,051
		N	56	56	56
	Количество обобщенных воспоминаний родителя	Коэффициент корреляции	,286*	1,000	,360**
		Знч. (2-сторон)	,038	.	,003
		N	53	64	64
	Количество обобщенных воспоминаний о родителе	Коэффициент корреляции	,262	,360**	1,000
		Знч. (2-сторон)	,051	,003	.
		N	56	64	64
*. Корреляция значима на уровне 0.05 (2-сторонняя).					
**. Корреляция значима на уровне 0.01 (2-сторонняя).					

Корреляции					
			Процент обобщенн ых воспомина ний	Процент обобщенных воспоминаний родителя	Процент обобщенных воспоминаний о родителе
ро Спирмена	Процент обобщенных воспоминаний	Коэффициент корреляции	1,000	,469**	,193
		Знч. (2-сторон)	.	,000	,154
		N	56	56	56
	Процент обобщенных воспоминаний родителя	Коэффициент корреляции	,469**	1,000	,309*
		Знч. (2-сторон)	,000	.	,013
		N	53	64	64
	Процент обобщенных воспоминаний о родителе	Коэффициент корреляции	,193	,309*	1,000
		Знч. (2-сторон)	,154	,013	.
		N	56	64	64
**. Корреляция значима на уровне 0.01 (2-сторонняя).					
*. Корреляция значима на уровне 0.05 (2-сторонняя).					

Корреляции			
	Количество воспоминаний о других	Количество воспоминаний о других у родителя	Количество воспоминаний о других о родителе

ро Спирмена	Количество воспоминаний о других	Коэффициент корреляции	1,000	,397**	,382**
		Знч. (2-сторон)	.	,000	,000
		N	102	102	102
	Количество воспоминаний о других у родителя	Коэффициент корреляции	,397**	1,000	,583**
		Знч. (2-сторон)	,000	.	,000
		N	102	102	102
	Количество воспоминаний о других о родителе	Коэффициент корреляции	,382**	,583**	1,000
		Знч. (2-сторон)	,000	,000	.
		N	102	102	102

**.

Корреляции					
			Процент воспоминаний о других	Процент воспоминаний о других родителя	Процент воспоминаний о других о родителе
ро Спирмена	Процент воспоминаний о других	Коэффициент корреляции	1,000	,479**	,328**
		Знч. (2-сторон)	.	,000	,001
		N	102	102	102
	Процент воспоминаний о других родителя	Коэффициент корреляции	,479**	1,000	,584**
		Знч. (2-сторон)	,000	.	,000
		N	102	102	102
	Процент воспоминаний о других о родителе	Коэффициент корреляции	,328**	,584**	1,000
		Знч. (2-сторон)	,001	,000	.
		N	102	102	102

** . Корреляция значима на уровне 0.01 (2-сторонняя).

Корреляции					
			Количество исторических воспоминаний	Количество исторических воспоминаний родителя	Количество исторических воспоминаний о родителе
ро Спирмена	Количество исторических воспоминаний	Коэффициент корреляции	1,000	-,056	-,041
		Знч. (2-сторон)	.	,574	,681
		N	102	102	102
	Количество исторических	Коэффициент корреляции	-,056	1,000	,313**

	воспоминаний родителя	Знч. (2-сторон)	,574	.	,001
		N	102	102	102
	Количество исторических воспоминаний о родителе	Коэффициент корреляции	-,041	,313**	1,000
		Знч. (2-сторон)	,681	,001	.
		N	102	102	102

** . Корреляция значима на уровне 0.01 (2-сторонняя).

Корреляции					
			Процент исторических воспоминаний	Процент исторических воспоминаний родителя	Процент исторических воспоминаний о родителе
ро Спирмена	Процент исторических воспоминаний	Коэффициент корреляции	1,000	-,056	-,041
		Знч. (2-сторон)	.	,575	,681
		N	102	102	102
	Процент исторических воспоминаний родителя	Коэффициент корреляции	-,056	1,000	,317**
		Знч. (2-сторон)	,575	.	,001
		N	102	102	102
	Процент исторических воспоминаний о родителе	Коэффициент корреляции	-,041	,317**	1,000
		Знч. (2-сторон)	,681	,001	.
		N	102	102	102

** . Корреляция значима на уровне 0.01 (2-сторонняя).